

16+

Марта Молина

Эпилог

Марта Молина

Эпилог

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48614330

SelfPub; 2021

Аннотация

В жизни Леси есть настоящее чудо: любимая маленькая дочка. Но однажды уютный мир начинает трещать по швам. Что тому виной? Давняя личная трагедия? Возвращение школьной подруги? Или благотворительный фонд «Эпилог», который вместо помощи «неродившим матерям» все глубже погружает общество в распри и скандалы?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	26
Глава 8	43
Глава 9	46
Глава 10	51
Глава 11	54
Глава 12	58
Глава 13	61
Глава 14	65
Глава 15	70
Глава 16	72
Глава 17	77
Глава 18	89
Глава 19	90
Глава 20	93
Глава 21	105
Глава 22	111
Глава 23	114

Глава 24	118
Глава 25	123
Глава 26	138
Глава 27	141
Глава 28	144
Глава 29	150
Глава 30	155
Глава 31	165
Глава 32	169
Глава 33	176
Глава 34	178
Глава 35	192
Глава 36	195
Глава 37	199
Глава 38	214
Глава 39	222
Глава 40	231

Марта Молина

Эпилог

Глава 1

– Мамочка, а кто там живет? – указывает на старый дом, утопающий в кустах смородины.

– Не показывай пальцем.

– Почему не показывать?

– Это невоспитанно.

На дом теперь нацелен долговязый одуванчик, сорванный пять минут назад («Мам, смотри, выше пояса!») Цветочная шапка бодро желтеет на еще упругом стебельке.

– А так воспитанно? И кто там живет? Колдунья?

– Почему сразу колдунья?

Хотя здание действительно мрачновато, да и угольно-черный кот у калитки смотрит слишком уж осмысленно.

– Может, это дом пожилой уважаемой женщины. В прошлом, скажем, знаменитой актрисы.

Сидит себе за столом, скромно накрытым к чаю, в окружении блеклых фото. Над головой пятирожковая люстра с розочками. Маятник напольных часов гулко отсчитывает секунды. А перед глазами, поверх старинного комода и полосатой софы – шумная премьера, овации, поклонник-подпол-

ковник и юные лица на свежих афишах...

И за окном – залиvistый детский смех. Девочка в ярких резиновых сапожках, размахивая гигантским одуванчиком, звонко возражает:

– Нет, мамочка, не может быть, актрисы в таких домах не живут!

– В каких же домах живут актрисы?

– Актрисы? – удивленный взгляд с выражением «это знает каждый». – В особняках, конечно!

– А это чем тебе не особняк?

– Какой же это особняк. Это так, домик! – пренебрежительно машет ручкой. – Ой, киса! Кис-кис-кис...

Кот как будто закатывает глаза, брезгливо изгибает хвост и удаляется в сад через приоткрытую калитку.

Глава 2

– Более символического действия, пожалуй, придумать невозможно, – тараторит журналистка, проникновенно глядя в камеру, и ветер ставит ей рожки, поднимает короткие пряди на темени. – Прямо сейчас за моей спиной проходит мероприятие, посвященное прощанию с неродившимися детьми. Это уникальный в своем роде проект, созданный Анной Костомаровой, простой домохозяйкой из подмосковного Серпухова. Участники, а точнее, участницы события – несостоявшиеся мамы, потерявшие своих малышей до или сразу после родов.

Камера медленно движется вдоль столов, у которых копошится несколько женщин. Запыхавшийся голос за кадром поясняет:

– Мы видим, как участницы при помощи маркеров рисуют воздушные шары. Зрелище могло бы показаться праздничным, если бы не печальная тематика мероприятия. На шариках женщины изображают своих нерожденных детей: кто-то рисует плод в утробе, кто-то новорожденного младенца или даже ребенка постарше – таким, каким мама представляла своего малыша, вынашивая его. На некоторых шарах есть подписи – это имена, давно придуманные, но так никогда не данные своим детям безутешными родителями.

Голос журналистки театрально срывается, замолкает на

миллисекунду, во время которой зрителя должно захлестнуть сочувствие к нереализованным матерям.

– Сейчас мы побеседуем с организатором акции Анной Костомаровой.

Взлохмаченная журналистка тычет микрофон в лицо растерянной женщине.

– Анна, расскажите, что здесь происходит.

– Здесь собрались мамы, дети которых умерли во время беременности или сразу после родов. – Она говорит с паузами и запинками, шмыгая красным от ветра носом. Но постепенно голос набирает силу, а речь скорость, как бывает у стеснительных людей, рассказывающих о своем увлечении, о правильном и хорошем по их мнению деле.

– Проблема таких женщин... – она сбивается и начинает заново: – Дело в том, что когда мама теряет ребенка – это трагедия, понятная всем. Пережить своих детей всегда было проклятием, такого даже врагам не желают. Скорбь о сыне или дочери, можно рассчитывать на поддержку окружающих, на понимание и сочувствие. Но ситуация поворачивается несколько по-другому, когда речь идет о потере еще нерожденного ребенка. Такой маме общество, в том числе и близкое окружение, дает гораздо меньше времени пережить свою потерю. Каждый день умирают сотни эмбрионов: женщины решаются на аборт, и это не воспринимается как настоящая смерть, что бы ни говорили борцы против искусственного прерывания беременности. Из-за этого и смерть

пусть даже желанного, долгожданного, но еще не рожденного ребенка не кажется людям, как бы это сказать... настоящей. А ведь во время беременности связь с ребенком ощущается чуть ли не сильнее, чем после его рождения. Женщина носит в себе несколько недель или месяцев не просто «плод» – она вынашивает свое будущее, человечка, живет этим чудом. Сколько страхов, надежд, радости она переживает за это время. И представьте: носить и ждать ребенка, скажем, полгода, да или все девять месяцев, и вдруг потерять его, так и не увидев! Поверьте, по ощущениям женщины это такая же полноценная трагедия, как и смерть годовалого, пятилетнего, пятнадцатилетнего ребенка. Но нерожденного малыша даже похоронить нельзя! Чаще всего с ним невозможно попрощаться, посмотреть на него в последний раз. Словом, нельзя сделать ничего из того, что делают люди, провожая близких в последний путь.

Анна оглядывается на своих подопечных и продолжает:

– Нет могилы, нет фотографий, вообще нет вещественных доказательств того, что этот малыш существовал! Вы представьте себе всю ту боль и одиночество, с которыми остается женщина, потерявшая ребенка до его рождения. Отец малыша, как и все остальные, тоже не может в полной мере поддержать ее и разделить горе: он не видел своего сына или дочь, он с ним не знаком. Этого ребенка не было во всем мире, и потому мир не может оплакивать его. Для эмбриона мама была миром, и мама остается с этой ужасной

пустотой наедине. Многие продолжают носить, как бы донашивать, вынашивать в себе эту пустоту годами. Общество таким женщинам отводит неделю на поплакать, и более долгое горе воспринимается как слабость, жалость к себе или даже симулянство. Вы не обращали внимание, что сейчас даже скорбь четко регламентирована? Есть сроки, в которые нужно уложиться со своими переживаниями, и если выходишь за рамки (или, наоборот, не дотягиваешь, справляешься с горем раньше) – с тобой что-то не так. Когда у вас умирает бабушка, можно скорбеть несколько дней, а когда муж в расцвете сил – на траур вам отпустят несколько месяцев. У нас считается ненормальным горевать по коту больше 2-4 дней, даже если этот кот был самым любимым существом в течение, скажем, десяти или пятнадцати лет.

Репортер задумчиво кивает, собирается что-то спросить, но Костомарова говорит, не останавливаясь:

– Вдумайтесь: штампы и нормы, правящие нашим миром, захватили даже такую сугубо интимную область жизни, как скорбь по умершим! И грусти по нерожденным детям в этой шкале отводится не самый большой срок. Но разве можно скорбеть по расписанию? Женщины живут с этой болью, зачастую скрывая ее от окружения и даже от себя. Как отпустить эту боль?

Анна бросает тревожный взгляд на часы и спешит закончить мысль:

– Однажды я поняла, что розовый шар с изображением

эмбриона в утробе матери – это идеальный образ нерожденного малыша. Согласитесь: круглый, как живот беременной, полупрозрачный, как призрак. И главное, его можно отпустить – знаете это выражение, отпусти свое горе, отпусти плохую ситуацию? – так вот этот шарик можно отпустить. И что с ним будет? Правильно, он улетит к небесам! Туда, где, как многие верят, и обитает теперь душа ребенка! Этот символический поступок, надеюсь, хоть немного поможет унять горечь, позволит поставить некую точку, попрощаться с малышом и своим несостоявшимся материнством. Наконец мать увидит образ своего ребенка, наконец увидит, что с ним случилось: вот он был рядом, а теперь улетает на небо. Пусть это и простой воздушный шарик, поднимающийся к облакам.

– А сейчас, – вступает репортер, – участницы закончили создание, скажем так, образов своих детей и готовы выпустить шары в небо.

Женщины откладывают фломастеры и замирают с разрисованными шариками в руках. Здесь, на траве в городском парке, под хмурым небом, вокруг составленных в ряд обшарпанных столов их неподвижные фигуры напоминают скульптуры на кладбище. Только ветер вносит динамику в эту застывшую картину: треплет полы плащей, длинные юбки и челки. Видно, как некоторые женщины что-то шепчут своим шарикам, другие просто прижимают их к груди или животу. Несколько участниц тихо плачут.

Анна медленно обходит собрание: негромко говорит с каждой участницей, получает ответный кивок и переходит к следующей.

Журналистка комментирует:

– Теперь организатор церемонии Анна Костомарова сообщает женщинам, что пришло время прощаться и отпускать шары в небо. Как было заявлено в группе на Фейсбуке, где впервые и появилась информация о готовящейся акции, запуск шаров должен осуществиться в одно время, в семнадцать ноль-ноль. Анна уверена, что такая синхронность поможет неродившим матерям почувствовать единство и избавиться от чувства отчужденности и одиночества. На часах без двух минут пять, совсем скоро в воздух поднимется двадцать девять шаров – именно столько участниц насчитывает мероприятие.

– Если честно, мы не ждали от телевидения такого внимания, – негромко поясняет Костомарова. – Наш проект совсем не масштабен, на участие подписалось всего пятнадцать человек, но пришло почти в два раза больше. Хорошо, что мы запаслись шариками, фломастерами и всем необходимым в достаточном количестве. Правда, две участницы принесли свои материалы, но остальные просто пришли. Пришли в ожидании помощи и поддержки... Все, пора запускать.

Она отходит от оператора, возвращается к группе и громко, но мягко сообщает: «Отпускаем на счет три. Раз!»

Группа оживает, слышны всхлипы, несколько человек

выпрямляется и с решимостью поднимает шары над головой. Глядя на них, остальные делают то же самое. На счет «два» уже все женщины с непроницаемыми лицами стоят с поднятыми шарами. Ветер вырывает их из рук, и одна не удерживает, с приглушенным «ах-х» раньше времени выпускает нитку из пальцев. Шарик, вращаясь вокруг своей оси и покачиваясь, поднимается все выше и выше. «Три!» – спешно командует Анна, и над группой взмывает двадцать восемь розовых и красных воздушных шаров, унося горестные мысли и невоплощенные мечты. Камера следит за их стремительным подъемом, и удовлетворенный голос репортера дает финальную реплику:

– Акция, направленная на поддержку неродивших матерей, завершена. Прямо сейчас на наших глазах в небо устремляется почти три десятка воздушных шаров, символизирующих младенцев, умерших в утробе или сразу после рождения. Тех, смерти которых в нашем обществе уделяется так мало внимания. С вами была Дана Кринабати, специально для одиннадцатого канала.

Глава 3

С некоторых пор отвечать на звонки совсем не хочется. Лень принять вызов, прижать трубку к уху и поддерживать пустую болтовню. Неделя игнорирования телефона приносит плоды: непринятых вызовов заметно убавилось. Молчат мессенджеры, а смс приходят лишь от банка да оператора связи. Ну и пусть.

Но сегодня кто-то совершил невероятное: оставил запись на автоответчике. Кто сейчас вообще пользуется голосовыми сообщениями?

Известно, кто.

Эмма – лучшая подруга со студенческих времен. Вернее, одна из двух лучших подруг. Вторая, Катя, мягкая и покладистая, всегда предпочитала плыть по течению и не отвлекаться от своих дел на излишнюю активность. Не берешь трубку? Что ж, перезвонишь, как сможешь. Когда-нибудь потом. Придется долго ждать? Нестрашно, Кате всегда есть чем заняться. В юности она слыла девушкой самодостаточной: масса увлечений и спокойных хобби, не требующих компании, делали ее неуязвимой для скуки. После появления мужа и детей Катина занятость сохранилась, но поменяла вектор. Сегодня она настолько растворилась в семейных хлопотах, что забыла про себя и весь мир. Отними семью – и Катя останется в оглушительной пустоте, застынет в ожидании,

даже не пытаясь вспомнить, как это: жить для себя.

Зато боевой характер Эммы не давал покоя ни ей, ни ее окружению. Именно Эмма всегда являлась зачинщицей спонтанных поездок, розыгрышей и прогулов. Жгучая энергия возрастала в десятки раз, когда кто-то пытался ее остановить. «Не звони», «не ходи», «не вмешивайся» – такого Эмме говорить было нельзя. Просьба чего-то не делать словно включала в ее голове дрель, жужжащую одной-единственной мыслью: «Давай сделаем, давай сделаем, давай 3-3-3-3-сделаем!»

Всегда было большой ошибкой поделиться с Эммой планами. Она просто не могла жить в мире неоконченных дел и неосуществленных намерений. Ее активность требовала заземлить все подвешенное и реализовать все задуманное. Она не могла сдерживаться и почти каждый день, каждый божий день напоминала бедолаге о его задумке и требовала отчета о выполнении. Если процесс останавливался, Эмма предлагала миллион вариантов решения проблемы. Ей было проще сделать все самой, чем видеть, как что-то остановилось на полпути.

Эти черты делали Эмму незаменимой в сложных ситуациях. Предоставить помощь, свести с нужными людьми – подобные вещи Эмма делала каждый день на лету, бескорыстно и с удовольствием. Эту палочку-выручалочку все любили, но никто не мог выносить долго.

Ждать, пока перезвонят, Эмма не способна: наверное, ее

просто разорвет от невысказанного. Она всегда кажется веселой, но ее энергию нельзя назвать радостью: взвинченность, возбужденность, напряжение. Вот и сейчас она быстро наговаривает на автоответчик нервным голосом, сопровождающимся шумом льющейся воды и звоном посуды.

– Лесь, привет, как дела, куда пропала? Роман закрутила? Или на работе завал? В общем, слушай: у Кати вся семья в конце месяца уезжает на море, а она остается в своем крутом доме на острове совсем-совсем-совсем одна. Говорит, ей там скучно, и зовет нас присоединиться. Хотя на выходные, может, вырвешься? Побыли бы втроем: посидели, погуляли в сосновом лесу. Поболтали, похихикали. Что скажешь? В общем, я туда поеду с пятницы по воскресенье, двадцать третьего числа то бишь. На машине. Могу и тебя подхватить, если захочешь. Ты же до сих пор без колес? Еще пьешь свои лекарства? Без колес из-за колес, ха-ха. Перезвони. Чао!

Было время, когда каждая поездка воспринималась как захватывающее событие: планировались дела до отъезда, покупались обновки, составлялись списки вещей в дорогу. Работа с частыми командировками быстро развеяла романтический флер путешествий. Теперь любые сборы занимают не больше часа. Как-то под руку попался старый блокнот со списками вещей и дел: «До поездки не забыть», «Успеть купить», «Что взять с собой». Через несколько страничек списки повторялись. Именно тогда стало очевидным: неважно, куда едешь – ты остаешься такой же. Берешь с собой одно и

то же, делаешь одно и то же, беспокоишься об одном и том же, и никуда от этого не убежишь.

Поэтому сборы в дом на острове займут не более пятнадцати минут. Что нужно женщине на два дня? Чистое белье. Зубная щетка, косметичка. Средство для снятия макияжа. Кошелек и зарядка для смартфона. Вот и все. А иногда достаточно просто кошелька: все можно купить, без всего можно обойтись.

За окном бушует холодный ливень.

Дом на острове словно создан для такого непогожего лета. Морось на водной глади, хвойный лес в дождливой пелене. Переливающиеся угли в настоящем камине и теплая женская компания. В конце концов, что еще нужно для идеального уик-энда?

Глава 4

Полпятого, и в квартире справа сели за фортепиано. Сначала – беглая разминочная гамма, вверх и вниз, затем несколько сильных аккордов во всех октавах. На пятой промазали: секундная заминка. Ясно представляется, как юная пианистка с досадой трясет кистью, крутит запястьем, сжимает и разжимает кулачки, чтобы руки больше не подвели.

И вот полилась музыка. Соседский репертуар на удивление приятен: никаких школьных этюдов, скучных разучиваний и бесконечных повторений сложных пассажей. Одна мелодия плавно переходит в другую, и общая программа занимает около получаса. Узнаваемые темы из кино, немного классики, пара джазовых импровизаций. Судя по манере игры, исполнительнице лет двенадцать-тринадцать, не меньше. И она, безусловно, обладает выдающимся талантом. Наверняка на музыкальных конкурсах девочка занимает призовые места: раскрасневшаяся и нарядная, после блистательного исполнения какой-нибудь сложной фуги раскланивается на ярко освещенной школьной сцене, а за кулисами старенькая учительница украдкой утирает горделивую слезу.

Интересно, поддерживают ли родители? Планируется ли на семейных советах поступление в консерваторию? Или пианистка наслаждается последними беззаботными годами, ведь в старших классах пойдут репетиторы, подготовитель-

ные курсы, экзамены, и станет не до всей этой музыкальной бесперспективной ерунды?

Пальцы быстро-быстро забегали по клавишам, и звуки, словно касаясь мягкой лапкой самого сердца, постепенно убаюкивают скрытую, ноющую, глубинную тоску.

Глава 5

– Добрый вечер, уважаемые телезрители. Вы наверняка помните наш недавний репортаж об акции прощания с неродившимися малышами. Сложно забыть душещипательные кадры, в которых безутешные мамы отпускают в небо воздушные шары в надежде, что это поможет заглушить боль утраты... Мы продолжаем следить за развитием такого важного социального проекта. И сейчас, по прошествии двух недель, решили выяснить, как относится широкая общественность к детищу Анны Костомаровой. В прямом эфире наш корреспондент Дана Кринабати.

– На сегодняшний день проведено уже три церемонии прощания, – рапортует журналистка. – Сейчас вы можете видеть, как за моей спиной организаторы третьей акции собирают реквизит, а участницы расходятся по домам.

На заднем плане и вправду вяло копошатся люди: сворачивают тент, уносят столы.

– Мнения участниц акции собрать не удалось, – кается Кринабати. – Расспрашивать горюющих женщин сразу после церемонии не совсем этично. Оставив участниц наедине со своими эмоциями, мы обратились с вопросами к зрителям мероприятия, коих в этот раз собралось немало.

В кадре молодая парочка: тощий юноша и белокурая девчушка. Юноша тупо улыбается, глядя прямо перед собой,

зато его подруга бойко отвечает на вопрос:

– Мы просто прогуливались, как увидели начало акции. Конечно, мы уже слышали о таких мероприятиях, поэтому подошли посмотреть. Это все похоже на похороны, немного удручает, но если задуматься, то ведь этим неродившим матерям что-то подобное как раз и нужно. Я видела интервью с организатором, Анной Кость... Костопра... да, точно, Костомаровой, спасибо! Она говорила, как важно дать мамам возможность проститься со своими детьми. Здесь это так и ощущается: грустно, несколько уныло, но все как-то... – она запинаясь, подбирая слово.

– В тему, – вдруг подсказывает парень.

– Да, точно, в тему! – радуется девушка.

В кадр любопытно влезает пожилая женщина, и микрофон двигается в ее сторону.

– А я считаю, – заявляет она, – что им в церковь надо, а не в парке шары запускать. Уныние есть грех, и так безутешно оплакивать своих младенцев означает идти против воли Господа нашего. Смирения у них нет! Гордыня сплошная!

Микрофон резко дергается, и камера перескакивает на соседнее лицо. Видимо, религиозные споры в сюжет репортажа не вписываются.

– Что я думаю по поводу акций? – растеряно переспрашивает розовощекая блондинка. – Да я стараюсь об этом не думать, сами понимаете.

Оператор отступает, и становится видно, что блондинка

беременна. Поглаживая огромный живот, она продолжает:

– Даже представить себе не могу, какое горе они чувствуют. У меня срок семь месяцев, и если вдруг что-то пойдет не так, и все эти семь месяцев насмарку, я наверняка просто сойду с ума! – на ее глаза наворачиваются слезы. – Простите, от гормонов такое бывает.

На помощь подоспевает вторая девушка, с животом поменьше. Внешнее сходство усилено однотипной одеждой: двойняшки. Она успокаивающе гладит сестру по плечу и гневно высказывается:

– А я считаю, что такие церемонии в нашем парке ни к чему! Нам с сестрой нужно о хорошем думать. А после такого зрелища только расстраиваешься, начинаешь воображать разные беды, которые и с тобой могут случиться. Мысли материальны, слышали такое? Так что от подобных акций лично у меня мурашки по коже.

– Но как вы относитесь к самой идее помощи таким женщинам? – спрашивает журналистка.

– Идея неплохая, – немного остыв, соглашается беременная. – Бесспорно, это огромное горе и все такое. Да, неродившим нужна поддержка, но и нам, нормальным, она тоже нужна!

Ведущий радостно потирает руки:

– «Нормальным», – цитирует он голосом человека, предвкушающего скандал. – Вот глас народа! Россияне испытывают жалость к участницам акции, это факт. Люди у нас доб-

росердечные. Но при этом они считают, что неродившие матери ненормальны. Обратите внимание, это мнение высказывает женщина, которая и сама готовится скоро стать мамой. Кому, как не ей, должны быть близки и понятны все страхи и горести неродивших матерей? Но она считает, что после смерти ребенка жизнь продолжается, и живых от мертвых нужно ограждать. А как считаете вы? Выскажите на сайте нашего канала: ваше мнение стоит того, чтобы быть услышанным!

Глава 6

Пятница кажется праздничной, хотя на календаре просто лето. Погода наладилась. Еще только полдень, но никто никуда не спешит. Люди расслабленно бредут по бульвару, растекаясь на солнцепеке. Город беззаботных безработных.

Эмма уже ждет, и стоит поспешить, чтобы добраться до Катиной фазенды без пробок. Осталось немного: свернуть во дворы и через прохладную арку вынырнуть к метро.

Отчаянный воробышко, уверенно лавируя в толпе, пролетает над тротуаром и присаживается на стол уличного кафе. Деловито осматривается в поисках крошек, придирчиво разглядывает капли на столешнице. Зыркает на парочку за соседним столиком: никакой еды, лишь два бокала да пельница. Наклоняет голову и вдруг вспархивает, исчезает, будто его и не было.

– Мама, а куда воробушек полетел?

– Искать место, где его покормят.

– Давай мы его покормим?

– Так он же улетел уже.

– А давай купим ватрушек и будем носить с собой на всякий случай, вдруг мы его снова встретим!

– Ага, а потом не встретим, и все ватрушки достанутся тебе. Ах, хитрюшка – любитель ватрушек!

Вести беседу с ребенком можно бесконечно. Трудно по-

нять тех, кому общение с детьми кажется скучным. Ведь темы рождаются на каждом шагу, в каждом проявлении многообразия жизни, и никогда не знаешь, куда заведет кипучая смесь детской фантазии и любопытства.

Взять бы в ладонь теплую дочкину руку и позволить увлечь себя в ее мир. Мир, сотканный из обрывков сказок, полный волшебства и вещей настолько простых и одновременно невероятных, что от удивления невозможно удержать смех.

Всем известно: стоит замечтаться, и жизнь тут же покажет изнанку. Для баланса.

Из распахнутого окна высовывается голая девчина и под грохот попсы пьяно кричит: «Пусть все идут на...» Эхо подхватывает последние три буквы и радостно рикошетит по стенам домов, скатывается по горке на детской площадке, отпрыгивает от карусели и устремляется ввысь, туда, где жаркое солнце золотит верхушки тополей.

Есть вещи, которые хочется вырезать из мира, в котором растет ребенок.

Глава 7

Дом на острове стал бы отличной декорацией для фильма любого жанра. В солнечные дни здесь можно снимать красочный мюзикл, в пасмурные – психологическую драму. Зимой на фоне местных пейзажей развернулась бы романтическая комедия, а в ноябре – классический фильм ужасов с ветками, скребущими по стеклу, и старой лодкой на туманном озере.

Сейчас, в июле, дом сияет стеклами и флюгером, приглашающе машет тюлем из распахнутого окна. Под колесами вкусно хрустит гравий, веет свежестью от близкой воды. Эмма глушит мотор. Зашумели, аплодируя, сосны.

– Девчонки! – раздается визг с террасы. Катя вскакивает навстречу, и на половицах скрипит кресло-качалка.

– Совсем одичала, женщина, – бормочет Эмма, освобождаясь от повисшей на шее подруге.

– Какая ты сегодня! – восхищенно тянет Катя, отстраняясь и окидывая подругу влюбленным взглядом.

А посмотреть есть на что. У Эммы новая стрижка: гладкие, блестящие, словно облитые лаком черные волосы с рыжей поперечной полосой. Темный джемпер подчеркивает синеву глаз, черты лица кажутся еще тоньше из-за смуглого загара. Эмме не знакома проблема лишнего веса, от природы ей досталась сухощавая фигура, та, которую завистники

называют костлявой, а поклонники – точеной.

Но здесь нет завистников, только друзья.

– Хватит обнимашек, – смущается Эмма. – Тащи штопор, топи камин!

– Да все готово еще с утра! Я вас так ждала, так ждала! В этой глуши вообще нечем заняться. Совсем-совсем нечем! – жалуется Катя, подхватывая пакеты с едой и направляясь в дом.

Как может быть нечем заняться в такой красоте? Созерцай рассветы да слушай соловьев: уже только этого должно хватить для полного счастья.

Из просторной гостиной на улицу ведет вторая дверь, к озеру. На веранде три соломенных стула и столик, а дальше – тропинка, обсаженная пестрыми турецкими гвоздиками и убегающая к маленькому причалу. Зловещей лодки на этот раз нет: триллеров не запланировано.

В стороне на пригорке раскинулась ракета. К ветке привязаны самодельные качели. Если на них сесть и поднять голову, то увидишь резной узор из узких листьев на фоне синего неба. Настоящий шатер из листвы: крона настолько густая, что даже дождь под ней не страшен. Можно качаться и наблюдать, как капли оставляют на озере круги и пузыри. Идеальное место для игр маленькой девочки.

– Леся, хватит медитировать, давай в дом! Мы уже для тебя, лентяйки, тут все устроили!

Смеркается, тепло камина прогоняет ночную сырость.

Эмма ежится, хватается сразу три кубика сыра и подсаживается к огню. Катя, с набитым виноградинами ртом, разливает из тяжелой бутылки.

– Давайте, девчонки: за встречу!

Звонко встречаются бокалы. Хозяйка дома, щурясь от удовольствия и вина, оглядывает компанию.

– Здесь просто нечем заняться, – повторяет она. – Даже по телеку смотреть нечего! Как ни включишь, либо сериалы про ментов, либо новости.

– А что, кабельного в твоём дворце нет? – хмыкает Эмма.

– Ой, да какой там дворец! – машет рукой Катя. – Скворечник! В подвале вода, крышу перекрывать надо, трубы гудят.

– И кабельного нет, – качает головой Эмма.

– Точно! Антенну ветром снесло позавчера. Техник все никак не доедет. Чувствую, пока муж не вернется, я без нормальных каналов. В интернете мне неинтересно. А чем еще заняться – ума не приложу!

Конечно, такой случай поупражняться в остроумии упустить нельзя.

– Вязать начни!

– Гладью вышивать!

– Напиши нового «Гарри Поттера»!

– Орхидеи еще можно разводить!

– И кошек!

– Точно, кошек! Ты же независимая и самодостаточная

женщина, где твои кошки?!

– Зачем мне кошки? У меня муж есть, – оправдывается Катя.

– Ну так выпьем же за крепкую семью, в которой даже кошки не нужны! – прыскает Эмма, и тишина ночного дома прочно вытесняется смехом и болтовней.

Почти стемнело.

– Не учится, не ищет работу, – рассказывает Катя про старшего сына. – Какой в этом толк, говорит. Любая деятельность бессмысленна: мол, мы работаем, выбиваемся из сил, зарабатываем деньги и спускаем их на поддержание жизнедеятельности, чтобы можно было проработать подольше. Потом болеем и умираем, а мир каким был до нашего рождения, таким же точно и остается после нашей смерти. Во всем этом, говорит, никакого смысла нету, и я не хочу впрягаться в колесо бессмысленной рутины.

– Да твой сын чертов просветленный, – изрекает Эмма.

– Ой, да какой там просветленный, – закатывает глаза Катя. – Лежать на диване целыми днями и обедать дважды в день – в этом смысла, конечно, гораздо больше, чем стать уважаемым человеком, завести семью и слезть наконец-то с родительской шеи.

– Ну, может, это временное бездействие. Просто период такой переходный. Однажды он поймет, чем хочет заниматься.

– Хотелось бы надеяться на это, – кивает Катя. – Хотя бы он не стал одним из этих пузатых лентяев, в сорок лет живущих с мамой.

– Так странно слышать это от тебя, Катя. Я прямо тебя зауважала! Обычно мамочки, наоборот, удерживают своих детей рядом как можно дольше...

– Прошли те времена. Был бы он единственным ребенком, может, я бы и осталась клушей, не отпускающей от себя своего цыпленочка. Но у меня еще двое. Это нормальное течение жизни: дети растут, встают на ноги и уходят, а потом, к старости, возвращаются и помогают своим родителям понять, что их жизнь прошла не зря.

– То есть для тебя смысл человеческой жизни в семье?

– Не знаю насчет всего человечества, но в моей жизни главное дети, это да. Я не претендую на абсолютную истину, конечно. Но для меня важнее ничего нет.

– Так донеси эту идею до сына. Может, она вдохновит его? Покажет новый вариант смысла жизни?

– Да говорила, – пожимает плечами Катя и замолкает.

– И? Что он думает?

– Мой сын считает так: люди не знают, что делать со своей жизнью. Говорит, мы все понятия не имеем, для чего живем и чем должны заниматься. Из-за этого наше существование пусто. И если постоянно и сознательно смотреть в эту пустоту, можно сойти с ума и повеситься, потому что невозможно так жить. Чтобы отвлечься, отвлечь себя от этого осознания

глобальной пустоты и никчемности, люди заполняют свою жизнь всякой «суетой», как он выражается. Строят семьи и растят детей, общаются, выполняют никому не нужную работу, деньги от которой тратят на никому не нужные вещи и развлечения. Ставят себе цели и увлеченно кидаются их достигать. Делают все, что угодно, лишь бы не вспоминать о главном: о том, что они не знают, что делать со своими жизнями.

Воцаряется молчание. Нужно примерить сказанное на себя, оспорить и доказать себе, что, может, это и истина, но для кого-то другого. Действительно, многие не знают, зачем живут, и стремятся к надуманным и иллюзорным целям. Со стороны это отлично видно. Многие – но только не мы! У нас-то все окей.

– Вау, – нарушает паузу Эмма. – Все-таки твой сын чертов просветленный. Хоть и обжора, ведь два обеда в день – это сильно!

А потом настает время обсуждения личного. Меняются интонации, принимаются более доверительные позы. Катя обхватывает ладошками бокал, словно чашку горячего какао, и участливо пододвигается к Эмме.

– А как твой Макс, общаетесь после развода?

– Так, – Эмма неопределенно крутит запястьем, – общаемся. Два месяца прошло. Уже завел подружку.

Катя выдерживает паузу, негодуяще округляет глаза. По-

ра углубиться в чувства.

– И как ты? Не переживаешь?

– Да мне по барабану, если честно. Прожили мы всего год, разошлись мирно, претензий я к нему не имею и иллюзий не питаю. С чего бы мне переживать?

Никто не знает, с чего бы ей переживать, и Эмма продолжает:

– Он тоже молодец: ну что, спрашивает, ты за меня рада? Я ему правдиво и ответила: я за тебя не рада. Мне может быть плевать, может быть обидно, досадно или завидно – но с чего мне радоваться? Неужели ты веришь, что экс-супруги могут искренне радоваться, когда кто-то быстро находит им замену? Да какой человек вообще будет радоваться такому?

Чувствуется, что Эмма права. Но эта правда облекается в какие-то неправильные слова. Слишком честные, наверное.

Эмма продолжает:

– Такое же недоумение у меня вызывают комментаторы в Инстаграме, которые под фотографиями чужого младенца в дурацком комбинезоне пишут восторженные отзывы: «Молодцы!», «Красавцы!». Люди, неужели вам не все равно? Вы правда настолько впечатлены заурядным снимком? Или просто хотите поддержать мамашу, которая демонстрирует своего ребенка в сети в жадной жажде одобрения?!

Эмма входит в раж, и надо ее немного остудить, пока разговор не повернул в русло злобной критики и сплетен.

– «Жадная жажда», вот это выраженьице! Эмма, за тобой

записывать надо!

Она фыркает и переводит дух.

– Так что с бывшим мужем-то? – робко напоминает Катя. – Ты не рада, что он завел подружку. Вдруг ты его еще не разлюбила?

– Вот еще! Конечно, разлюбила. Да не в любви же дело, неужели непонятно, девчонки? Мне может быть неприятно, что меня так легко забыли. Могу испытывать ревность из-за чувства собственности. К любви это никакого отношения не имеет! Могу остаться равнодушной: нашел кого-то, ну и слава небесам. Но прыгать от радости, что бывший влюбился? Странно это как-то.

– Эммочка, ты такая... – Катя смотрит в бокал в поисках нужного слова.

– Что, черствая? – с подозрением уточняет Эмма.

– Нет, что ты! Здравомыслящая, вот!

– Да, – пожимает плечами Эмма, – здравомыслие – мой конек. Мужчины странные существа: когда женщина чужая, здравомыслием восхищаются. А когда своя – так сразу в стерву переименовывают! Никакой логики, одни эмоции. Выпьем за логику, а?

Два часа спустя в гостиной накурено, громко играет хит восьмидесятых – «О-о-о, какая песня, девчонки, помните, помните? Давайте припев все вместе!» Эмма пускается в пляс, крутя над головой шаль, как ковбой лассо.

– Этой песне сто лет, уже и сам певец наверно забыл, что

она существует!

– Знаете, я ведь совсем не в курсе, что сейчас слушают.

– Это нормально, ты взрослый самодостаточный человек, у тебя давно сложился музыкальный вкус, и тебе больше не нужно искать себя во всех этих модных новинках.

– Какая красивая альтернатива фразе «ты замшелая старая карга»!

– А замечали, что в восемнадцать лет мы говорили ту же фразу: «Я вообще не знаю, что сейчас слушают», пытаюсь подчеркнуть свою индивидуальность, дать понять, что мы не с мейнстримом, не в толпе, не в стаде?

– А что этой фразой ты хочешь сказать сейчас? «Я отстала от молодежи и чувствую себя старой, разубедите меня»?

– Наверно, да. Разубедите же меня!

– Легко! Смотри, это фото сделано десять минут назад, ты здесь оседлала кресло и изображаешь мачо на корриде под песню Рики Мартина. Без сомнения, на этом снимке – взрослый самодостаточный человек со сложившимся музыкальным вкусом!

Когда веселье утихает, Катя тянется за пультом и принимается скучающе переключать каналы, приговаривая: «Ну нечего смотреть, совсем нечего смотреть».

Внезапно Эмма тычет пальцев в экран.

– О! Смотрите! Опять Аньку показывают! Верни-верни на канал назад, ну скорей, переключи обратно!

– Да чего тут необычного, эту Аньку разве что по уютю не

показывают, – ворчит Катя, но канал послушно переключает.

– Громче, громче сделай, не слышно же ничего!

Комнату наполняет баритон популярного телеведущего.

– В нашей студии Анна Костомарова, организатор проекта «Эпилог». Напомню, что чуть больше месяца назад состоялась первая акция, собравшая всего двадцать девять участниц – женщин, потерявших своих детей во время беременности или сразу после родов. С тех пор это действие повторилось шесть раз в Москве и тринадцать в подмосковных городах. Анна, как вы можете прокомментировать это?

– Прокомментировать что, количество акций? – Костомарова слегка усмехается. – Не очень понимаю, что здесь стоит комментировать. Наш первый выход показали по ТВ, после чего всего за сутки видеозапись нашей акции набрала полмиллиона просмотров, что является заоблачным показателем для роликов, не содержащих эротики, скандала, политики. В нашу группу добавилось несколько тысяч женщин, и меня просто забросали вопросами, как можно поучаствовать в следующей акции, когда и где мы планируем ее провести. Такой ажиотаж показал мне, насколько востребована сегодня поддержка женщинам, потерявшим своих младенцев – в сети их сейчас называют «неродившими матерями».

– Вы не ожидали такого горячего приема?

– Конечно, нет. Я вообще не ждала развития проекта. Я просто делала то, что в один прекрасный момент посчитала нужным сделать. И вот результат: люди стали откликаться.

Женщинам это нужно. Разумеется, нельзя было игнорировать многочисленные просьбы, и мы стали организовывать акции прощания все чаще.

– Подскажите, отличаются ли акции сегодня от той самой первой?

– Сильно отличаются. Первый выход был довольно спонтанным. Мы просто расставили несколько столов на траве в парке, объявили о дате мероприятия в соцсетях, купили сорок шариков и фломастеры. Даже не озаботились съемкой. Делали это больше для себя – я имею в виду, для участниц. Это была просто встреча друзей. Но нас показали по телевизору, и проект мгновенно вырос. Теперь на встречу нельзя прийти просто так, нужно записываться. Мы составили график, и запись есть уже на пять встреч вперед!

– А еще у вас появились спонсоры, – вкрадчиво добавляет ведущий.

– Да, – немного с вызовом, будто оправдываясь, отвечает Костомарова. – Во-первых, желающие принять участие живут не только в столице. Нам приходится выезжать в подмосковные города. На организацию и дорогу требуются средства. Я бы и сама справилась: билеты и расходные материалы не так много стоят, но отказываться от предложений спонсоров было бы глупо. На спонсорские средства мы можем организовывать наши акции более... м-м-м... красиво, если это слово уместно. Согласитесь, первая акция представляла собой несколько удручающее зрелище.

– Согласен, – кивает ведущий. – Эти обшарпанные парты, мало организованности.

– Теперь есть возможность обставить все более достойным образом. Как минимум, украсить место проведения акции. Мы угощаем участниц чаем и кофе, есть зоны отдыха и общения. Приглашаем психологов и представителей различных организаций, оказывающих разноплановую поддержку женщинам. Теперь к нам можно прийти не только для того, чтобы просто запустить шарик в небо. Можно познакомиться со специалистом, узнать, где оказывают помощь, да и просто выговориться. После первой акции несколько участниц жаловались мне в личном чате, что чувствуют опустошение, грусть, одиночество.

– То есть ваше мероприятие дало обратный эффект? – оживляется ведущий.

– Я бы так не сказала. Может, первые чувства после прощания действительно несколько упаднические, как бывает после любого расставания, похорон. Но в последствии участницы признавались, что им действительно стало легче. Они почувствовали освобождение. То есть наши акции приводят к своей цели: дают женщинам возможность полно пережить утрату и вернуться к жизни.

– И вы гарантируете, что запуск разрисованного шарика в небо станет панацеей для любой матери, потерявшей своего ребенка?

– Я не могу ничего гарантировать. Никто не может. Все

строго индивидуально. Но эффект есть, и он массовый: большинству участниц это помогает. У нас нельзя участвовать больше двух раз. Если женщина записывается в третий раз, мы понимаем: эффекта от наших акций для нее нет, и мы предлагаем помощь профессионала, даем контакты психотерапевта. Кстати, первые сеансы такой психотерапии для наших участниц бесплатны. Все это тоже обеспечивают спонсоры.

– Ого, это уже ощутимая финансовая поддержка. Психотерапия нынче недешевое удовольствие. А можно поподробнее: сколько именно сеансов оплачивают спонсоры?

– Мы сотрудничаем с центром психологической поддержки «Крылья любви», и эта организация предоставляет нашим участницам собственных специалистов за свой счет. Мы просто передаем женщину в их надежные руки и знаем, что первые два сеанса для нашей подопечной абсолютно бесплатны. Дальше центр выстраивает работу с клиенткой самостоятельно. А другой наш спонсор, молокозавод «Коровино», оказывает исключительно финансовую поддержку. Организация выделяет деньги, и мы подбираем специалистов для наших участниц своими силами. Не всегда нужен именно психотерапевт, иногда приходится прибегать к помощи других врачей. Все это происходит на деньги спонсора.

– Ты смотри, какая она стала, Анька, – Эмма зачарованно смотрит на экран, прилебывая вино прямо из бутылки. – А была такая мышка, такая скромняжка! Лесь, помнишь ее?

– Конечно, помню! Мы с ней даже почти дружили.

– Ага, пока эта скромняжка у тебя того баскетболиста не отбила! – встревает Катя.

– Ой, да какой там баскетболист, просто он был длинный.

– «Просто у него был длинный», – передразнивает Эмма и получает диванной подушкой по голове.

– А еще он меня на год младше был и называл знаете как?

– Как?!

– Дамочкой! Представляете? В шестнадцать лет – дамочка! Это ж почти как старухой обозвать! Вот обидно было.

Эмма прыскает и утыкается лицом в коленки. Катя утешительно похлопывает по плечу:

– Он наверняка не со зла. Может, он предсказателем был, провидцем? Чувствовал, что спустя двадцать пять лет ты ей и станешь!

– Ой, замолчи, а то тоже подушкой получишь!

– Как скажете, дамочка!..

И вот от закусок остались лишь крошки, открыта последняя бутылка, и три женщины сидят рядком перед огнем, тихо размышляя каждая о своем. Но к одной теме мысли возвращаются чаще других.

– Кто-нибудь общается с Анькой сейчас?

Все отрицательно качают головами. Столько лет прошло – сколько подруг уходит в прошлое, сколько дорожек расхо- дится, сколько знакомых лиц и имен начисто стирается из памяти! Но Аня Костомарова бесцеремонно вернулась в их

жизнь: вот она гордо и уверенно смотрит с экрана на трех былых подруг, уже сонных и пьяных, но еще не желающих заканчивать свой спонтанный девичник.

– Вообще, Анька молодец, я считаю, – решительно комментирует Эмма. – Таковую тему замутила. Нужную!

Катя делает страшные глаза и толкает Эмму в бок.

– А что ты меня толкаешь? Это ж не я замутила, а Анька. Вон скольким людям она помогает! Леське, может, тоже бы помогла.

Становится душно, мерзко. Жалкая фраза вылетает сама собой:

– А мне помощь не нужна!

Быстрее на воздух. К лунной дорожке на озерной ряби. К качелям, подвешенным тут специально для того, чтобы маленьким белокурым девочкам было не скучно, пока три взрослые тети пьют вино и бездумно бьют словами под самый дых.

– Лесь, ну ты куда! Лесь, ну ты чего! – наперебой кричат подруги и, путаясь в пледах и тапках, бросаются вслед.

Присаживаются на деревянные ступени. В молчании закуривают. Смотрят, как качаются гвоздики: влево-вправо, влево-вправо. В темноте все они кажутся одинаково бордовыми.

– Прости, Лесь, не подумав ляпнула, – Эмма покаянно затягивается сигаретой.

– Да ладно, чего там. Ты же как лучше хочешь, правда?

– Конечно, как лучше. Мой Марк, между прочим, отлич-

ный спец по психологической поддержке. Не хочешь к профессионалу, позвони ему. Брат всегда тебе поможет.

– Твой Марк уже однажды «помог», спасибо.

– А что за ирония? – снова вспыхивает Эмма. – Он и помог, все правильно тебе посоветовал!

– Девчонки, не надо, – пытается остановить ссору Катя, но поздно.

– Твой брат что сказал? Оставь ребенка, сказал он! Бог обо всем позаботится, сказал он! Раз тебе послана беременность, нельзя ее прерывать – вот что сказал твой брат! А, вот еще забыла, коронное: врачи часто ошибаются – вот что сказал Марк, твой брат! И что в итоге?

– Леся, девчонки, ну не надо, правда же... – вмешивается Катя, но ее уже никто не слышит.

– Марк не виноват, что в итоге вышло так, как вышло! – защищается Эмма.

– А кто тогда виноват? Кто виноват в том, что на двенадцатой неделе все врачи в один голос твердили, что ребенок не выживет, что можно сделать аборт сейчас, безболезненно, безопасно? Кто виноват, что я послушала твоего брата, который дал надежду своими рассказами про божественный замысел и врачебные ошибки? Кто виноват, что на четвертом месяце стало понятно, что ребенок умрет сразу после родов, а аборт было делать нельзя, и полгода – шесть месяцев, ш-е-с-ть! – я носила растущего, развивающегося, вытягивающего из меня жизнь, но обреченного на смерть младенца?

Слезы все же накатили. Вечно от вина глаза на мокром месте.

– Лесечка, милая, пойдём спать, пожалуйста, – Катя одновременно пытается погладить по голове и тянуть в сторону дома, но сама с трудом стоит на ногах.

– Да оставь её! – злобно бросает Эмма. – Пусть хоть так выговорится. Не мешай человеку себя жалеть.

– Да что ты такое говоришь, Эмм, прекрати же! – Катя уже сама рыдает, утирая глаза вязанным рукавом. Обидно, когда посиделки так мило начинаются и так грустно заканчиваются.

Эмма с силой тушит окурок, встает и, разочарованно махнув рукой, уходит в гостиную. Слышна возня, ругань вполголоса, шуршание: собирает раскиданные вещи. Щелкнула пультом, и замолчал телевизор, яблоко раздора.

– Эй, куда мне спать-то идти? – зовет она.

– Я сейчас покажу! – спешно кричит Катя, с облегчением поднимается и, пошатываясь, тоже исчезает в доме.

Вокруг луны сотня звезд.

«Мамочка, а кто живет... – запрокидывает голову и вскидывает руки к небу: – Вон там?»

Глава 8

Совсем непонятно, который час. Солнце уже печет. Но стоит такая благодатная тишина, какая бывает только утром за городом.

Тихонько покачиваются качели. Безмятежная гладь озера отражает сосновые кроны и белое пятно чайки, что равномерно кружит над водой.

От дома сбегает тропинка, вся в причудливых, словно по лекалу вырезанных кусочках сосновой коры. Среди шишек и длинных иголок копошатся полупрозрачные янтарного цвета муравьи.

Тропинка приводит на поляну, где ранняя пташка в розовом платице крошит хрустящий багет большой стае голубей. Серые, белые, пятнистые, они суетятся, отталкивают друг друга толстыми боками, торопятся подобрать побольше крошек, а чуть подалеку в высокой траве сидит взъерошенный котенок, выпучив глаза на такую кучу дичи и размышляя, как их всех поймать разом или уцепить хотя бы одну, самую толстую.

Солнце играет в светлых кудряшках. Пташка поворачивает лицо, щурится и с улыбкой говорит: «Пошли завтракать, мамочка?»»

В зале на первом этаже распахнуты стеклянные двери, но

еще слышен запах вчерашнего кутежа.

– Не пойму, откуда бычками тянет? Кажется, уже весь дом перетрясла, – виновато оправдывается Катя.

Видно, встала давно: на голове полотенце, в руках спрей для чистки стекол, где-то шумит стиральная машина. Женщина до кончиков ногтей: гулять до трех ночи, а утром за уборку!

– Ой, да мне всегда с похмелья не спится! – смущенно машет тряпкой хозяйка. – Совесть мучает. Ладно, потом закончу. Пошли завтракать, мамочка?

– Что?!

Сердце стукнуло и замерло, вслушиваясь.

– Говорю, завтракать пошли, дамочка! Я про вчерашнее, помнишь? Ну, баскетболист тебя так звал. Оладьи или овсяная каша?

Полчаса спустя на кухне появляется дух перегара, а за ним Эмма. Щеки рыхлые, под глазами мешки. Вчерашнюю обиду как ветром сдувает: природа уже отомстила этой язвительной бестактной женщине.

– Всем доброе утро. Сразу говорю: анальгина, водички, полежать не надо, чувствую себя прекрасно, – и, обведя глазами смущенных подруг, продолжает: – Просто каждый раз одно и то же. Люди пугаются, думают, мне плохо. Пару бокалов выпью, а на утро выгляжу, как последний алкоголик.

– Но вчера было не совсем «пара бокалов», – робко вставляет Катя.

– А, какая разница, – машет рукой Эмма. – Раз все равно терять лицо, так зачем себе отказывать в удовольствиях? Лесь, прости меня, вчера разговор пошел не по той дорожке.

– И ты меня. Пойдем все вместе в лес гулять? Там утром так здорово!

Там в сосновых ветках шуршит ветер, и ангелочки кормят голубей.

Глава 9

На фоне умопомрачительно стильного интерьера грациозно вышагивает кошка. Дымчатая шерсть отлиывает здоровым блеском, под шкурой перекачиваются мускулы. Истинный стандарт кошачьей красоты: совершенство форм, безупречность манер. Кошка вспархивает на белоснежный диван, где приютился образцово обаятельный котенок. Пушистая мама принимается вылизывать малыша, тот блаженно щурится и урчит. Идиллию застенчиво прикрывает известный логотип, вкрадчивый голос призывает покупать лучший в мире корм, и телеэфир возвращается к новостям.

Румяный ведущий освещает тему дня:

– Удивительно, но факт: менее чем за девять недель проект «Эпилог» из разовой, можно даже сказать, уличной акции вырос до влиятельной организации практически государственного масштаба. И этот рост продолжается. С каждым днем «Эпилог» занимает все более прочное место в социальной и экономической жизни страны.

Показывают грустного дядьку в усах и массивных очках. Подпись исчезает настолько быстро, что можно рассмотреть лишь начало и конец: «эксперт» и «Тарлеев В.С.» Область, в которой усатый В.С. стал экспертом, остается неизвестной. Глядя на такие молниеносные подписи, думается, что редактор титров пошалил и вставил совсем неподходящие сло-

ва: «паук» вместо «наук», не «профессор», а «агрессор». Но нет, не поймать этот мираж, не успеть прочесть, не схватить хулигана за руку...

«Верните кошку», – наверняка думает добрая половина зрителей, глядя в усталые очки Тарлеева и слушая его экспертные рассуждения:

– Без сомнения, столь стремительное развитие является показателем острой потребности в решении проблемы неродивших матерей в частности и психологической поддержки женщин в целом. Очевидно, что в нашем обществе назрела данная проблема, и необходимо было среагировать на нее. Раньше или позже, подобный проект обязательно появился бы. Его создала, можно сказать, сама природа современной жизни.

От монотонного бубнежа тоска сгущается, и камера торопливо переключается на ведущего.

– В данном случае природа действовала руками вполне реального человека: Анны Костомаровой, которая всего два месяца назад собрала группу женщин и провела первое мероприятие.

На экране – душещипательные шары, взмывающие в пасмурное небо.

– Многие зрители помнят эти кадры. Тогда сложно было представить, что на наших глазах рождается могущественная организация. Сегодня о фонде «Эпилог» слышал, наверно, каждый. Проект стремительно развивается с каждым

днем. Слово исполнительному директору компании Валерии Ювазовой.

У Ювазовой доброе лицо и командирский голос.

– С радостью заявляем, что в списке наших партнеров появился такой солидный друг, как группа компаний «Нью-Град», крупнейший застройщик и реализатор недвижимости, – докладывает она. – Благодаря помощи «НьюГрада», наш фонд теперь сможет не только оказывать участницам психологическую и финансовую поддержку, но и решать проблему жилья. Женщинам с острым квартирным вопросом будут предоставлены существенные льготы на приобретение недвижимости. К примеру, можно будет получить квартиру без первоначального взноса и выплачивать ее стоимость посильными ежемесячными платежами. Также «Нью-Градом» запущен проект строительства специального дачного комплекса для подопечных «Эпилога». Все это поможет нашим «мамочкам» быстрее выходить из кризиса и приступить к новой счастливой и светлой главе своей жизни.

На экране оживленно беседует компания симпатичных женщин. Одеты по-домашнему, сидят вокруг стола, уставленного чашками, блюдами с конфетами и фруктами. Голос Ювазовой поясняет:

– Сейчас фонд предоставляет бесплатное комфортабельное общежитие. Да даже общежитием это назвать язык не повернется: отель, санаторий, дом душевного и физического отдыха.

В кадре – директор общежития:

– Не всем женщинам, увы, есть куда пойти после операции. У кого-то дома никого, только пустота и детские уже ненужные вещи. У кого-то расстроенный или даже злой, пьющий муж: многие мужчины не только не способны поддержать жену, потерявшую ребенка, но и винят ее в трагедии, тем самым усугубляя состояние. Обычно родственники пытаются проявить поддержку, но делают это совершенно неуклюже. Одни плачут и горюют настолько, что приходится утешать еще и их. Чаще так поступает старшее поколение: мамы, бабушки. Своими причитаниями они усиливают, растравливают боль. К тому же появляется страх расстроить близких своим несчастным видом, особенно если в семье есть нездоровые люди, скажем, сердечники, которым нельзя волноваться. И тогда «неродившая мать» загоняет свое горе глубоко внутрь.

Группа женщин смотрит телевизор в уютной гостиной. Одна из них всхлипывает и светло улыбается сквозь слезы, остальные утешают: поглаживают по плечам, понимающе кивают.

– Другая категория сочувствующих старается ободрить, «встряхнуть», – продолжает директор. – Такие люди говорят: ерунда, не отчаивайся, нарожаешь еще, и этими словами словно обесценивают страдания женщины. Все это лишь расширяет пропасть между безутешной матерью и ее окружением. Женщине хочется сбежать и отсидеться в тишине,

рядом с теми, кто действительно поймет и поддержит. Сейчас таким местом является наше общежитие. Сюда можно прийти сразу из больницы и остаться на срок до двух-трех месяцев. Конечно, никто не живет здесь так подолгу. Пары недель бывает достаточно, чтобы отгоревать и подготовиться к выходу «в мир», к людям. Но осознание, что можно остаться на долгий срок, успокаивает и дает уверенность.

Глава 10

– Эти недомамаши отлично устроились, я считаю! – негодует девушка в метро. Поезд едет неровно, и ее сильно шатает. – Их там кормят, холят и лелеют, селят в санатории. Работать не надо, отдыхай сколько хочешь!

– Ну что ты, – пытается утихомирить ее собеседница, курносая блондинка. – У них же дети умерли. Такую утрату не восполнишь ни санаторием, ни отдыхом.

Сегодня все выглядит ненастоящим. Люди словно вырядились для любительского спектакля. Неумело, наспех, небрежно.

У дверей покачивается мужчина: черный плащ, ладный костюм, дипломат – идеальный шпионский типаж, но нелепая шляпа выдает дилетанта с головой.

Девчушка уступает старушке, да вот странность: в руках у бабули чистый, яркий, абсолютно новый новогодний пакет. Откуда бы ему взяться в июле? Новых еще не продают. Прошлогоднему уже поизноситься бы. И взгляд у бабули хитрый-хитрый, пальчики ухоженные, из-под платка выбивается блестящая прядь, будто и не бабуля это вовсе, а загримированная барышня.

Да и к девчушке вопросы. На дворе снова дожди и слякоть, а ее белые брючки ослепительны, ни пятнышка.

Парень рядом тоже бутафорский. Издали видно: боро-

да-то ненастоящая! И сочетание бейсболки с темными очками подозрительно, ведь всем известно, что это самый простой вариант камуфляжа на скорую руку.

Две дамы сидят рядом и делают вид, что не знакомы, а у самих одинаковые туфли и чулки.

Тетка с несоразмерной копной волос: парик? Мальчик с ранцем – изображает школьника, но зачем ранец летом, в каникулы? Парочка в углу вагона. Вроде целуются, милуются, а сами так и зыркают по сторонам: доволен ли режиссер, впечатлены ли зрители?

И все эти ряженые статисты напряженно прислушиваются к диалогу на первом плане.

– Ой, да ладно тебе их защищать! Они своих детей на руках не держали, ничего в них не вложили. Одно дело, когда ты растишь этого спиногрыза, все силы и деньги в него вбухиваешь, а он бац! – и помирает. Вот это да, трагедия. А тут? Раздули из мухи слона!

Девушка повышает голос. Пассажирская массовка выныривает из телефонов.

– Ну ладно, ладно, – успокаивает курносая. – Для кого-то, может, это и вправду трагедия. Все переживают смерть по-разному.

– Знаешь, я и сама не бессердечная. И много чего в жизни повидала. Точно знаю: все депрессии – от безделья. Чем больше с этими недомамашами будут носиться, тем сильнее они расклеятся. Сама подумай: отчего бы не погрустить, ес-

ли живешь на всем готовеньком? Ты видела в новостях, как у них там все классно устроено? Бассейн, джакузи, массажисты приходят. Все включено! Бесплатно! Я бы тоже не отказалась на месяцок от такого отпуска!

Поезд тормозит на станции, толпа протискивается мимо подруг. Одна грустная женщина не выдерживает:

– Типун вам на язык. Вы не знаете, о чем разглагольствуете.

– Это я разглагольствую? – взвизывает зачинщица. – Разглагольствуют все эти спонсоры в телеке, которые не знают, как еще деньги отмыть! А у меня на шее двое школьников, одна их тяну, никто не поможет! Ни спонсоры, ни психологи!

Кто-то хмыкает, кто-то многозначительно качает головой.

Курносая не выдерживает всеобщего внимания, хватается разбушевавшуюся подругу, и парочка выскакивает на платформу.

– Достали морализаторы! – доносится из закрывающихся дверей.

Поезд набирает скорость.

Сонный парень напротив вздрагивает, вынимает один наушник и озирается по сторонам: что за шум? Драки нет? Какая станция? Сколько детей должно умереть, чтобы люди перестали быть черствыми?

Глава 11

Эмма приезжает без предупреждения.

– Тебе все равно не дозвонишься, – поясняет она, выставляя на стол гостинцы. – У Катьки день рождения скоро, помнишь? Предлагаю сейчас подкрепиться, набросать идей и съездить за подарком.

Воскресное утро имеет нотку грусти. Вроде бы целый выходной впереди, но непонятно, куда же потрачена драгоценная суббота? И почему сутки отдыха прошли, а усталости стало как будто еще больше?

Чтобы справиться с горьким привкусом уходящего сквозь пальцы времени, приходится прибегнуть к гастрономическому самоубийству. Эммины подношения оказываются как нельзя кстати. В ход идут пирожные, копченая рыба, кофеин и немного алкоголя.

– Ты что, только встала? – она окидывает подозрительным взглядом халат и разобранную постель. – Погодка стоит сонная, согласна, но нельзя же дрыхнуть весь день! Заработаешь пролежни. На, глотни.

Эмма протягивает стакан американо, от которого разит ликером. И пусть на часах одиннадцать утра.

– Значит, так. Катя у нас из буржуазии, поэтому вещами мы ее вряд ли удивим. Давай подарим ей женственность! Как это так, спросишь ты? Сейчас поясню.

Она в ажиотаже бродит по кухне и дирижирует себе круасаном. Эмма из тех людей, кто способен жить и без порции ликера на завтрак.

– Катя у нас кто? Катя у нас мать, жена и хозяйка. То есть кто угодно, но только не женщина. Нет, я ничего не хочу сказать против ее внешности или женских качеств. Это все у нашей Катки на высоте. Но знает ли она сама об этом? Помнит ли? Вот в чем вопрос. И ответ на этот вопрос мы ей и подарим. Точнее, не ответ, а напоминание!

Ликер явно не стимулирует мыслительный процесс. Поспевать за полетом Эмминой мысли нелегко. Особенно когда за окном тарабанит дождь, и из сумрачной детской, кутаясь в одеялко, сонным привидением выходит заспанная дочка. Волоча по полу одеяловый шлейф, она подходит ближе, поднимает мордашку и вопросительно заглядывает в лицо безмятежными голубыми глазами. Хоть лето выдалось и не солнечным, но щечки и переносица уже украшены веснушками. Кожу она унаследовала от прабабушки: идеальный фарфоровый оттенок в редкую бледную крапинку. Где-то на семейных чердаках еще хранятся письма молодого прадедушки, где он с неожиданной для простого солдата романтикой сравнивает конопушки на лице своей любимой с созвездиями далеких галактик.

– Короче, доедай, умывайся, и поедем в сауну договариваться о девичнике, – вклинивается Эмма. – Масочки, массажики, гидропроцедуры и все в таком духе. Пять часов

женских удовольствий для нас троих. Я уже звонила: нас ждут. Ты собирайся пока, а я поищу всякие глупости для праздничного настроения. Ну там букеты, шарики, стриптизеров... Ладно, ладно, про стриптизеров шучу, не нужны они там.

Горячий душ смывает одурь и сонливость. Представляют-ся испуганные стриптизеры перед тремя тетками в полотенцах и с синей глиной на лицах. Становится смешно. Эмма знает, как расшевелить.

Полчаса спустя жизнь не кажется такой мерзкой.

Эмма все еще на кухне. В початой бутылке вина поубавилось. Кажется, Эммина машина сегодня в родной гараж не попадет.

– Искала воздушные шары, а наткнулась на это. Смотри! Она сует под нос планшет и запускает видео.

На экране три рядком стоящие женщины. Их видно от плеч до бедер, никаких лиц, только туловища.

Наверное, сейчас в кадре появятся стриптизеры, увидят троицу без косметики и рухнут в обморок. Вырывается невольный смешок, Эмма толкает в бок.

Вдруг у актрис, как в ускоренной съемке, начинают распухать животы: первый, второй, пятый, девятый месяц беременности. После секундной паузы девушки поднимают руки с зажатыми в них ножницами и внезапно резким движением пронзают свои животы. Раздается тройной оглушительный хлопок. Животы сдуваются. Из-под маек вытаскивают-

ся обрывки воздушных шаров, слышен веселый хохот, и ролик обрывается.

– Провокация! – комментирует Эмма. – Все ополоумели с этим «Эпилогом». Ты только почитай комментарии!

Из бесконечной ленты ответов взгляд выхватывает несколько высказываний.

«Хулиганская выходка».

«Оскорбительно! Нужно найти тех, кто совершил это глумление, и наказать их. В 2012-м девок-панков посадили за песни в храме, а это видео – еще большее преступление!»

«Да достали эти недомамы! Что-то их стало слишком много. В начале проекта я им сочувствовала, но теперь от всего этого уже тошнит!»

«Раздули из ерунды масштабную трагедию! Их проблема похожа на их же воздушные шарики. Авторам ролика – респект! Лопнуть бы всю эту проблему так же просто, как воздушный шар».

За стеной начинаются гаммы. В такое утро даже до-мажор звучит слегка меланхолично.

Эмма залпом допивает вино, стоя в победной позе: одна нога впереди, рука на бутылке, осанка статная. Со стуком поставив пустой стакан, царски поводит взором.

– Так, – энергично говорит она. – Поедем на такси.

Глава 12

День прошел в хлопотах. Эмма не давала зависать у детских площадок и заглядывать в чужие коляски. СПА-салон оказался приличным, в соседней пекарне пообещали волшебный торт, и подготовку к Катиным именинам посчитали оконченной. После веселого обеда в суши-баре Эмма вызвала такси, чтобы укатить по своим бесконечным делам.

– Можешь меня возненавидеть, – говорит она на прощание, – но мой тебе совет: обратись в «Эпилог». Судя по отзывам, они действительно помогают людям в твоей ситуации. Нет, пожалуйста, не возражай, просто послушай! Прийти за помощью – это не стыдно. Ты ни в чем не виновата, случилась трагедия, и тебе нужно с ней справиться, понимаешь? Разве тут есть место для стыда? Тем более, у руля Анька Костомарова, старая подруга. Такие совпадения, думаешь, бывают просто так? Да сама вселенная шлет тебе знаки!..

При этих словах Эмма выпучивает глаза и зажимает ладошками рот.

– Черт знает что говорю в последнее время, – жалуется она. – Какие-то чужие слова из меня лезут. Знаки вселенной, это ж надо!

Такси, сверкая крышей, исчезает за поворотом. С отъездом Эммы становится невероятно тихо, и гул города только подчеркивает эту тишину. Эмма из тех людей, кто сво-

им присутствием заполняет все трещины, всю пустоту, и так хорошо бывает отдаться уверенному потоку ее энергии! Но стоит Эмме уйти, как тоска возвращается и мстительно заглядывает в самую душу: «Ну что, отдохнула без меня? Развеялась? Повеселилась? А теперь давай наверстывать упущенное...»

Эмма приносит радость, но радость эта утомительна. Приятно идти по улице в одиночку, с гудящей после болтовни головой. Разглядывать дома, прохожих. Наблюдать, как ветер раскидывает тучи по небу и торопливо высушивает город.

В предзакатном свете мир похож на декорации приключенческого романа. Многоэтажки отражают солнце, сияют огненными окнами – и легко вообразить, что это золотые крыши храмов на неприступных скалистых берегах.

Сотовая вышка на фоне туч кажется мачтой пиратского корабля, а ленивого голубя фантазия превращает в дикую морскую чайку.

В сумрачном, тенистом, насквозь сыром дворе уже включились первые огни – то старый трактирщик зажег лампадку над входом в свой кабаk, завлекая моряков жареной камбалой да дубовым ромом.

А дома – она. Сладко спит на софе, раскинув ручонки и тихонько посапывая. Дремлет и стоящий рядом ноутбук, уснула на окне докучливая муха.

Поднять бы ее и отнести в детскую,
(«Тут никого нет», – противно шепчет внутренний голос)

подоткнуть одеяло и смотреть, как оранжевый луч уличного фонаря подсвечивает курносый детский профиль,
(«Посмотри же: на софе пусто!»)
а на полке смиренно выстроились жирафики и мишки,
(«Ты здесь совершенно одна»)
ожидая, когда наступит утро,
(«Ее никогда не было, не было, не было!»)
и снова начнется игра.

Глава 13

«Доброе утро, мои дорогие френды! Спешу поделиться новостью. Фонд «Эпилог» добрался и до нас. Если честно, я была уверена, что за рамки Московской области этот проект не выйдет. Ан нет. Сегодня днем практически прямо под нашими окнами совершилось то самое действие. Столики, шаррики, плачущие дамочки. Все как в столице, прям гордость берет!

Конечно, я быстренько выбежала и сделала несколько снимков для любимых подписчиков. Смотрите фотки, ставьте лайки. Похоже, фонд начал свое триумфальное шествие по городам и весям. Возможно, скоро акции будут устраиваться и в вашем городе. Как вы отнесетесь к этому? Будете рады видеть «Эпилог» у себя в гостях? Делитесь мнениями в комментариях!»

В конце текста блоггер не удержалась и присовокупила портрет себя любимой. Но читатели настолько погрузились в обсуждение «Эпилога», что комплиментов автору не досталось.

По обыкновению, бурная дискуссия привела лишь к тому, что каждый остался при своем мнении:

«В нашем городке все просто. Никаких тебе психоаналитиков, горячих линий и групп поддержки. И как-то справляемся!»

«Ясен пень, врачебную помощь в столице оказывают на более высоком уровне, чем в глубинке. И врачи не такие бездушные и тупые. По-моему, «Эпилогу» надо было с России начинать, а не с Москвы».

«Привет от “бездушных и тупых врачей глубинки”! Вообще-то у нас тут нескончаемый поток людей с настоящими серьезными заболеваниями, требующими помощи. А возиться с такими “пациентками”, которыми занимается фонд, ни у кого нет ни времени, ни сил».

«+1 к предыдущему комментарию. Если мне в больнице скажут: извините, пусть ваш отец с сердечным приступом подождет, пока доктор утешает недомамашу, я, наверно, с этой недомамашей сама так разберусь, что ей реально врач понадобится!»

«Вы передергиваете. Никто не призывает хирургов или там кардиологов заниматься женощиной, потерявшей младенца. Речь о другом вообще. О том, что в обычных больницах женощине после аборта, выкидыша или неудачных родов не к кому обратиться со своей болью».

«Пусть со своей болью домой идет! Мест в больницах нет для этих депрессивных».

«Так о том и речь, что фонд «Эпилог» берет заботу о таких женощинах на себя! Появилась организация, которая всеми силами помогает женощинам справиться с их горем – бесплатно, не влезая в бюджет страны, почему этим кто-то может быть недоволен?»

«Не знаю, что там как в Москве, а в нашем городе пенсионерам помогать надо и малоимущим. Вы еще детдом наши не видели. Может, в столице все эти проблемы уже и решены, но если «Эпилог» заявится со своими шариками к нам и начнет недомамашам сопли подтирать, народ не поймет, это точно».

«Да у них же детки умерли! Как вы можете, изверги, сердца у вас нет!»

«Вот то-то и оно, что умерли. А помогать надо живым».

«Да уж. Чем ближе к народу, тем меньше душевных терзаний».

К середине ночи просмотрены десятки сайтов. Форумы, блоги, ленты новостей. Как там сказала Катя? «Аньку разве что по утюгу не показывают»? Точно подмечено. «Эпилог» обсуждается активнее, чем политика. Хотя, наверно, «Эпилог» уже и есть политика?

Профессиональные порталы тоже, разумеется, не остаются в стороне. Психологи и гинекологи, экономисты и учителя – у каждого нашлось свое мнение на горячую тему.

«Нельзя забывать про чувство вины, которое испытывает мама нерожденного ребенка. Что бы ни говорили врачи, какой бы ни была причина трагедии, факт остается фактом: малыш умер в материнской утробе или едва выйдя из нее. В большинстве случаев место, где развивалась патология или произошел несчастный случай, место, где младенец заболел или даже умер – это тело его мамы. Вы представ-

ляете себе груз вины, а часто и отвращения, недоверия к собственному телу, который взваливается на плечи женщины? Она и без того раздавлена горем, а тут еще самобичевание и навязчивые мысли о том, что будь она более здоровой, ответственной, спокойной, ребенок, возможно, был бы жив».

Точно подмечено. К собственному телу появляются большие вопросы. Уж от кого-кого, но от родного организма такой подставы никто не ожидает.

Странные намеки попадают в сети. Люди грозят расправой участницам акций, если фонд осмелится провести мероприятие в их городе. Такая добрая и светлая идея почему-то порождает волну агрессии и злобы. Может, написать Костомаровой, предупредить?

Найти старую знакомую, особенно знаменитую, совсем несложно: достаточно просто вбить в поисковик имя, и сайт тут же выдаст контакты и свежие фото.

– Мамочка, а что это за тетя? – любимый голосок раздастся прямо под ухом.

– Три часа ночи, почему ты не спишь? Разве маленьким девочкам не надо спать такой глубокой ночью?

– Пойдем вместе в постельку? – умоляюще тянет она.

И кухня пустеет. Квартира наполняется вязкой тишиной. За окном занимается рассвет, и за пробуждением нового дня строго следит с монитора Анна Костомарова, основательница фонда «Эпилог».

Глава 14

На лестничной клетке ошивается какой-то мужик. Растерянный вид, обшарпанные тапки.

– Здравствуйте! – бросается он навстречу. – Наконец-то хоть одна живая душа! Не поверите, шесть дверей на нашем этаже, и никого дома нет. Кажется, уже полчаса здесь торчу! Хотя точно не знаю, у меня с собой ни часов, ни телефона.

И поясняет:

– Я ж ваш сосед, вот из этой квартиры, – он указывает на дверь справа. – Меня Анатолий зовут.

Родственник пианистки, значит. Одышливый, неопрятный. Неужели отец? Правило «от осинки не родятся апельсинки» дало сбой?

– Представляете, вышел покурить, возвращаюсь, пытаюсь дверь открыть – и ключ сломался. Прямо в замке, епта! Телефон в квартире, соседи не открывают. Вызвать мастера не могу, на улицу тоже в таком виде не выйти. Ситуация патовая!

Он демонстрирует обломок ключа и разводит руками. Действительно, патовая.

– От отчаяния даже звонил диспетчеру, который за лифт отвечает. Попросил войти в положение и вызвать мне мастера. А она ни в какую. В ЖЭК, говорит, звоните. Карга старая. Как я позвоню, когда у меня телефона нет?

Анатолий шаркает тапком и грозит лифту кулаком.

– У меня к вам огромная просьба, – он умоляюще заглядывает в глаза и становится похожим на печального бульдога, обделенного печеньем. – Пустите меня в интернет, пожалуйста. Нужно найти умельцев, которые замки вскрывают, а потом им позвонить. Тоже от вас. Больше десяти минут не отниму!

Вот бедолага. Физиономия вроде знакомая, на мошенника не похож – хотя какие они, люди, похожие на мошенников?

Скорее всего, и вправду сосед. Можно и в дом пригласить.

Анатолий рассыпается в благодарностях, показательно вытирает ноги о коврик и боязливо входит в прихожую. Мобильный – интимная вещь, и давать его в руки незнакомцу как-то не хочется. Придется предоставить доступ к ноутбуку.

– Знаете, я ведь и сам мог бы справиться с этим замком, будь он неладен, – разглагольствует сосед, пока компьютер выходит из спячки. – Я вообще, как говорится, рукастый... Что вы сказали, чаю? Да, спасибо, чай будет очень кстати, в нашем подъезде такие сквозняки!.. Просто инструменты все остались дома, а так мне и мастера не пришлось бы вызывать, сам бы все и починил. Ага, вот и наш любимый интернет. Я могу воспользоваться этим телефоном?

Четверть часа спустя, обзвонив с десятков фирм и всласть наругавшись по поводу цен, сосед Анатолий сидит на кухне и устало прихлебывает чай.

– Такие деньги дерут, так еще и ждать около часа, – жалу-

ется он. – Сами бы просидели час на лестнице, я бы на них посмотрел. Спасибо, хоть вы приютили. А то очень, скажу я вам, это скверное чувство, когда не можешь попасть в родную хату!

Мастер задерживается. Анатолий, смиренно сидя на кухне, жует пряники и с увлечением листает кулинарную книгу. От другого чтива отказывается:

– Нет-нет, спасибо, все равно я ничего не успею дочитать. Останется эффект незавершенности. Я лучше картинки посмотрю, они прекрасны. Можно кипяточку в чай подлить?

Ожидание обостряет слух. Шум соседской жизни давно стал привычным фоном и выходит на передний план лишь в такие минуты. Удивительно, сколько звуков обычно проходит мимо ушей!

Лифт беспрестанно хлопает дверьми, натужно поднимает людей к небесам и с облегченным гулом спускает на землю.

Треск дверного звонка и торопливые шаги.

Лай собаки, недовольный окрик хозяйки.

Бряканье ключей, шуршание пакетов и сдавленный разговор: как будто кто-то вернулся домой с покупками и пытается открыть дверь, удерживая телефон между плечом и ухом.

Внезапный телевизионный ор, мгновение спустя потушенный и доведенный до комфортной громкости.

Удаленный грохот в набирающейся ванне.

А мастер все не идет.

Какофония большого дома легко превращается в симфо-

нию: достаточно добавить живой музыки. Где же она, трепетная пианистка, волшебница, своей игрой способная успокоить самую острую сердечную боль? Чем занята, пока ее непутевый папаша застрял у неразговорчивой соседки?

Секретничает с подружками в пиццерии у метро? Навещает тетушку? Проводит каникулы в приморском лагере?

Анатолий ищет что-нибудь на роль закладки, не находит и аккуратно кладет книгу на стол обложкой вверх.

– Нет, тут вы спутали. Никакой дочери у меня нет. Ума не приложу, откуда вы это взяли. Я вообще один живу. Вы ведь, судя по всему, тоже? В доме никаких детей?

Сперва видна лишь белокурая макушка. Приближается к столу, на секунду замирает, и вдруг начинает вырастать: над скатертью появляется короткая челка, затем чистый детский лоб и брови, вздернутые до предела, как будто помогающие подняться на цыпочках еще выше. Наконец показывается веснушчатая переносица, любопытно блестят глазки. Взгляд живо шарит по столу, юркает в уютный треугольник под книгой. Красный переплет безоговорочно похож на крышу, желтоватые страницы – бревенчатые стены, так что натюрморт с книгой на столе мгновенно превращается в пейзаж с избушкой на заснеженной равнине. Обитатели тут как тут: розовый резиновый единорожек и журавль, когда-то свернутый в задумчивости из рекламного буклета да так и брошенный под лампой. Неверно говорить, что детское воображение дает забытым предметам новую жизнь. Ведь в сравнении

с той фантазмагорией, которая разворачивается вокруг всех этих ненужных вещей, все, что было в их прошлом, и жизнью назвать нельзя. Разве это жизнь? Так, вялое существование, тоскливое присутствие среди других бестолковых безделушек... И вдруг налетает вихрь детской фантазии, рассеивает скуку, и начинаются захватывающие приключения: бумажный журавлик гордо расправляет крылья и реет могучим драконом над заколдованными землями, а храбрый единорог охраняет дом своего властелина и скрытые в нем бесчисленные сокровища.

Да, судя по всему, в доме никаких детей.

Глава 15

«Всем привет! С вами я, Павел Богатырь, и мой видеоканал «Зашибайка». Недавно посмотрел ролик с тремя якобы беременными девушками, которые прокалывают свои животы огромными ножницами. Что сказать: красотки, я под впечатлением! Не столько от снятого вами материала, сколько от реакции зрителей. Следить за баталиями комментаторов под этим видео одно удовольствие! Сколько драматизма! Какой накал страстей, ух!

Нашел в сети информацию, что авторов ролика разыскала полиция и даже вменила им какую-то там статью. Подумать только: говорят, свобода слова, а сами за шарики в кадре сажают.

Хотя это я так, ворчу по-стариковски. Информация об аресте непроверенная, так что, пожалуйста, если будете ею делиться, на меня не ссылайтесь. А то еще огребу от всех трех девах ножницами за клевету!

Но это все, конечно, шутки. А теперь серьезно: решил и я не оставаться в стороне от такой горяченькой темы, как фонд «Эпилог», и запилил голосовалку. Итак, внимание, опрос: каково ваше отношение к фонду? Вариантов немного: поддерживаю, ненавижу, мне пофиг и, конечно, свой ответ в свободной форме.

«Эпилог» разделил общество на части. Выбирай, на какой

стороне ты?»»

Ролик заканчивается легендарным изображением Морфеуса с синей и красной таблетками. Проголосовав, можно увидеть результаты. Голосов за и против примерно поровну. Воздержавшихся почти нет.

Глава 16

Ссылка на это видео приходит с неожиданной стороны: от бывшего коллеги. Несколько совместных ланчей, пара удачных переговоров, месяц командной работы – много ли надо людям, чтобы сблизиться в холодной обстановке постоянных стрессов и дедлайнов?

Помнится, он еще как-то смешно смеялся. Что же там было? Хохотал, издавая настоящее гусиное «га-га-га» так, что окружающие начинали смеяться не над шуткой, а над этим прямо-таки непристойным гоготом? А, нет, это Игорь Игоревич из отдела закупок...

С рабочих тем все чаще съезжали на фильмы, путешествия, воспоминания. Истории о глупых начальниках и бестолковых подчиненных сменялись забавными случаями из школьной жизни. Должно быть, именно так впервые и мелькнуло имя Анны Костомаровой. В те времена о ней никто не слышал, но коллеге почему-то запомнилось.

Общение давно сошло на нет, но с появлением шумихи вокруг «Эпилога» старый приятель напоминает о себе все чаще. Пытается возобновить былую дружбу? Радует, что оказался причастным к громкому имени? Или действительно искренне полагает, что это и вправду интересно: следить за жизнью бывшей одноклассницы? Как бы то ни было, бывший коллега регулярно присылает новости и интервью, свя-

занные с фондом Костомаровой. Тут главное – вежливо благодарить и в полемику не вступать.

На этот раз по ссылке открывается ролик. Хоть бы смешные еноты или чихающая панда! Но нет. Конечно, нет. Видео с заголовком «Чем закончилась акция Эпилога. Шок!» веселья не сулит.

В немного трясущемся кадре уже привычная картина: столы, шары, женщины и толпа зевак. Любительская запись очередного прощания. А вон и профессионалы – репортер поправляет пиджак, оператор водит, словно жалом, любопытной камерой по сторонам.

Скучно, ничего нового, хочется промотать, но зрелище чем-то завораживает, приковывает взгляд. Может, чужая скорбь действует как магнит? Сгущается тягучим облаком над несчастными участницами, охватывает ближайших зрителей, от них заражаются дальние ряды, и даже через монитор это щемящее чувство начинает просачиваться в самые незащищенные уголки сердца.

Как прохожий замедляет шаг у уличных музыкантов, так и случайные парочки останавливаются здесь всего на минутку, просто посмотреть; с губительным любопытством заглядывают через плечи и вдруг замирают, затихают. Теперь они останутся до самого финала. Скорбь захватила и их, и, чтобы отделаться от нее, чтобы разрешиться от ее бремени, нужно досмотреть до конца, пережить вместе с женщинами их освобождение. Шарик унесут в небо не только тоску скор-

блящих матерей. С их полетом толпа облегченно выдохнет и с деланной веселостью разойдется по своим делам. Кроме символа конкретного ребенка, каждый шарик нелегально уносит с дюжину чужой, прохожей грусти.

Но на этот раз все идет не по сценарию. Шары уже готовы к запуску, женщины традиционно шепчут слова прощания, организатор обходит собрание, как вдруг... Хлоп! Хлоп! Хлоп! Выстрелы-хлопки звучат оглушительно и через секунду сливаются в непрерывную канонаду. Похоже на салют, но салюту здесь не место. Один за другим шарик в руках участниц лопаются, вызывая визг и слезы. Обстрел! Слышны крики, в толпе смятение, кто-то прикрывает голову и пытается спрятаться. Репортер тычет пальцем в кусты и прикрикивает на своего напарника: «Ты снимаешь? Снимаешь? Стреляют оттуда!»

Камера уже не дрожит – раскачивается так, будто записывает последний в своей жизни шторм с борта тонущего судна. Это оператор, тихонько матерясь, бежит к эпицентру событий. По пути ему попадается одна из участниц: в одной руке обрывки шарика, другая прижата к лицу, прикрывая глаз. К ней подбегает мужчина: муж, брат? Отнимает ее ладонь от лица, и видно, как на щеке женщины наливается багровый синяк. Женщина непонимающе смотрит на розовый лоскуток, подносит его к самым глазам, кривит рот и разражается рыданиями. Мгновенно растекается тушь, распухает нос, от кровоподтека стремительно заплывает глаз. Зрелище жалкое

и отталкивающее.

Оператор устремляется дальше, туда, где началась стрельба. Протискивается между зрителями и выдыхает: «Обалдеть... это дети!»

И действительно, на полянке – пятеро мальчишек, вооруженных игрушечной пневматикой. Дети смущены, но, кажется, довольны. У одного ветка в волосах. У другого цветные пульки в ладошке.

Репортер торопливо сыпет вопросами.

– Это вы стреляли?

– Мы, – шмыгает самый долговязый.

– Вы целились в женщин?

– Не, – мотает он головой. – В шарики.

– Зачем?

Ребята переглядываются, усмеваются. Жмут плечами.

– По приколу, – наконец выдавливает один.

– Что же в этом прикольного?

Снова ужимки, смешки.

Не дождавшись ответа, репортер продолжает допрос:

– Вы знаете, что это за мероприятие? Почему здесь собрались женщины, зачем им воздушные шары?

– Знаем, знаем, – наперебой отвечают хулиганы.

– И что же? – репортер сует микрофон под нос долговязому. – Расскажи, что, по твоему мнению, здесь происходит.

Тот делает глубокий вдох, поднимает взгляд к небу и

неожиданно отвечает:

– Эти бабы хотят внимания и денег, вот и спекулируют на своем горе.

Толпа шумит. Какой-то мужчина – по-видимому, защитник одной из участниц – срывается с места, с руганью бросается на хулигана. Его удерживают, и журналист торопливо спрашивает дальше:

– Ты знаешь, что означает слово «спекулировать»?

Парень кивает, но не очень уверенно.

– Торговать? – полувопросительно произносит он.

– Ты ведь не сам это придумал, – дожимает репортер. –

От кого ты слышал эту фразу?

Дети переглядываются и хором тянут:

– От ба-а-атюшки.

Вот и полиция. Кадр заслоняет правоохранительная спина, слышны слова протеста, возня, и видео обрывается.

Глава 17

– Тебе понравится это кафе! Немноголюдно и по-домашнему. Сразу забываешь, что в двух шагах шумит Новый Арбат!

Встреча с бывшим коллегой произошла случайно. Вроде как.

– У меня переговоры прямо в вашем бизнес-центре, представляешь? Давненько я не был в этих краях. Закончили аккуратно к окончанию твоего рабочего дня. Дай, думаю, Леське позвоню, вдруг она уже освободилась. Только за телефоном полез, а тут Леся собственной персоной. Ты, то есть.

Как будто нервничает. Что ему нужно? Обсуждать работу уже нельзя, а старые симпатии давно испарились.

По пути он вдруг вспоминает старую шутку, невнятно пересказывает ее и сам же смеется – и вот оно, то самое, смешное в его смехе! Все лицо ходит ходуном, как будто пластилин плавится на солнце: нос морщится, ноздри шевелятся, брови порхают по лбу наперегонки, левый глаз жмурится, правый тарашится, а по глубоким морщинкам льются в три ручья слезы.

– Лесь, что ты такая грустная? – отсмеявшись и расставив части лица по местам, спрашивает он. – Устала, что ли? Сейчас поужинаем, отдохнем. Вот увидишь: кафе тебе понравится!

Местечко и вправду глуховатое. Кроме хозяйки заведения и старичка-охранника никого нет. Тесный зал разделен на две части, всего пять столов. Стены увешаны книжными полками, картинами и плющом. На окнах герани, вазочки да статуэтки. Ощущение чужой кухни. Еще и телевизор орет.

Увидев постоянного посетителя, хозяйка встает и изображает радушие. Охранник не шевелится: то ли помер, то ли поглощен бандитским сериалом.

– Кухня тут потрясающая! – закатывает коллега глаза.

В меню пельмени, суп с тефтелями и тушеная капуста. Да уж, потрясающе... Жениться ему, кажется, пора.

Когда дочка подрастет, надо будет рассказать ей, как изучить мужчину по его отношению к еде. Привередничает даже в ресторане? Избалованный маменькин сынок. А может, и не маменькин, может, женщины избаловали. Кидается на самые простецкие блюда? Точно холостяк, но вдобавок неумеха и лентяй. Хотя умение определять холостяка полезно лишь годам к тридцати, такому вряд ли нужно ее учить. Или любая женская наука лишней не бывает? Как быть дочери подругой, но и не перегнуть палку в откровенности? Хорошо, что она еще совсем малышка, и эти сложные вопросы можно оставить на потом...

Хозяйка скорбно качает головой на отсутствующие блюда и после пятиминутного торга наконец принимает заказ. Сериал обрывается на самом интересном месте, охранник оживает, грузно встает и уходит курить. Начинаются новости.

«Все помнят о недавнем инциденте, произошедшем во время мероприятия фонда «Эпилог». В парке города Левитана проводилась очередная акция прощания с недоношенными малышами. Церемония подходила к кульминации, когда группа восьмиклассников произвела обстрел участниц».

– Леська, смотри, это ж о том видео, которое я тебе прислал! – радуется коллега.

Вечер становится невыносимым. Сымитировать телефонный звонок? Вспомнить неотложное дело? Просто вскочить со стула и убежать? Пока в голове прокручиваются возможные сценарии, губы продолжают улыбаться, а глаза следить за диктором на экране.

– Ты же досмотрела ролик до конца? Где оказывается, что это дети стреляли? Сейчас наконец-то расскажут, кто их надушил!

«Выяснилось, что все пятеро школьников учатся в одном классе и планировали нападение заранее. Ребята знали, где и во сколько будет проводиться мероприятие, запаслись оружием: детскими пневматическими пистолетами и винтовками, стреляющими пластиковыми пулями, – и заняли наиболее выгодную для обстрела позицию.

Ведется расследование, и пока неизвестно, какие меры будут предприняты по отношению к малолетним нарушителям. Но соблюдение закона – дело правоохранительных органов, а задача прессы – разобраться с моральной стороной вопроса. Кто является действительным зачинщиком право-

нарушения? Кто-то манипулирует детьми, чтобы досадить «Эпилогу»? Или выходка мальчишек – искреннее, пусть и неприглядное отражение общественного отношения к деятельности фонда?

Батюшкой, на которого сослались дети, оказался тридцатидвухлетний отец Иннокентий, служитель церкви святого Лаврентия города Левитана. В тот памятный день разъяренная толпа горожан, присутствовавших при инциденте в парке, во главе с представителями прессы отправилась в храм, чтобы выяснить правду. Батюшка был немало удивлен таким вниманием и никак не мог взять в толк, о чем идет речь. Он утверждал, что ни разу не высказывался о фонде «Эпилог» ни во время церковных служб, ни в мирских разговорах. Более того, отец Иннокентий подчеркнул, что семьи мальчиков никогда не входили в число его прихожан. Он не знает ни ребят, ни их родителей.

Слова священника легко проверить, что и было сделано в кратчайшие сроки совместными усилиями полиции, журналистов и энтузиастов. Опрос паствы и семей мальчиков показал, что ребята не посещали церковь и не общались с батюшкой. По крайней мере, никто из опрошенных об этом общении не знал».

– Вот это детектив! – в ажиотаже ерзает коллега.

Из-за шума он подсаживается поближе и говорит прямо в ухо. Мужественный парфюм и тонкий аромат табака. Можно даже различить свежие нотки стирального порошка от его

рубашки. Как, как такой волшебный запах может принадлежать жалкому хилому падкому до сплетен и скандальных новостей скучному глупому...

– Хлебушек! – объявляет хозяйка кафе, втискивая блюдо между солонкой и фигуркой слона. – Супчик на подходе, потерпите минутку, осталось совсем чуть-чуть.

Она зачем-то подмигивает, кокетливо улыбается и скрывается за ширмой. Как будто с супчиком у нее особые отношения.

Телевизор продолжает орать.

«Пока полиция продолжает расследование, наш специальный корреспондент взял интервью у Надежды Петровны Соковой, директора школы и классного руководителя 8 «Б», где учатся пятеро нарушителей спокойствия.

– Очевидно, что идея обстрела принадлежит не мальчикам, – уверяет директор. – Для детей не существует фонда «Эпилог». Им все эти акции и проблемы неродивших матерей, что называется, по барабану. Это же дети! Вопросы, решаемые фондом, слишком взрослые для них. Школьников это не интересует так же, как результаты выборов и цены на гречку. В таком возрасте их больше волнуют одноклассницы, аниме и рэп.

– Но тем не менее, – возражает репортер, – ранним субботним утром пятеро друзей вместо того, чтобы слушать рэп и смотреть аниме с одноклассницами, отправились обстреливать женщин.

– Ой, вот только не надо перекручивать! – возмущается директор. – Они обстреливали не женщин, а воздушные шары. И стреляли не из настоящего оружия, а безопасных игрушек.

– «Безопасные игрушки» причинили реальный вред. Некоторые участницы пострадали: получили гематомы и ссадины. Не говоря уже о колоссальном моральном ущербе.

Директор меняет тактику и душевно прижимает руки к сердцу:

– Я искренне сочувствую этим женщинам. Поймите, я не выгораживаю мальчиков. Они сделали то, что сделали, это факт, это реальность. И они понесут наказание. Но я против того, чтобы приписывать их действиям скрытый смысл, которого там нет.

– Хотите сказать, ребята воспринимали обстрел как игру?

– Игра или нет, я не знаю. Но они точно не хотели делать заявление или опротестовывать действия фонда, как это сейчас представляют во всех СМИ. Дети жестоки, они часто издеваются над слабыми. А женщины, участвующие в акциях фонда – слабые. Согласитесь. То, что они не могут справиться со своей утратой самостоятельно, не могут решить личные проблемы, говорит о том, что они слабые. Дети самоутверждаются за счет слабаков, это всем известно. Особенно если говорить о ребятах из не очень благополучных семей».

Коллега поднимает палец:

– Запомни эту фразу, хочу ее с тобой обсудить. Можно ли

считать этих женщин слабачками.

И, не дав ответить, кивает на экран со словами «после, после».

«– Намекаете на плохую обстановку в семьях этих детей? – уточняет журналист.

– Да что там намекать! Всем известно, что у Петрашова папа пьет, семью одна мать на себе тянет. Ей бы прокормить, одеть, обуть ребенка, тут не до воспитания! У Сиделкина и Черного неполные семьи, отец Клемина недавно из тюрьмы вышел. Только представьте себе: все детство мальчик провел, зная, что его папа ЗЭК, что само по себе тяжело, а теперь, после стольких лет, отец вернулся в дом, и с ним нужно как-то уживаться. В подростковом возрасте подобная ситуация может переживаться совсем непросто.

– Не смотря на сложные семейные обстоятельства, при ответе на вопрос, кто их надоумил совершить правонарушение, ребята сослались не на родителей, а на священника.

– Это я прокомментировать не могу, – трясет головой директор. – Но если мне не изменяет память, формулировка там была несколько другая. Мальчики не говорили, что батюшка заставил их пойти и сорвать мероприятие фонда. Они просто повторили его мнение насчет «Эпилога».

– Да, но отец Иннокентий никогда не делал таких заявлений.

Директор делает мудрое лицо:

– Знаете, иногда наши слова истолковываются превратно.

Люди не всегда слышат и верно понимают друг друга. Тем более, дети. Обычное недопонимание могло привести к ситуации, в которой невинная фраза исказилась в памяти ребят и послужила катализатором. Узнать, что именно услышали мальчики и что привело к таким последствиям, мы уже не сможем. Такие вещи можно вскрыть разве что под гипнозом!

– Вы говорите, что ребята неверно истолковали слова священника и приняли их за руководство к действию. Но отец Иннокентий утверждает, и это подтверждается, что ничего не мог сказать мальчикам, так как вообще с ними не знаком.

– Отец Иннокентий ошибается. Не далее как в мае, перед Пасхой, он посещал нашу школу, в том числе и 8 «Б».

– И общался с мальчиками?! – напирает репортер.

– Ну не с глазу на глаз, но выступал перед всем классом. Конечно, батюшка мог и не запомнить мальчиков. Зато они его хорошо рассмотрели и расслышали.

– Это совсем другое дело. Школьная лекция о православном празднике отличается от категоричных высказываний о неродивших матерях.

– Вы правы, но я другое имею в виду. Я хотела сказать, что безоговорочно верить одной стороне и осуждать другую – неправильно. Всегда есть полутени. Священник утверждает, что никогда не видел мальчиков, а на самом деле видел. Уже один этот факт должен заставить нас усомниться и в остальной информации.

– Думаете, священник все же пересекался с мальчиками?

– Левитан маленький город, – туманно отвечает директор. – Мы все здесь друг с другом периодически пересекаемся.

– Вы можете вспомнить, высказывался ли отец Иннокентий об «Эпивоге» во время своего посещения школы?

– При мне нет. Кажется. Я такого не помню. Хотя кто знает, может, что-то и слетело с его языка. Я присутствовала на его выступлении только в нашем классе. Мальчики могли услышать его в любом другом месте.

– Допустим, все сложилось так, как вы говорите. Как думаете, почему мальчики восприняли слова священника как руководство к действию?

– Если вы хотите услышать от меня версию, как все произошло на самом деле, то я вас разочарую. Я не знаю. Все, что мы сегодня обсуждаем, лишь домыслы. Я пытаюсь защитить своих подопечных. Боюсь, что общественность отнесется к их детской, необдуманной выходке слишком строго, и это покалечит им жизнь».

– На попятную пошла, – шепчет коллега.

Нескончаемое интервью его несколько не утомляет.

«– То есть у вас нет гипотез, что послужило предысторией этой, как вы говорите, детской необдуманной выходке? – подводит итоги репортер.

– Разумеется, нет. Понятия не имею. Этих ребят нельзя назвать отпетыми хулиганами. Наш школьный психолог никогда не выделял их как особо проблемных. Ничто, как го-

ворится, не предвещало.

– Что ж, придется ждать официального заявления от правоохранительных органов. Будем надеяться, что ситуация прояснится, и дети отделаются простым испугом».

Обрушивается оглушительная реклама, охранник щелкает пультом, на столе появляются тарелки, и тяготящийся ужин начинается.

После душного кафе вечер кажется тихим и прозрачным. Гул машин теряется в арбатских переулках. Тротуары пусты. На первых этажах зажигаются окна.

За изгородью на площадке мужчина обучает краснощекого карапуза настоящему футболу.

– Берешь вот так, кладешь вот сюда, и бьешь вон туда. Понял? Давай! – и, отходя усталой тренерской походкой, добавляет вполголоса: – А то играешь, как сборная России...

Коллега вот уже полчаса дискутирует сам с собой на тему «Эпилога». Судя по всему, ощущает себя эрудированным и равнодушным. Равнодушие – самое модное чувство сегодня.

– Нет, я, разумеется, осознаю, насколько важна общественная проблема, поднятая «Эпилогом». Сама подумай: почему эти примитивные акции поднимают столько шума, затрагивают столько людей? Но это понимание не исключает и здоровой иронии. Все же я циник, от этого никуда не денешься. Одно радует, что я не один такой. К примеру, пом-

нишь ту мадам, которой пулька во время обстрела попала под глаз? Помнишь, да? Тогда ты просто должна это увидеть!..

Уже почти дошли до метро, и коллега спешит достать телефон, чтобы показать очередное суперважное видео. Хоть бы ролик не успел загрузиться. Как же муторно это все.

Но ролик загружается, и коллега тычет экраном в лицо, радостно приговаривая: «Просто бомба!»

В кадре женщина с синяком на щеке непонимающе смотрит на лопнувший шарик, кривит рот, заливается слезами и тушью, а искусно наложенный голос Пятачка тоненько причитает: «Интересно, что это так бумкнуло? Не мог же я один наделать столько шума? И где, интересно знать, мой воздушный шарик? И откуда, интересно, взялась эта тряпочка?.. Ой! Мама! Мамочка-а-а!»

Ролик озаглавлен «Не крась глаза, когда идешь реветь». Вот же мерзость.

Коллега хохочет и, как конь, мотает головой. Будто кто-то снова мнет это пластилиновое лицо.

– Народ не теряет чувства юмора! Отличный знак, я считаю! – в восторге выкрикивает он.

Импровизированное свидание подходит к долгожданному концу. Метро кажется храмом спокойствия. Никто не сует под нос злые ролики, не разглагольствует о чужих страданиях, не мастерит шутки из чужого горя. Случайным попутчикам плевать друг на друга. Обычно мегаполисы за это ру-

гают, но для многих равнодушная толпа становится убежищем, молчаливым укрытием, в котором можно затеряться и не думать об умерших детях и недоношенных мечтах.

Глава 18

«Хай, пипл! С вами снова я, Павел Богатырь, и мой канал «Зашибайка». Несколько дней назад я разместил опрос на тему фонда «Эпилог». Много воды с тех пор утекло, и я хочу обновить результаты.

Предыдущее голосование я закрыл через три дня, и его итоги вы видите сейчас на экране. Мнения разделились почти пополам.

Но это было до грязной истории с батюшкой и вооруженными восьмиклассниками. Сейчас «Эпилог» стал пульсирующей раной на теле нашего общества – эк как загнул, а? – и мне любопытно узнать ваше отношение ко всей этой кутерьме.

Голосуем заново! Для чистоты эксперимента опрос будет также открыт три дня. Сверяем часы – и понеслась!»

Глава 19

Утром нестерпимо захотелось красоты. До такой степени, что стало плевать на работу и планы. Плевать, что среда.

День за свой счет, пожелания здоровья от начальства – и среда превращается в субботу. Даже лучше: в личную субботу. Пока москвичи корпят над отчетами и планами продаж, в питомнике роз царит настоящее лето. Рай для поэтов и цветоводов.

Ночной дождь еще сверкает каплями на розовых бутонах. Некоторые кусты заметно потрепало: алыми лепестками усеяна влажная земля, и низко кланяются пышные цветки. Розы, розы везде! Красные, белые, бледные и пунцовые, двуцветные, махровые... они источают головокружительный запах, и ошалевшие бабочки по ошибке садятся на малиновый рукав.

За ровными посадками чайных и садовых красавиц начинается феерия: ограды и беседки увиты плетистыми розами, а лужайки покрыты стелющимися сортами – почвопокровными, как называют их садовники.

Безоблачное небо, яркие краски, упоительные ароматы и дремотное гудение шмелей. И, главное, полное отсутствии связи. Находясь вне зоны действия сети, так просто почувствовать свободу!

Прогулка в благоухающих зарослях приводит мысли в по-

рядок. Мир больше не кажется серым и злым. Приходит уверенность: красота существует. Покой существует. Гармония, тишина, умиротворение – все существует, достижимо и возможно.

Каждый цветок настолько совершенен, что хочется смотреть на него бесконечно, и ничего больше не нужно, ни постов в соцсетях, ни видеороликов, ни блогов. Не нужно следить за новостями, включать телевизор и читать интервью. Отсюда, из цветочного оазиса, городские проблемы кажутся надуманными и пустыми.

Так где же реальная жизнь? Здесь, в глуши, вдали от тахикардического пульса столицы? Или все же там, среди ревущих экранов и осуждающих комментаторов, в стрессах и пороках, от которых так же сложно избавиться, как от собственной тени или слов-паразитов?

Свежий воздух пробуждает аппетит. В кофейне подают чай и орешки в меду. Сонная официантка в мятом фартуке выглядит внучкой фермера: светлая косичка, розовые губы, небрежно подвернутые джинсы. Веснушки, как у дочки. И белесые брови той же формы. Сколько ей, семнадцать?

Девушка лениво протирает стойку, стаканы, ложки. Хорошо, наверно, работать за городом, на свежем воздухе, среди такой красоты...

– Не жалуюсь, – вяло кивает официантка, перекатывая во рту жвачку. – Вам еще чаю или рассчитать?

Получив деньги, она хлопает кассой и стягивает фартук.

На футболке – красный воздушный шар со смайликом и эмблемой фонда «Эпилог».

– Благотворительная, – хвастается она. – Наш садовый центр им розы планирует поставлять в дачный поселок, который они для своих подопечных обустроивают. Я там была недавно, в качестве ландшафтного дизайнера. Я пока учусь, но все остались довольны моими идеями. Даже главная приезжала, Костомарова, которую по телеку показывают. Она мне футболку и вручила. Ну и другие сувениры по мелочи. Их всем волонтерам раздают. Приятная тетка, только замонтанная слишком. А ведь это было еще до обстрела в Левитане. Слышали? Конечно, слышали, сейчас только глухой об этом не слышал. У меня в Левитане подружка живет. Она мне такое про ту историю рассказала, закачаетесь!..

Глава 20

Тридцать семь и два – премерзкая температура, особенно у ребенка. Капризы, хныканье, красные глаза.

– Расскажи мне сказку, – требует дочка.

– О ком?

– Не знаю! – хлопает горячей ладошкой по одеялу. – Расскажи!

Кудри взъерошены, взгляд недовольный. Ей бы поспать, и все пройдет.

– Ну, слушай. Одна девочка...

...Одна девочка по имени Надя дружила с мальчиком по имени Кеша. Жили они в небольшом городке, летом ходили купаться на озеро, зимой катались на санках и лепили снеговиков. Кеша был старше на три месяца, а потому опекал Надю изо всех сил. Например, защищал от дворового пса и хулигана Васьки. Когда им исполнилось по семь лет, Надя и Кеша взялись за руки, пришли в свой первый класс, сели за одну парту, да так и провели вместе целых девять лет школьной жизни.

– Снова в деревню? – спросила Надя Кешу в первый день каникул.

Кешина семья была небогатой, и лето Кеша обычно проводил у бабки в Салабаево.

– Нет, – неожиданно ответил он. – В центр поеду. Посту-

пать.

Надин мир покачнулся. Она была поражена. Девушка впервые слышала о том, что Кеша не собирается продолжать учебу в школе, а планирует куда-то там поступать. Мысль о том, что близкий друг не поделился своими планами, больно ранила. А перспектива расставания выбивала почву из-под ног.

Мир покачнулся, но со стороны это выглядело, как будто качнулась сама Надя. Кеша подхватил ее одной рукой за локоть, другой за талию.

– Что с тобой? – наивно спросил он, заглядывая в Надины глаза.

Но вместо привычной теплоты ее взгляд излучал злость и обиду.

– Что со мной?! – воскликнула она, отпихивая его руки. – Со мной-то все нормально, а вот с тобой что? Ты уезжаешь, оставляешь меня здесь одну, и говоришь об этом вот так, в самый последний момент?! А если бы я не спросила, ты так и не сказал бы мне?

Надя была в ярости, и Кеша отошел от нее подальше. Заметив это, Надя заплакала. Не так она представляла себе первый день каникул. Да и все свое будущее.

– Я обязательно сказал бы тебе, – дрожащим голосом заговорил Кеша. – Просто ждал ответа, чтобы точно знать, возьмут меня после девятого класса или нет. Письмо из семинарии только вчера пришло, и это вообще чудо, что мне разре-

шили поступать сейчас, не теряя еще два года в школе.

– Семинария? – перебила Надя. – Ты что, попом собираешься стать?!

Он глубоко вздохнул и заговорил своим фирменным убавляющим голосом:

– Я все тебе подробно разьясню. Это очень важно для меня, я уверен, что скоро твоя обида пройдет, и мы сможем порадоваться моей удаче вместе. Пойдем ко мне, посмотрим брошюры...

– Не хочу я смотреть твои дурацкие брошюры! – закричала Надя, толкнула его и убежала домой.

Они не общались два дня. Надя выплакала все глаза и до дыр пересмотрела совместные фото, но к телефону не подходила. На третий день Кеша пришел лично.

– Завтра уезжаю, – с порога заявил он, боязливо поглядывая на подругу.

Надя с деланным равнодушием кивнула и пошла на кухню заваривать чай.

– Раз тебя не будет, буду теперь с Мишкой за партой сидеть, – вызывающе заявила она, следя за Кешиной реакцией.

– Мишка давно к тебе клинья подбивал. Он вроде как нормальный, – дипломатично ответил Кеша.

– Да, симпатичный и веселый, на день рождения мне плеер подарил. Я ему нравлюсь, и он не скрывает своих чувств в отличие от некоторых, – провокационно сказала Надя.

Но Кеша просто покивал, глядя в чашку. Про плеер он,

конечно, знал, да и Мишины чувства к Наде обсуждались уже не один раз.

– Может, дать ему зеленый свет, начать встречаться, как думаешь? – доливала Надя масла, но огонь все не разгорался.

– Он вроде как нормальный, – повторил Кеша, и Надя вышла из себя.

– А ты что же, в вечные девственники теперь записался? – поддела она.

– Священникам можно жениться, – спокойно ответил Кеша.

– Правда? – осеклась Надя. – Я не знала...

Может, не все еще потеряно? Отучится Кеша, вернется взрослым человеком. Когда сверстники будут еще сопливыми студентами, он уже работать будет. А на ком же священнику жениться, как не на самой близкой подруге, с которой всю жизнь бок о бок провел?

Надя смягчилась. Она под села к Кеше и взяла его за руку.

– Так что же, мне тебя ждать? – многозначительно спросила она.

– Конечно, ждать! – воскликнул Кеша. – Я отучусь и обязательно вернусь сюда, в родной город. Только здесь я нужен, только здесь я могу что-то изменить! Эх, Надюша, знала бы ты, сколько у меня планов, сколько понимания, как и что нужно сделать, чтобы все было правильно, по-божески.

Он приобнял ее и мечтательно вздохнул. Надя вздохнула тоже. Она не знала, какие золотые купола сияли в воображе-

нии Кеша, но ясно видела собственные мечты. Просторный деревянный дом, послушные детишки, цветущий сад рядом с храмом. Она сама – красивая, спокойная, излучающая тихое счастье, и Кеша, мудрый, достойный, уважаемый. Зря ко-су весной отрезала, пожалела она. Ну ничего, хихикнула про себя, до свадьбы отрасли.

Прощание было светлым. Умиrotворенная Надя проводила Кешу, смахнула пыль с настенного календаря и отметила тот день аккуратным крестиком. Нахмурилась и дорисовала снежинку: негоже крест не по назначению использовать, есть у него один-единственный истинный смысл, и охранять его теперь их задача. Нади и Кеша.

В сентябре Надя строго отказала Мише и до выпускных экзаменов просидела за партой одна. В ее движениях появилась плавность, важность. Подружки хихикали и обзывали попадье́й, но Наде это даже льстило: в отличие от этих сви-стушек с неопределенным будущим Надя четко знала свою судьбу, свою миссию.

Последний учебный год прошел в скандалах с родителями. Мама никак не могла смириться с тем, что Надя не собирается никуда поступать.

– Я все понимаю, Наденька, – говорила она плаксивым голосом, – я же не против, жди своего Кешу! Но почему учиться-то при этом нельзя? Правда, Юра?

Папа Юра согласно кивал.

– Мам, пап, мне учеба не нужна, – объясняла Надя. Роди-

тельская опека раздражала, но нельзя давать чувствам волю, нельзя терять лицо. – Моя судьба предрешена. Зачем мне тратить время на институт? Я все равно не буду работать!

– Но почему же и не поработать, доченька? – недоумевала мама. – Хочешь ты семью, детей, это замечательно! Но специальность иметь тоже не помешает!

Папа все кивал, и Наде пришлось сдаться. Она выбрала педагогический. Умение учить может пригодиться, рассуждала она. В конце концов, можно перевести детишек на домашнее обучение, оградить их от школьной скверны.

Кеша навещал по праздникам. В Надином доме его принимали с красноречивой теплотой. За годы в семинарии он возмужал и окреп, отрастил бородку, стал говорить благостным низким голосом. Надя слушала его мелодичный бас, и почему-то представлялся тягучий сладкий мед на солнечной пасеке. Может, это предчувствие? Предвидение собственной маленькой пасеки, теплого солнца, счастливого лета?

Кеша приезжал и уезжал, Надя становилась педагогом, бывшие одноклассницы хвастались столичными друзьями, путешествиями и свадебными фото. Шло время, городок наполнялся новыми выпускниками, и в их глазах светилось радостное предвкушение великой взрослой жизни.

А потом Кеша приехал насовсем.

С женой.

Надиной истерики Кеша не понял.

– Я же говорил, что мне можно жениться, – оправдывался

он своим медовым басом. – Разводиться нельзя, а жениться можно. Почему ты так удивлена?

Надя не стала объяснять. Затаив дыхание, она наблюдала, как один за другим исчезают их с Кешей сыновья и дочери, рассыпаются ульи и яблони в призрачном саду, рушится вымечтанный дом, погребая под собой Надино будущее.

Хорошо хоть на педагога отучилась.

Кеша с молодой женой – дурнушкой, надо сказать, – поселился недалеко от Нади. Хотя в таком небольшом городе, как Левитан, все недалеко. Нового батюшку полюбили, стали приглашать на городские мероприятия, в больницы и школы. Отец Иннокентий умел найти общий язык и с умирающим стариком, и с малолетним хулиганом.

Надя превратилась в Надежду Петровну, быстро дослужилась до директора школы. Рано похоронила мать, жила с отцом: он так и продолжал все время безмолвно кивать, как будто еще слышал плаксивый голос жены, уговаривающей дочь подстраховаться и не ставить на своей судьбе жирный православный крест.

В тридцать два года Надежда Петровна выглядела лет на сорок пять. О личной жизни и не думала: боль от предательства все не утихала. Десятилетней давности разговор хранился в памяти так четко, будто произошел лишь вчера:

– Как же так, Кеша? – горько спросила тогда она, имея в виду всю свою разрушенную жизнь.

– Прости, – понурился он в ответ. – Свадьбы не было, мы

тихо повенчались перед лицом Господа, даже родителей не звали, ни моих, ни ее. Не держи обиду, что не пригласил тебя.

– Не пригласил? – непонимающе переспросила Надя. – Ты думаешь, в это дело? Считаешь, я злюсь на то, что ты меня не пригласил на венчание?

– А на что тогда? – заморгал Кеша. Ресницы у него были длинные, пушистые. Да и сейчас, наверно, такими остались.

– Правда не понимаешь? – поразилась Надя. – Ты же ранил меня в самое сердце! Разбил мне жизнь! Я тебе доверилась, а ты меня так жестоко обманул!

– Да в чем же? – искренне недоумевал Кеша, и Надю осеңило: ничего не было.

Не было обещаний, признаний в любви и клятв верности. Не было совместных планов, не было ни слова о том, что Кеша собирается жениться на Наде после учебы в семинарии. Огромная вселенная их счастливого будущего существовала только в Надином воображении.

Между Надей и Кешей никогда не было даже намек на роман. Она судорожно прокручивала в голове все его слова и жесты в отчаянной попытке найти хоть одно доказательство своей правоты. Ей нужно было оправдаться перед собой за свой самообман.

– Ага! – нащупав, закричала она так, что Кеша дернул бородой. – Ты просил тебя ждать, помнишь? Я спросила, мне тебя ждать? И ты ответил: да, конечно, жди! Вот где ты меня

обманул!

– Какой же тут обман, – забасил Кеша, – все по-честному. Пообещал вернуться, вот и вернулся. Я тебя бросать не собирался. И сейчас не бросаю. Станем дружить, как и всю жизнь дружили. Ты же мне как сестра, Надюша!

– Но... ты... – всхлипнула Надя да так и не договорила. Хотела напомнить, что разговор был про свадьбу, когда Кеша сказал, что собирается жениться, а сразу после этого велел ждать его, вот она и решила, что роль невесты уготована ей, и все было так понятно и бесспорно, что объяснения и признания казались лишними...

Но она не стала ничего говорить. Кеша женат, считает Надю сестрой, на роль своей супруги никогда ее не рассматривал. Сама виновата. Напридумывала себе черт знает что.

Надя с облегчением выдохнула: впервые за последние годы она может без угрызений совести чертыхаться, божиться, материться и рисовать крестики. Утешение слабое, но лучше, чем никакое.

Так они и стали жить. Надя отдалилась от Кеши, церковь не посещала, углубилась в работу. И вот, столько лет спустя, он появился на пороге ее кабинета в сопровождении завуча, школьного психолога и почему-то химички.

– Надежда Петровна, это наш знаменитый отец Иннокентий, – объявила завуч. – Хотя что я вам его представляю, вы же наверняка и сами знаете эту выдающуюся личность. Благодетель, элита нашего города!

Кеша приблизился к ее столу, вежливо улыбнулся и пожал руку. Не узнал?!

– Очень приятно, чем обязаны? – скороговоркой выпалила она, чувствуя свои холодеющие пальцы в его уютной ладони.

– Отец Иннокентий проводит лекции для школьников в преддверии светлого праздника Пасхи. Я все правильно говорю, батюшка? – заискивающе спросила завуч.

Батюшка благосклонно кивнул, и та счастливо рассмеялась.

Мужчина в женском коллективе – всегда бомба. Даже если это женатый священник.

– Что ж, – проговорила Надежда Петровна, опускаясь на свой директорский стул. – Будем рады. По всем организационным вопросам обращайтесь к Елене Николаевне. Я со своей стороны поспособствую, чем смогу.

Кеша поблагодарил, скользнул по ней безучастным взглядом и удалился в окружении щебечущих дам.

Не узнал!

Надя подождала, пока за бывшим возлюбленным закроется дверь, подскочила к шкафу и уставилась в зеркало.

Зеркало отражало только до пояса, но и этого хватало, чтобы понять, почему Кеша не признал свою Надю. Она смотрела на себя со стороны и видела грузную фигуру, практичную короткую стрижку, мешки под глазами, второй подбородок. Ничего общего с хрупкой русоволосой девушкой,

какой она была в год их последней встречи.

Когда она успела так располнеть? Почему так плохо лежат волосы, такая тусклая кожа? Откуда это угрюмое выражение лица?

На дворе май, конец учебного года, еще чуть-чуть – и каникулы. Можно будет немного расслабиться, появится больше времени для себя. Хотя какое оно, время для себя? Выходные вдвоем с отцом? Генеральная уборка квартиры? А Кеша все так же хорош: даже ряса не скрывает мощное тело, и глаза так задорно блестят...

Тридцатидвухлетняя Надя созерцала свое сорокапятилетнее отражение, и ей стало очень-очень грустно. Внезапно ожили девичьи фантазии: солнечная пасека, дружные детки, домашний хлеб на скатерти в клеточку, семейные пикники. И навалилось осознание, что ничего из этого не будет. Ни с Кешей, ни с кем-то другим. Годы упущены, жизнь встала на тоскливые рельсы и катится к одинокой пенсии. И так тошно от этого, так мерзко.

До Пасхи оставалось несколько недель. Надежда Петровна успела внушить мальчишкам идею сорвать акцию фонда «Эпилог» и обвинить во всем батюшку Иннокентия. Бесы плясали в сердце, заставляли усугубить положение, подстроить что-то более страшное: взяточничество, педофилию, разврат, чтобы он не выкарабкался, хлебнул лиха, потерял все безвозвратно, как потеряла она сама.

Но в педагогическом не учили подставлять людей, и она

струсила, побоялась быть пойманной. Да и так неплохо вышло. Имя святоши замарано, люди начали его сторониться. Из благодетеля и городской элиты он превратился в попа с подмоченной репутацией.

Так ему и надо.

Ну как тебе сказка, малышка?

Малышка мирно посапывает. Пальчики сжимают ухо розового зайца. От ночника по потолку блуждают звезды. За окном шумит город: обсуждает видео, высказывает мнение, судит учительниц и разделяется на враждующие лагеря.

Глава 21

Катин день рождения удачно выпал на субботу. Виновницу торжества выманили из загорода, не раскрывая карты.

– Скажем, что едем в обычный ресторан, – инструктирует Эмма. – Про СПА-салон молчим до последнего. Сюрприз будет. Я уже все проконтролировала, заехала туда сегодня сранья.

«Сранья», смешно. Нет такого слова. Надо говорить «спозаранку». Но Эмма не согласна.

– Спозаранку – это ясное деревенское утро, жаворонки в голубом небе и васильки во ржи. А тут, – указывает на дождь за окном, – подойдет только «сранья».

На ней обычные джинсы, а потрясающая прическа убрана в хвост.

– Нас ждет пять часов сауны, хаммама и релакса. Зачем наряжаться, если все равно раздеваться?

Вспоминается жестокое «Не крась глаза, когда идешь реветь». Что за человек это написал? Ехидно хихикающий бездушный тролль? Или расчетливый прагматик, как вот Эмма, например?

– Давай, Леська, не зависай! – торопит подруга. – С Каткой встречаемся через час, она уже едет. Собирайся!

Раз наряжаться не нужно, на приготовления к празднику уходит не больше десяти минут. Контрольный осмотр квар-

тиры, проверка розеток, окон, утюгов. В детской полумрак: опущены шторы, и на кровати среди игрушек светлеет дочкина макушка. Дремотно тикают настенные часы. Хочется вечно вот так стоять в дверях, ловя каждый шорох, охраняя чистые детские сны...

– Все еще не разобрала комнату? – раздается вдруг Эммин голос прямо из-за спины.

Не спрашивая разрешения, она протискивается в детскую, подходит к кровати, вытягивает из плюшевого нагромождения беловолосую куклу. Иллюзия рассеивается.

– Лесь, не бери себе раны всем этим, – она машет куклой, и та изрекает механическое «мама». – Обалдеть, таких еще выпускают?! Давай сдадим игрушки в детский дом, отремонтируем комнату, уберем мебель. Я могу помочь, тебе даже прикоснуться здесь ни к чему не придется, только дай свое согласие. Вот увидишь, без призраков прошлого жить легче станет!

Эмма бросает куклу на постель, пустую, холодную, безжизненную постель. Снова раздается жалостливое «мама». Звук разоренной мечты.

– Едем же! – успеваешь крикнуть Эмма, и душащие рыдания отступают, так и не пролившись облегчительным дождем.

Катя при полном параде. Ее не предупредили, что придется раздеваться.

– Жалко завивку и макияж, но что поделаешь, дареному коту в зубы не смотрят, – скороговоркой шепчет Эмма и раскидывает руки, широкими шагами приближаясь к имениннице.

Воздух сотрясают миллионы поздравлений, комплиментов и поцелуев. Без условностей не обходится даже встреча трех ближайших подруг.

Эмма вручает розовый свиток, Катя ахает, читает о предстоящих удовольствиях, снова ахает. Новый вихрь благодарностей и объятий. Наконец эмоции утихают. Прибывает такси. Ехать недолго, но дорога успокаивает, бездействие разглаживает мысли.

За окном пролистывается город: светофоры, зонтики, вывески и мокрые клены. Под щебет Эммы и Кати тянет в сон.

Вспомнили старую шутку про чью-то подружку: «Это Оля из Подольска.» – «Из-под кого?!» Глупо и несмешно, если лично не знать героиню каламбура, а если знать, то уморительно даже сейчас, столько лет спустя.

Остановка, лужа, приветливый швейцар. Позолота и завитки, лилии в гигантских вазах. Салон чрезмерно роскошен, но Кате вроде нравится.

– Девчонки, это так здорово, собраться всем вместе и почистить перышки! – радуется она. – А то дома я даже ванну дольше семи минут принять не могу, всем от меня что-то надо. И это при том, что у нас три санузла!

После массажа, сауны и бассейна запланирован перерыв.

Время расслабиться в шезлонге и завести неспешную беседу.

– Закуски тут сумасшедшие! – восторгается Катя, уминая канапе. – Даже не верится, что посуду мыть не придется.

– Я не понимаю, – лениво тянет Эмма, – у вас же обеспеченная семья. Найми помощницу, зачем ты сама все делаешь, если так устаешь?

– Устаю, конечно, – соглашается Катя, – но никому свои грязные тарелки не отдам. Во-первых, созданием домашнего уюта я выражаю любовь к моей семье. Во-вторых, еще вопрос, что тяжелее: самой делать всю работу или следить за домработницей.

– Все равно не понимаю, – упрямо говорит Эмма. Немного думает и добавляет: – Хотя бог с тобой и твоими тарелками. У каждой из нас есть свои странности. Правда, Лесь?

Такова Эмма. Нерешенные вопросы не дают ей покоя даже после успокаивающей фитобочки. Если уж Эмма наметила цель, с курса ее не собьешь. Видимо, с детской комнатой придется распрощаться.

Сон наползает незаметно. Вроде только что Катя и Эмма болтали рядом, а стол ломился от изысканных блюд, и вдруг, после секундной темноты, почти все тарелки пусты, а голоса подруг раздаются из парилки. Сколько же времени прошло?

В сауне пахнет хвоей, блаженный жар окутывает тело.

– Помню, он еще маленьким был, – рассказывает Катя про старшенького, – мы ему только объяснили простейшие правила этикета. Ну там, девочек вперед пропускать, руку пода-

вать, место уступить. В том числе рассказали, что если кто-то что-то уронил, надо поднять и подать или хотя бы вежливо сказать человеку «вы обронили». И вот идем по улице, перед нами женщина бросает на землю окурок. А этот карапуз догоняет ее с криком «тетенька, вы уронили!» и сует ей в руки ее бычок!

Катя заливается счастливым смехом и как будто молодеет, возвращается в те времена, когда ее сын был маленьким забавным человечком, у которого впереди вся жизнь, все дороги.

– Я, конечно, пыталась объяснить ребенку разницу между выкинутым мусором и оброненной вещью, но он так и не понял. Говорит, если мусор не в урне, как я пойму, что это мусор? Так и возвращал прохожим бумажки и окурки, которыми они сорили. И вы знаете, взрослым людям становилось неловко! Обычно они бормотали «спасибо, мальчик», хватали свой мусор и либо забирали с собой, либо доносили до ближайшего мусорного бака... Вот так малолетний мальчуган стоял на страже чистоты района.

Катя гордо блестит глазами.

– Боже, ну и история, – комментирует Эмма. – Просто Супермен Южного Бутова. Надежда Гринписа, гордость коммунальных служб!

Даже в бане она выглядит, как северная герцогиня. Строгий профиль, тонкие пальцы. Такие женщины вгоняют в дрожь многих мужчин.

У Эммы нет детей, и она никогда не изъявляла желания их завести. Наверно, поэтому она так легко готова разрушить детскую, это последнее убежище, уютную гавань, мирный оазис, где так сладко спится маленьким девочкам и их мамочкам...

– Лесь, ты что, опять носом клюешь? – окрикивает Катя. – Мы тут строим планы на вечер. Предлагаю финальный заплыв в бассейне, а затем ужинать. Но предупреждаю: весь дальнейший кутеж за мой счет!

Кутеж оканчивается за полночь. Розовощекая Катя отправляется к семье, мужу, дочкам и сыну, который из находчивого карапуза вырос в угрюмого увальня, не желающего жить как все.

Глава 22

«Юху, народ! С вами Павел Богатырь на канале «Зашибайка». Обычно я публикую новые видео не чаще, чем раз в неделю: уж простите, фанаты, но у меня работа, ипотека, тусовки, сами понимаете... Но сегодня я не сдержался и вышел в эфир аж на четыре дня раньше. Какова же причина такой спешки, спросите вы? А причина – это вы и есть, отвечаю я и извинюсь за тавтологию.

Дело в том, что мне просто не терпится поделиться с вами результатами последнего голосования по поводу фонда «Эпилог». Если в первом раунде мнения разделились почти поровну, то сейчас – барабанная дробь! – у нас есть сильнейший перевес! Угадаете, в какую сторону?..

Но не буду нагнетать, ведь и без искусственной интриги тема «Эпилога» волнует и будоражит. Почти у каждого, я уверен, есть собственное мнение на счет деятельности этого знаменитого фонда.

Итак, друзья: восемьдесят восемь процентов проголосовавших выбрали «темную сторону», то есть высказались против «Эпилога». Десять процентов выбрало свой вариант, и я всем советую ознакомиться с этими вариантами, там эмоции просто зашкаливают! Я все прочитал – и просто мурашки по коже. Свой вариант оказался той же «темной стороной», только еще страшнее. Ведь одно дело молча отмину-

совать тему, которая не по душе, и совсем другое – яростно, безжалостно, откровенно высказать свое негодование и раздражение.

Оставшиеся два процента разделились между вариантами «поддерживаю» и «мне пофиг».

Итого, товарищи, мы имеем будоражащую воображение картину. Почти все посетители моего канала откровенно недолюбливают «Эпилог» и все, что с ним связано. Назревает вопрос: меня что, смотрят одни злодеи? После такой статистики я ощущаю себя темным властелином, за которым стоит целая армия мрачных людей, которым сам черт не брат и «Эпилог» не благо.

Что ж, друзья, может, вы и правы. В комментариях меня спрашивали, как я сам отношусь к «Эпилогу». Если честно, я долго раздумывал над тем, стоит ли афишировать свое мнение по этой животрепещущей теме. Заметут еще!

Но потом решил: чего уж там! Мои зрители откровенны со мной, так чего же мне стесняться! Мой вам ответ: против «Эпилога» я ничего не имею. Вначале я был к нему совершенно равнодушен, ведь я сам, как вы понимаете, аборт не делал и от выкидышей не страдал. Но потом, когда вокруг «Эпилога» заварилась густая каша, и все, кому не лень, стали кидать в фонд какашками, я проникся к сотрудникам фонда сочувствием и даже немного уважением. Посудите сами: вас ругают, провоцируют, обзывают, а вы все равно, сцепив зубы, продолжаете делать дело, в которое верите. Дело, кото-

рое искренне считаете светлым и правым.

Предвижу, сколько критики прилетит в мой адрес. Вы можете сказать, что в «Эпилоге» все куплено, что никаким таким благим делом фонд не занимается, а только бабло отмывает, и что есть категории граждан, которым благотворительность нужнее... Возможно, вы будете правы. Но в моем розовом мире есть место вере в добро. И я хочу и дальше жить в этом мире, как можно дольше не впуская в него грязь, зло и ненависть».

Глава 23

Вчера на улице города Левитана произошел скандал, повлекший массовые беспорядки. Елена Петрашова, мать одного из мальчиков, сорвавших акцию фонда «Эпилог», подверглась нападению со стороны гражданки Николаевой Светланы Викторовны.

Николаева набросилась на Петрашову с обвинениями в подстрекательстве сына к совершению преступления против акции. Петрашова отрицала свою причастность к происшествию. Завязалась ссора, в разгаре которой Светлана толкнула Елену, та стала обороняться, используя только что купленные продукты. Завязалась потасовка.

– Это надо было видеть! – возбужденно рассказывает румяная продавщица из ларька «Союзпечать». – Яйца и кабачки летали по всей улице, прохожие еле уворачивались! Упаковка кефира об асфальт – хлопбысь! Все-все было в брызгах!

Быстро собралась толпа. Удивительно, что люди не спешили разнять женщин. В соответствии со своим отношением к «Эпилогу», они разделились на группы и яростно болели за «свою» участницу драки.

– Попытаться их остановить? Да вы бы видели, что там творилось! – пучит глаза пенсионер с таксой на руках. – Мука столбом! Мат-перемат! Бабы дерутся, перемазанные кетчупом, а толпа их только подзадоривает! Кажется, если бы

кто-то попытался прекратить эту бойню, его бы сами зрители и сожрали!

«Лучше бы твой поганец умер, а не мой малыш. Я, в отличие от тебя, смогла бы воспитать ребенка достойным человеком», – с такими словами Николаева скрылась с места происшествия еще до приезда полиции.

– Да, это точно Николаева была, жена главврача, – подтверждает киоскер «Союзпечати». – В Левитане ее все знают.

Николаева Светлана Викторовна, жена главврача городской больницы города Левитана, в настоящее время проходит реабилитацию после выкидыша на позднем сроке. По последним данным, женщина не преследовала Петрашову, их встреча была случайной.

– Я легко узнала Петрашову, ее по телевизору показывают в каждой передаче про то, что натворил ее сын со своими дружками, – признается Николаева в участке на допросе. – Как увидела ее, так в глазах и потемнело. Ненавижу эту сволочь и ее выродка. Почему они живы и здоровы, а хорошие мамы лишаются своих детей, да потом еще вынуждены пройти через все эти издевки, весь этот кошмар?

Отметим, что Николаева никогда не принимала участия в акциях «Эпилога» и не является подопечной фонда.

«Отметим, что Николаева никогда не принимала участия в акциях «Эпилога» и не является подопечной фонда», – до-

читывает Эмма и швыряет газету.

– Мрак какой-то! – стонет она, прихлебывая кофе.

Непонятно, что имеется в виду: похмелье от вчерашнего торжества или скандальные новости.

– Понимаешь, что это значит? Это значит, что истерика по поводу «Эпилога» захватывает уже не только тех, кто имеет отношение к фонду. Сначала люди просто смотрели новости, ну максимум, высказывали свое мнение в комментариях. А теперь что? Женщины, даже не причастные к фонду, нападают друг на друга на улицах... Остановить бы это безумие! Лесь, вы же дружили с Костомаровой, пока тот баскетболист не разлучил вас. Ты б с ней поговорила.

С утра опять лил дождь. Моросить перестало, но небо продолжает хмуриться, и инертный прохожий все еще несет над головой раскрытый зонтик.

– Ну как это о чем? О том, что пора прикрыть лавочку! – вдохновляется Эмма. – Я имею в виду «Эпилог», конечно. Может, фонд и был создан из лучших побуждений, но посмотри, во что он превратился сейчас! Только сеет распри. Народ звереет, слетает с катушек. Наверное, «Эпилог» затрагивает струны в настолько темных уголках человеческой души, что эта музыка сводит людей с ума!..

Она делает еще глоток, уставившись на серый законный пейзаж.

– Ничего себе я сегодня поэт. Струны в темных уголках души. Лесь, ты там записываешь за мной? Забудем ведь...

Такая аллегория пропадет...

Глава 24

На работе серьезно взялись за просвещение руководящего состава. Подтянув профессиональные навыки и накормив всех графиками и диаграммами, принялись за более общие темы. На лекции о профессиональном выгорании приказано присутствовать всем руководителям.

И вот руководители сидят вдоль длинного стола, уставленного кофейными стаканами и корзинками с карандашами. Зачем столько карандашей? Как будто ими здесь закусывают, а не пишут.

Проектор показывает пустоту: лектор задерживается.

Директор по маркетингу делится с главбухом впечатлениями от отпуска:

– Представить себе не можете, как нам повезло, – хвастает она. – Мы прилетели в первую неделю месяца. Как раз в это время там проходят фестивали. Сказочное зрелище! Каждый год, с первого по пятнадцатое, у них фестиваль света!

Ага, а с шестнадцатого по тридцатое – фестиваль тьмы, хе-хе.

Наконец двери открываются и появляется дама преклонных лет. Старушкой ее назвать язык не поворачивается, но и на бизнес-леди не тянет. Невесомая лиловая завивка волнуется под дуновением кондиционера. Юбка до середины голени навеивает воспоминания об алгебре и пионерах. Дама

протискивается к экрану, включает первый слайд и голосом советского диктора объявляет:

– Тема сегодняшней лекции – синдром эмоционального, профессионального выгорания.

Слово «профессионального» она выговаривает так, будто там двойная «ф».

– На повестке дня – группы риска, симптомы, причины, этапы и меры профилактики.

«На повестке дня», с ума сойти! В голове начинает играть «Москва майская» в исполнении хора тридцать седьмого года. Где утро красит нежным светом стены древнего Кремля.

Дама говорит четко и громко, с паузами и кожей осязаемыми знаками препинания. Но, как ни странно, не смотря на фактурность лектора, материал захватывает. Руководители слушают, кивают и даже что-то пишут шуршащими карандашами.

– Апатия! Слабость! Нарушения сна! – чеканит знаток выгорания, кивая после каждого пункта.

«Кипучая, могучая...» – не унимается хор в голове.

– Важно не путать синдром эмоционального выгорания с депрессией.

«Никем не по-бе-димая...»

– Выделяют два вида депрессии: реактивная, вызванная внешними событиями, и эндогенная, не связанная с внешним миром. К внешним факторам могут относиться такие психотравмирующие факторы, как потеря близкого челове-

ка, развод, увольнение, сокращение, чья-то смерть.

Или чье-то нерождение. Несуществующий хор и волевой голос дамы сливаются в оглушительную дисгармонию. Выйти бы прогуляться. На солнышко, к птичкам. Подальше от людей.

– Пациенты с депрессией часто уходят от социальных контактов, стараются больше времени проводить в одиночестве. Все кажется непосильным, утомительным и бессмысленным. При этом снижается самооценка, и больной погружается в самобичевание. Он может начать презирать себя за вялость и невозможность самостоятельно выбраться из эмоционального капкана. Человек видит, как его мир рушится: проблемы на работе, обиды близких людей, запустение и беспорядок в доме, – но ничего не может исправить, и винит в этом себя.

О да, Его величество Чувство Вины, сколько бессонных ночей прошло в его объятиях! Эти разъедающие мысли: вдруг несчастье произошло из-за бокала шампанского на первой неделе, когда тест еще не явил две заветные полоски? Или, может, виновата та ужасная ссора, с обвинениями, криками, рыданиями? А сколько лишних таблеток было выпито – от головы, живота, простуды... какая из них навредила беззащитному малышу?

Любая мелочь могла сломать хрупкий механизм создания маленького человечка. Когда, в какой момент что-то пошло не так? В первые секунды, часы, дни, недели? И кто в этом виноват? Кто, если не та, в чреве которой все триумфально

началось и трагически закончилось?

– Депрессия проявляется по-разному, – продолжает лекторша. – Человек может начать ныть, стать плаксивым, раздражительным, обидчивым. Либо, наоборот, безучастным и заторможенным. В любом случае общаться с такими людьми становится невыносимо, и окружающие стремятся избегать пациентов. К тому же, больной может и сам отталкивать людей, отказываться от общения и поддержки, в то время как именно помощь извне нужна ему в такой период больше всего. Человек с депрессией будет настаивать на том, чтобы вы оставили его в покое, но помните: самостоятельно ему не выкарабкаться. Депрессия – это болезнь, которую нужно лечить у специалиста. Не идите на поводу у больного депрессией. Без поддержки здоровых людей ему не обойтись. Не забывайте, что перед вами несчастный, ослабленный, сломленный человек, который оказался в лапах серьезного недуга и понятия не имеет, как выбраться. Некоторые пациенты описывают это состояние как сплошная чернота. Представьте: может, кто-то из близких вам людей или даже коллег прямо сейчас живет в этой беспросветной черноте, барахтается в ней изо дня в день, но скрывает свою боль, боится показать слабость, боится осуждения, не может признать, что с ним случилась беда, что само не пройдет, а помощи ждать неоткуда.

Она обводит слушателей пронизательным взглядом, заглядывая каждому в самую душу.

Кипучие – слезы, что подошли уже так близко.

Могучие – спазмы в горле, из-за них не продохнуть.

Никем не победимые – рыдания, так и рвутся наружу, как музыкальное сопровождение этих академических, энциклопедических, отстраненных, но почему-то бьющих точно в цель слов.

Глава 25

Путь к дому пролегает через пустырь. Раньше это место служило ночным пристанищем автобусов. Сейчас здесь просто огромная площадь, покрытая асфальтом. Ни бумажки, ни травинки.

Только по центру широкая лужа с обломками кирпича и черепицы. Будто кто-то нарочно разложил их прямо в воде. Импровизированная игровая площадка для маленькой девочки, фантазии которой скучно на таком большом, на абсолютно пустом куске асфальта.

И она тут как тут. Перескакивает с камня на камень в своих белых сандаликах, представляя себя то ли астронавтом, кочующим от планеты к планете, то ли балериной.

– Леся, добрый вечер! – доносится сзади.

Сосед, будь он неладен. Бежит трусцой через пустырь, размахивая сеткой с апельсинами и не замечая волшебную девочку в белых сандаликах.

– Иду и думаю: вы или не вы? – отдувается сосед.

Как же его зовут?

– Смотрю, точно вы. Со спины узнал. Очень она у вас запоминающаяся, спина ваша. Вы до дома? Нам по пути.

Федор?

– Погода великолепная. Наконец-то дождь перестал. Солнце слепит смотрите как! – закатный луч отражается от

окна, и сосед жмурится.

Может, Василий?

– Вы с работы, да? А я сегодня выходной. Вышел вот за витаминами, – он качнул сеткой. – Запасаюсь «це» и «де». Поняли, да? «Це» – это витамин в апельсинах, а «де» в солнышке.

«Це» и «де» он так и говорит, через «е». Владимир? Афанасий? Емельян?

– Вы, я вижу, тоже прогуляться любите. Я и смотрю: идет чья-то знакомая спина, спокойно так, задумчиво. Ну, думаю, точно соседка моя.

Черт бы побрал людей, чувствующих ответственность за паузы в разговоре. Стоит беседе немного угаснуть, как они паникуют и начинают бросаться любым словесным мусором, лишь бы заполнить тишину.

Как в такой суетливой личности может существовать тонкий талантливый музыкант? И как, как, боже ты мой, его зовут?!

Память напрягается и восстанавливает день знакомства. Лифт открывается, уже видна родная дверь, и вот он, стоит на лестничной клетке, шаркает тапкой и представляется: «Я ваш сосед, вот из этой квартиры, меня Анатолий зовут».

Точно! Анатолий! От облегчения губы расплываются в улыбке.

– Да, прямо возьми да и упали! – смеется он, принимая улыбку на свой счет. О чем он говорит? Начало рассказа про-

летело мимо ушей.

Может, сбежать в магазин? А вдруг увяжется?

– Это был единственный стоящий эпизод во всем фильме, – продолжает Анатолий. – Так что смотреть не советую, только время потеряете. Вы можете мне доверять в этом вопросе, я ведь настоящий киноман. У меня даже три публикации есть в кинематографическом онлайн-журнале.

Интересно, является ли это хвастовством? Если является, то надо делить число публикаций на два или даже на три, но если поделить на два, то получится нецелое число, а если на три, то выйдет, что публикация у соседа всего одна, и говорить три вместо одной – это уже не простое преувеличение, а серьезный обман.

Под воркование соседа Анатолия – а теперь лучше его так и называть, в связке, чтобы вновь не забыть имя, – пролетают улица и перекресток. Осталось пересечь двор, войти в подъезд и подняться на лифте. Или можно пойти по лестнице пешком: тучный и одышливый сосед Анатолий точно не решится составить компанию. Нехорошо, наверно, так свысока рассуждать о чужих недостатках... А общество свое навязывать хорошо?

Звонкие каблучки все спешат и спешат где-то сзади и никак не могут обогнать.

Тротуар недавно отремонтировали, покрыли новеньким блестящим после дождя асфальтом. Кажется, что шагаешь по небу: так ясно и чисто в нем отражается то, что над голо-

вой, все то, на что обычно и не смотришь, ведь руки в карманах, спина колесом, лицо опущено. Дорога отражает кроны деревьев и дома, можно даже разглядеть провода между перевернутыми фонарными столбами. Не видно только себя, потому что отражение – как тень в зенит, прямо под ногами. Зато небо раскинулось во всей красе: здесь, на черном асфальте, оно еще синее, еще чище, с четкими белокурыми облаками, по которым было бы так весело прыгать маленькой почти такой же белокурой девочке.

Она могла бы гулять по облакам.

На подходе к дому сосед Анатолий выдыхается, и в лифте царит звенящая тишина. Перед тем, как скрыться в своей квартире, он неловко сует свои апельсины.

– Не отказывайтесь, берите, пожалуйста, угощайтесь, вам нужней, – бормочет он и спешно захлопывает дверь.

Что ж, апельсины так апельсины.

Дом встречает гробовым молчанием. Ни тебе топота маленьких ножек, ни детского смеха, ни мультиков. Могила, да и только.

Из-под двери в детскую тянет сквозняком. Наверно, открыта форточка. Там, за стеной, вечерний ветер перебирает светлые локоны и не задумывается, кто их хозяйка: девочка или кукла. Входить туда не хочется. Нет сил снова убеждаться, что комната пуста. Пусть дует.

Лучше всего с могильной пустотой справляется телеви-

зор. Живые человеческие голоса наполняют квартиру и позволяют ненадолго забыться. Одиночество почти не чувствуется, когда с экрана льется оглушительный поток красок и звуков: реклама, сериал, ток-шоу, менты, прогноз погоды, магазин на диване, репортаж, комики, «Титаник», футбол, концерт... Весь вечер удается уклоняться от новостей об «Эпilogue», но стоит на минуту отлучиться на кухню за соседскими апельсинами, и тут же самодовольная рожа занимает весь экран и принимается рассуждать о неродивших матерях. Как назло, пульт затерялся в недрах дивана, и пока рука шарит в мягких подушках, в уши льется сочувствующий голос:

– Некоторые женщины проживают свое горе снова и снова, и боль от потери ребенка становится для них навязчивой рекламной мелодией, от которой никуда не деться.

Где же этот треклятый пульт?!

Вот он, наконец-то кнопка «Выкл». Дом окутывает сумрачная тишина. Беспокойство заставляет кружить по комнате. Пятый, шестой, седьмой круг, пока блуждающий взгляд не замирает наконец на огромной фотографии на стене. Там бушующий океан разбивается о скалу под серым небом, и чайка борется с ветром.

Последние слова передачи крутятся в голове: «Кто-то пытается забыться алкоголем, кто-то углубляется в работу, а кто-то опускает руки и отдается во власть своей потери».

А кто-то и после потери продолжает вынашивать, рождает,

воспитывает свою чудесную дочку. Она всегда здесь. Всегда рядом. Всегда интересно ей что-то рассказать. Мир так прекрасен, он будто создан для маленьких детей, для их распахнутых глаз и пытливых умов. Взрослые не обращают внимания на ставшие привычными вещи, и только дети помогают заново пережить все лучшее из окружающей реальности, увидеть, как волшебна жизнь.

Сколько творчества, сколько вдохновляющей энергии открывается тому, кто показывает ребенку мир. Детский ум удивляется, радуется, сомневается. Как все устроено? Почему именно так, а не этак? Как-нибудь по-другому никак нельзя? А что будет, если...

Взрослые отмахиваются, устают. Да разве это вообще возможно, утолить неумное детское любопытство? Оно словно лернейская гидра: отсечешь одну голову, вырастет две; ответишь на один вопрос, появится дюжина. Эти бесконечные «почему» когда-нибудь иссякнут? Зачем объяснять, если половину услышанного ребенок забывает через несколько минут? И главное, неужели сложно оставить маму в покое хотя бы на несколько минут?!

Не понять таких взрослых. Как можно отмахиваться, когда вот она, любознательная мордашка, вопросительно смотрит ясным взглядом, готовая к поразительным открытиям, доверчиво принимающая родительский ответ? Разве можно предпочесть кино и маникюр – живому ребенку? Почему они не понимают, что отправляя малыша погулять, подсо-

вывая ему комиксы или другим способом избавляясь от его внимания, они в первую очередь вредят себе? Лишают себя возможности отправиться в захватывающее путешествие по лабиринтам детской фантазии...

За окном старая треснувшая сосна. В темноте расщелина в стволе кажется абсолютно черной и бездонной.

– Мамочка, а кто живет вон там, на дереве?

– В дупле, что ли?

– Да, в дупле!

– Как? Ты не знаешь, кто живет в дупле?

Задумывается на секунду и активно трясет кудряшками: нет, не знает.

– В этом дупле живет сова по фамилии Халва. Это все знают!

– Сова Халва? – недоверчиво переспрашивает она. – А разве бывают такие фамилии?

– Конечно, бывают! Среди сов фамилия Халва – такое же обычное дело, как у нас, скажем, Смирнова.

– Не знаю ни одной Смирновой, – с сомнением качает головой.

– Ну, Петрова.

– И Петровых не знаю.

– Вот сейчас сова Халва сидит в своем дупле, слушает нас и думает: «Какая необразованная девочка, ни одной фамилии не знает! Вот ка-а-ак прилечу к ней ночью, ка-а-ак сяду на подоконник и проухаю все распространенные совиные

фамилии!»

Во время смеха ее глаза превращаются в маленькие щелочки, в которых весело сверкают голубые огоньки. Иногда кажется, что лицо смеющегося ребенка – лучшее лекарство от депрессии и уныния. Вот бы в психоневрологических диспансерах и больницах поставить мониторы и транслировать детских смех...

– Не прилетит!

– Это отчего же не прилетит?

– А оттого, что сова не знает, когда я буду дома!

– Да кто же это знает, если не сова? Кто же это знает...

Кто реальнее: обделенный вниманием ребенок, оставленный на попечение няньки и видеоигр, или дочка – обласканная, любимая, все мысли забирающая, но по нелепой случайности так и не рожденная?

Почему дети достаются тем, кто совсем к ним не готов?! Несправедливость душит, от роящихся мыслей совсем не до сна, и хочется поделиться с кем-то близким.

Увы, близкие люди – Катя и Эмма – поддержать эту тему не смогут. Первая так давно выросла в свое материнство, что вряд ли поймет суть переживаний, а вторая вообще считает тоску о потерянном ребенке проблемой, требующей врачебного вмешательства.

На счастье, есть интернет. Группа фонда «Эпилог» насчитывает больше ста сорока тысяч подписчиков. Две Андорры плюс Ватикан! Сложно представить, что все начиналось

с двадцатки отчаявшихся женщин под руководством Анны Костомаровой, простой домохозяйки из Серпухова. Приходится долго листать страницу сайта, чтобы найти пост о первой акции.

Вот он: несколько блеклых фотографий и восторженные отзывы участниц.

«Анечка, спасибо! Вернулась домой после прощания, до сих пор плачу, но слезы эти светлые! Облегчение! Благодарю!»

«Отпускать шарик в небо – это и вправду очень символично, потому что я чувствую, как уходит моя боль».

«Присоединяюсь к благодарностям! Наконец-то мое горе получило реальное воплощение. Надеюсь, это мне поможет...»

«Бог миловал от такой потери, и в акции я не участвовала, но всей душой я с вами и с Анной! То, что вы делаете, откроет миру глаза на такую «иллюзорную» проблему, как смерть нерожденного малыша!»

«Кобыла!!! Это для тебя проблема иллюзорна, а для тех, кто ее реально пережил, она более настоящая, чем ты и другие такие же бессердечные кони!»

«Вмешаюсь: там «иллюзорная» в кавычках была. Автор на нашей стороне, а вы ругаетесь».

«Хочу выразить благодарность Анне Костомаровой. Мой муж не особо хотел этого ребенка, беременность проходила тяжело: токсикоз, гипертонус, три недели в больнице,

а после нее режим. Муж сильно недоволен был. А когда ребеночек умер, муж даже слезинки не проронил. Я осталась как будто совсем-совсем одна на всем белом свете! Смотрела запись акции прощания и редела – сколько же нас таких! Оказывается, я не одинока! К сожалению, присоединиться не смогла, живу далеко, но даже от видео легче стало!»

«Уважаемый конелюб, я написала про иллюзорность проблемы в переносном смысле, и другие читатели это поняли. Попрошу не обзывать!»

«Конененавистник тогда уж, а не конелюб».

«Про кобылу кажется женщина писала».

«С чего вы взяли, что женщина? На аватарке вообще хомяк».

«Сенсация! Хомяк против кобылы! Ржу».

«Поразительно: даже в такой теме умудрились холивар развести!»

...В более поздних публикациях столкновений между участниками все больше. Люди яростно отстаивают свою позицию – так, будто от исхода словесной баталии зависит судьба всего проекта.

Или действительно зависит?

Вот одна из свежих новостей.

«Мы вынуждены запретить проведение акции фонда «Эпилог», назначенной на будущую субботу. Запланированное место проведения, городской парк, не самая подходящая площадка для такого мероприятия. На сегодняшний день

отношение обывателей к проекту «Эпилог» неоднозначно, и мы не хотим провоцировать людей», – заявил замглавы администрации района. В официальных группах «Эпилога» в соцсетях, где проводится запись на церемонию прощания, информации об отмене акции нет. Представители фонда за верили, что мероприятие состоится.

«У нас на руках документально подтвержденное разрешение мэрии на проведение всех мероприятий, запланированных в этом месяце. График был согласован заранее, и ни о какой отмене речи быть не может. Слово замглавы администрации района против мэрии ничего не стоит. Ждем на акцию всех желающих», – такой пост был опубликован в группе «Эпилога» сегодня утром. В ответ на это заявление пользователи сети разделились на три лагеря.

Одни целиком и полностью поддерживают деятельность «Эпилога»:

«Разумеется, надо проводить и точка. Согласные и несогласные будут всегда. Если дело правое, надо его отстаивать».

«Беда с теми людьми, которых можно спровоцировать шариками. Запретишь шарики, они другой повод спровоцироваться найдут. Нечего на всяких придурков равняться и запрещать то, что кому-то помогает выжить».

«Давайте еще запретим плакать и грустить на улице! А то вдруг у кого-то настроение испортится? И шары тоже запретим на всякий случай, и фломастеры. Чтоб ассоциа-

ций неприятных не вызывать!»

Есть и прослойка нейтральных наблюдателей, но таких меньшинство:

«Вот это интрига: мэр vs администрация. Кто кого? Готовим попкорн!»

«Политиканы вечно перестраховываются, работа у них такая. Дело Эпилога – народное дело! Люди сами разберутся, что хорошо, что плохо».

Однако подавляющая часть комментаторов настроена воинственно:

«Правда, почему обязательно прощаться с мертвыми младенцами в общественных местах? Народ приходит погулять, отдохнуть, а там эта жуть. Сразу настроение портится!»

«Пусть проводят свои черные мессы подальше от нормальных здоровых людей!»

«Фонд отказал мне в поддержке, сказали, на акции приходите, а в общежитие не возьмем, хотя у меня был аборт по мед. показаниям, муж в запое, развожусь, ад кромешный. Мне жить негде, а они мне – приходи шарик запустать! Подкуплено у них там все и сплошной пиар».

«У меня кошка сдохла, можно мне тоже в санаторий?»

«Да половина этих недомамаш только рада была избавиться от детей. Им и так смерть ребенка на руку, а тут еще, глядишь, и квартиру выдадут. Красота!»

Как видно, пользователей раздражают не только публич-

ные акции «Эпилога», но и привилегии, которые получают женщины под опекой фонда. Зависть или справедливое негодование? Делитесь своим мнением в комментариях к этой статье!»

Делиться мнением в комментариях к статье никакого желания нет, зато хочется поддержать Костомарову. Да, она лично давно ничего не пишет в соцсетях, но наверняка смотрит письма и следит за реакцией публики на развитие своего проекта. Или это маркетологи «Эпилога» отслеживают новости, защищая Анну от плохих вестей и оставляя ей силы заниматься по-настоящему важными делами?

Эх, всего-то неделю назад, в прошлый понедельник, хотелось написать Анне о том, что грядет что-то недоброе, злые намеки мелькают то тут, то там. Но что-то отвлекло тогда (воображаемая дочка, вот что), и письмо осталось ненаписанным, а через несколько дней мальчишки обстреляли скорбящих женщин в Левитане, и заварилась такая каша, что будущее фонда теперь, кажется, под угрозой. Или то письмо ничего бы не изменило?

Хватит откладывать. От дружеской поддержки еще никому не стало хуже. Всего одно сообщение с ободряющими словами – и спать. Даже если Аня не ответит, то хотя бы, возможно, прочтет, и на минуту ей станет теплее.

«Аня, привет! Это Леся, мы учились вместе, помнишь меня?»

Стоп, так не годится. Начинать надо с главного, а не пи-

сать о себе.

«Аня, я считаю, что твое дело...»

«Я считаю», «твое дело» – что за нелепые фразы? Как-то попроще надо, душевнее.

«Ася, привет, хочу выразить поддержку...»

Какая еще Ася?! Одна глупая опечатка способна перечеркнуть все сердечные слова. Если, конечно, «выразить поддержку» – это сердечные слова.

Ладно, попытка номер четыре.

«Аня, спасибо за все, что ты делаешь для неродивших матерей. Сейчас твой фонд ругают, но знай: ты все делаешь правильно, все-все: от первой акции до тех глобальных вопросов, которые решаешь сейчас. И самое главное, ты подняла эту тему, не побоялась начать что-то новое, ведь до тебя никто таким не занимался! А встречая отпор, ты не идешь на попятную, а продолжаешь свое важное начинание. Ты такая храбрая. Спасибо тебе и за это».

Вот так, и никаких подписей не нужно. Это же соцсети: заинтересуется – посмотрит страничку и вспомнит. Или не вспомнит, какая разница.

Хотя нет, как это не вспомнит? Столько лет дружили, столько всего связывало. Баскетболист, к примеру.

А вдруг все же не вспомнит? Придется применить маленький трюк:

«Знай: если тебе нужна будет поддержка, или просто захочется поболтать со старой подругой, я всегда на связи».

Вот так. Небольшой намек на дружбу в прошлом и приглашение к общению. Можно отправлять.

Уже так поздно! Спина затекла от долгого сидения, из-за бессонницы гудит голова. Завтра на работу не нужно: трехдневный выездной корпоратив, от которого удачно удалось откосить. Но это не значит, что можно проваляться в постели весь день. Пора в кровать.

Из-под двери в детскую все еще дует. Желания туда войти все так же нет.

Ну и пусть. Свежий воздух никому еще не вредил. Никто ведь не простудится. Некому простужаться.

Глава 26

За стеной снова заиграли. Воображение подсовывает привычную картинку: хрупкую девчонку на пианинном крутящемся стуле, но стоп, ее же не существует! Есть только пыхтящий в стоптанных тапках сосед. Неужели его грубые прокуренные пальцы умеют так чутко, так безупречно летать по клавишам?

В сказках добрые волшебники прикидываются склочными стариками и вредными старухами. Отвратительная внешность – непревзойденная маскировка чудесной и хрупкой души. Кем бы ни был этот таинственный пианист, свое дело он знает. И умело пользуется магическим свойством, которое есть у музыки.

Успокаивать, радовать, вдохновлять – на это способны все виды искусств. Но лишь музыка по-особому дружит со временем. Только она способна в одно мгновение переместить зачарованного слушателя в прошлое.

Мелодия набирает обороты, и вот реальность распадается, веки опускаются, и вместо родных кухонных стен вокруг шумят тополя и воркуют голуби.

Стояло раннее утро, до работы столько всего хотелось успеть! Очереди не было, и приветливо распахнулась дверь в солнечный кабинет. Медсестра ловко сняла замеры и внесла цифры в карточку. Разулыбалась: все прибавки точно по

плану. Эталонная беременность.

– УЗИ? – пригласила она.

Как же величаво шагается по коридору, как благоговейно ощущается собственное пузо! Хотя какое там пузо, живота почти не видно, но важности от этого не убавляется. Будущая мать идет! Всем встать и громко восхищаться!

Наверно, надо испытывать благодарность – к богу или хотя бы своему здоровому организму, который не подвел и всем необходимым оснастил растущую под сердцем жизнь. Но благодарности нет, есть лишь гордость за образцовые показатели и ободряюще стабильные анализы.

Три месяца – немалый срок, чтобы привыкнуть к хорошему. Привыкнуть к удовлетворенным кивкам докторов и беззаботным прибауткам медсестер. Три хороших месяца вселяют уверенность, что все и дальше будет хорошо.

И тем холоднее от нахмуренных бровей врача и его внезапной суровости. Секунду назад он шутил и травил анекдоты, а теперь недовольно водит холодной трубкой по теплomu животу и молча вглядывается в монитор. Увы, УЗИ показало трагедию.

Эталонная беременность отменилась.

Как жить, когда мир разбился вдребезги?

Бабушка любила пословицу про то, как самый лучший клей не вернет красоту разбитой чаше. Интересно, что бы она сказала, глядя на осколки целой жизни?

Горе похоже на туман. Застилает все вокруг, глушит краски и звуки, и в этой оглушительной бесцветной тишине горюющий остается совсем один. Делиться печалью – иллюзия, ведь плакать вдвоем – как спать в одной кровати. Подушка одна, а сны разные.

Горе отрывает от земли. Все материальное являет свою низменную суть. Сквозь призму боли отчетливо видится суета и ничтожность привычной жизни.

Горе возвышает. Попавший в его лапы бедолага стоит на мрачном Эвересте своей печали и с высоты обзревает бескрайние пейзажи чужого мирного житья-бытья. Там, на вершине, темно и холодно, но невозможно спуститься, невозможно вернуться в беспечный муравейник, рассеянно наблюдая за тем, как день ото дня тает не только боль, но и само воспоминание о ней. Немыслимо представить, что горе пройдет: это кажется предательством. А потому горюющий отшельник продолжает стоять на ледяной скале, с извращенным наслаждением упиваясь тем, как застывают на ветру его горькие слезы.

Но все кончается, и Эверест однажды пустеет. Только холод его настолько велик, что в сердце навсегда остается замерзший, никогда не оттаивающий закоулок.

Глава 27

Эмма зовет пообедать.

– Ну составь мне компанию, а? – ноет она в трубку. – Сегодня ужасно напряженный день, мне просто необходим глоток свежего воздуха! Вечером выступать на конференции, с утра провалили переговоры, нужны позитивные эмоции! Поговорим о чем-нибудь отвлеченном, прогуляемся, кофейку в парке попьем.

Звучит заманчиво, приходится собираться.

Эмма работает в пафосном бизнес-центре. На тридцать пятом этаже – огромный холл с бесконечным зеркальным полом и стойкой ресепшн где-то далеко в центре зала. Панорамные окна открывают вид на Москву-реку, купола Христа Спасителя и все те столичные достопримечательности, благодаря которым арендодатель имеет от сорока тысяч рублей за квадратный метр.

Напротив лифта – дверь на зарешеченный балкон. Открыта, вот удача! Двадцать три шага с оглушительным цокотом от каблучков (треклятый пол!), и вот она, Москва, дует в лицо прохладой, свистит ветром в ушах. Городской шум – смесь автомобильных гудков и трамвайного звона, музыки ресторанов и гула метро, миллиона голосов и миллиарда шагов – на такой высоте превращается в настоящую симфонию. Приходит мысль: вот так нас слышат ангелы. И как тут различить

одиночный слабый стон о помощи? Как расслышать каждого, кто сетует на жизнь, молится, просит, благодарит?

– Мам, смотри, как высоко! А я не упаду?

Дрожь сотрясает тело: странно, невозможно, нереально вот так близко услышать голос, всегда звучащий только в голове. Обернуться, скорее!

Нет, конечно нет, это не любимая малышка, какая-то другая девочка, изумленно распахнув глаза и растопырив руки, вцепилась в косяк балконной двери и с жадным любопытством рассматривает город далеко внизу. Но на ненадежную площадку выйти не решается. А из темноты холла к ней уже спешит, тоже неимоверно цокая, мама.

– Дана, отойди оттуда, я кому сказала! Иди ко мне быстро!

Девочка нехотя отлипает от проема, делает шаг назад, все еще бегая напоследок взглядом по бескрайним крышам, дорогам, деревьям, а затем разворачивается и с топотом спешит к маме. Невнятно, но уже миролюбиво укоряя, женщина подхватывает дочку за руку и уводит к лифту.

– Мама, а я не упаду? Смотри, я могу просунуть в решетку всю ногу! А вдруг я потеряю ботинок, что с ним будет?

– Его подхватит ласточка – во-о-он та, видишь? – и унесет к себе в гнездо. Маленькие ласточкины дочки и сыночки устроят в твоём ботинке домик. И осенью отправятся в нем на юг, но не полетят, как все птицы, а поплывут по реке. Вот все им будут завидовать!

Наполеоновские ласточкины планы прерывает знакомый

ГОЛОС.

– Привет, прости, что задержалась. Давно ждешь? – Эмма излучает энергию и бодрость. И этому человеку недостает позитивных эмоций?

Прощальный взгляд на город с высоты: надо торопиться, чтобы втиснуть обед, кофе и прогулку в короткий перерыв.

Глава 28

Эмма сетует на занятость. В насыщенном рабочем расписании нет ни минуты на отдых. Но ее жалобы отдают хвостовством. Переговоры с компаниями, названия которых мелькают на билбордах и в телеке, командировки в Европу и Эмираты, заседания советов директоров. Звучит солидно.

Эмме нравится такая жизнь. Удивительный факт: несмотря на гиперзагрузку, в ее голове остается место для планов о перестройке детской комнаты. Силы неравны, но этот последний рубеж нужно отстоять. Разве можно так просто разрушить последнее место на земле, где материнское счастье еще возможно?

– Ты только выбери, во что мы ее превратим, – наседает Эмма. – Можно устроить уютную гостиную или, может, мастерскую. Тебе нужна мастерская? Подумай, вдруг ты всегда мечтала писать маслом или там, не знаю, мыло варить? Нет? Жаль. Тогда сделаем кабинет. Представь: книжные полки до потолка, фикусы в кадках, кресло-качалка и дубовый письменный стол.

Да делай уж сразу склеп. Все равно в ту комнату – ни ногой.

– Придумала! – подсказывает Эмма. – Спортзал! Гениальная идея! Зеркальные стены, пара тренажеров, много воздуха и плазма, чтобы крутить видеоуроки или всякие мотиви-

рующие ролики.

Или новости про то, как власти закручивают гайки фонду «Эпилог».

– Так здорово получится! Я прямо вижу весь интерьер. Уже и сама захотела себе такую комнату! Ну, что скажешь? – она с надеждой заглядывает в глаза.

Не встретив ответного энтузиазма, Эмма вздыхает и просит у официанта два кофе с собой.

– В общем, подумай, Леся, – подытоживает она. – С детской тебе все равно придется распрощаться. Негоже жить рядом со всеми этими кроватками и погремушками. Мазохизм какой-то, честное слово.

– Мама? – растерянно округляет глазки. – А где же будут жить все мои игрушки?

Эмма сбавляет шаг, отпивает из стакана, поднимает лицо к солнцу.

– Как же хорошо летом! – улыбается она. – Люблю этот сквер. Свежо, спокойно. Спасибо тебе, что вытащила меня на прогулку.

Еще кто кого вытащил.

А сквер и вправду хорош. От главной аллеи разбегаются неухоженные тропки: из трещин старого асфальта пробиваются лопухи, над клевером порхают капустницы. Воздух полон запахов прелой травы и листьев, в самый разгар лета напоминающих о том, что осень не за горами.

Почти все скамейки в тени заняты. На первой примостил-

ся апатичный дед рядом со старомодной дамской сумочкой. Куда отошла его бабуля? Давно, надолго ли? По привычно сторбленной спине видно, что ждать свою старушку дед давно привык. Так жизнь и проходит, в ожидании суженой. А что, не самый плохой сценарий.

Вторая скамья занята целым семейством: за нагромождением роликов, бутылочек и кофточек не сразу видно женщину с младенцем. Судя по количеству вещей, отпрысков у нее три или даже четыре. Плодовитая особа. Интересно, как проходят ее вечера?

Третья лавка сломана, а на четвертой с ногами сидит парень в форме уборщика. Уставившись в телефон, он ритмично кивает головой – один из наушников болтается на груди и сочится писклявой музыкой. К скамье прислонен самокат, на земле валяется метла. Вот они какие, современные столичные дворники.

– Давай там? – Эмма указывает на облупленную лавку в отдалении.

Садится, аккуратно ставит кофейный стаканчик на кривую перекладину. Закидывает ногу на ногу и закуривает.

– Ты, наверно, уже устала от моих инициатив, но я все равно скажу, – она косит глазом и немного щурится от табачного дыма. – Ремонт мы у тебя сделаем, ты уж прости. Эти мысли высасывают из тебя всю жизнь. Я говорю о бесконечных рассуждениях, как все могло бы быть, если бы ребенок родился, каким бы он был, как бы он рос...

Почему «он», когда «она»? Это же девочка, дочка. Вон она, присела на корточки и копошится в траве. Наблюдает за божьей коровкой или, может, нашла еще что-то любопытное.

– К психологу ты не ходишь, Никиту своего прогнала, – Эмма загибает пальцы. – Помочь тебе некому, а сама ты не справляешься. Сколько времени уже прошло? А ты все в трауре. Жизнь проходит мимо. Прости, подруга, но я просто обязана вмешаться.

К чему столько слов, если с перестройкой детской все уже решено? Неужели Эмму мучает совесть, и она пытается найти одобрение?

– Мама, – в кудряшках застрял сухой листок. – А где я теперь буду спать? С тобой?

– Словом, ремонту быть, и точка, – Эмма метко бросает окурок в урну и поднимается.

Перерыв окончен, Эммина батарея снова заряжена на сто процентов.

– А ты можешь взять отпуск и махнуть к морю недельки на две. Мы как раз управимся. Я понимаю, в депрессии сложно заставить себя что-то делать. Готова помочь. Хочешь, подыщу тебе хороший тур?

Эммина энергия бьет через край и затапливает все вокруг. Поднимается выше и выше, уже подобралась к губам, становится трудно дышать. Еще чуть-чуть, и случится невероятное: утопленник в городском сквере. Надо срочно переключить внимание подруги. Придется рассказать о письме Ко-

стомаровой.

– Так ты написала Аньке? Вот молодец! – ликует Эмма. – Интуиция подсказывает мне, что это важный шаг! Пока не знаю почему, но твое общение с Костомаровой – дело правильное. Может, оно тебя исцелит. А может, фонду на пользу пойдет. Словом, умница, Леся! Я и не ожидала, что ты меня слушаешь.

Путь до проспекта проходит в молчании. Сквер отгорожен от шумного города затейливой решеткой. У выхода – сухой тополь, облюбованный воронами. Птицы хмуро провожают взглядами прохожих, иногда поднимают крылья и открывают клювы: жарко.

Какая-то девочка – не дочка, чужая – с криком несется по дорожке, раскинув руки и, наверно, воображая себя аэропланом. Подбежав к калитке, принимается стучать палкой по железной ограде. Звон стоит просто оглушительный. Вороны недовольно каркают и снимаются с места.

– Взлетела птица, осыпались листья. Опустела засохшая ветка, – вдруг изрекает Эмма меланхоличным голосом.

И тут же хлопает ладонью по накрашенным губам: сама не ожидала от себя такой поэзии.

– Блин, да откуда это только берется во мне? – возмущается она. – Стихов в руках в жизни не держала. К лирике отношусь с усмешкой. А тут погляди: само льется!

Она прибавляет нецензурное словцо, и приходится одернуть ее, ведь рядом ребенок.

– Ты про ту хулиганку? – Эмма кивает в сторону девочки, с упоением колотящей по забору. – Да она уже небось оглохла от шума. И я сейчас оглохну. Пойдем скорее!

Да нет, не про хулиганку. Про другого ребенка: послушную воспитанную дочку, у которой злая тетя Эмма хочет отобрать кроватку, игрушки и целую жизнь.

Глава 29

Бизнес-ланчи с Эммой неожиданно перерастают в традицию. Отдушина этих недолгих встреч помогает пережить сутолоку и скуку рабочих будней. Так приятно выйти из надоевшего офиса и отправиться в тенистый сквер, пить кофе на старой лавке, болтать о том о сем.

– Недавно на работе спросили, как я отношусь к детям, – вспоминает Эмма, провожая взглядом девушку с коляской. – Я, говорю, очень радуюсь, когда их вижу! А про себя добавляю: тому, что они не мои...

Она делает паузу, чтобы можно было оценить шутку по достоинству.

– Ну что ты смеешься, я серьезно! С каждым годом все больше понимаю, как мне повезло, что бог детей не дал. Это же такая свобода! Хочу – путешествую по несколько месяцев. Хочу – карьеру строю, пока все деньги мира не заработаю и всем мужикам нос не утру. Ночные гулянки, друзья-любовники, куча времени для себя. Женщины с детьми не могут себе позволить даже такую мелочь, как тупо проваляться целый выходной в пижаме за телеком! Чтобы куда-нибудь сплавить детей, нужно подготовительную работу провести – мама не горюй! Не у всех ведь есть бабушки, готовые посвятить себя внукам. Вот возьми моих родителей: то у них лыжи, то квесты, то круизы Средиземноморские. Я

их месяцами не вижу, только фотки с Бали и Алтая в Инстаграме лайкаю! Да ты мою матушку сама знаешь. Разве можно такую женщину заставлять с внуками сидеть? Честно сказать, как дочь я к матери много претензий имею, как, наверное, и большинство людей. Но как женщиной я ею восхищаюсь. Вот бы и мне такой в ее годы быть!

Может, Эмма и права. У любой монеты есть «орел» и «решка». И материнство имеет две стороны. Простую и сложную. Светлую и темную. Не родилась долгожданная дочка – зато можно на работе задерживаться до глубокой ночи и телевизор круглые сутки смотреть. Что, собственно, и происходит.

– Не знаю, может, я просто эгоистичная, – продолжает Эмма, чиркая зажигалкой. – Не досталось мне всей этой женской самоотверженности, жертвенности и терпимости. И веселому топоту детских ножек в пять утра я предпочту ленивый завтрак в полдень. Наверное, каждому свое.

Она вздыхает, достает зеркальце, подводит брови.

– Это все Катька со своими семейными ценностями. Ты ее день рождения благополучно проспала, а я такого наслушалась! Все материнские страсти прошли у меня перед глазами, от подгузников с растяжками до цен на освобождение от армии. Сижу я, киваю, попиваю коктейльчик и тихо радуюсь, что всего этого в моей жизни нет.

Нельзя не согласиться: под таким углом зрения материнство, действительно, выглядит невесело. Может, и вправду

все к лучшему, горечь потери пройдет, и откроются бескрайние горизонты новой свободной жизни?

– Мамочка, смотри, я бабочку поймала! – ликует родной голосок, и волна боли, одиночества и безысходности мгновенно сносит оптимистичную картинку будущего, которое никогда не наступит.

Сначала это вызывало смех: Эмма до сих пор скрывала от мамы, что курит.

– Тебе за тридцать, была замужем, крутая шишка, живешь отдельно. Может, пора признаться?

– А зачем? – спрашивала она, выпуская дым в небо.

– Чтобы не прятаться. Не терпеть никотиновую ломку, когда мама у тебя в гостях. Не проветривать отчаянно квартиру перед ее визитом.

– И так нормально, – отмахивалась та.

Сперва казалось, что всему виной строгое воспитание: настолько, что даже после тридцати страшно получить от мамы нагоняй. Или это страх разочаровать ее?

Потом появилась другая теория: может, Эмме не хотелось нервировать уже не молодую женщину. Мало ли как она отреагирует на новость, что дочь потихоньку вгоняет, а точнее, «задувает» себя в могилу.

Но однажды пришло озарение. Эмма боялась не реакции матери, а ее отсутствия. Равнодушия, которое бы раз и навсегда расставило точки над «й» и показало, что ребенок для

мамы давно вырос. Что нет и никогда больше не будет скучных родительских проповедей. Что не трепещет больше мамино сердце за свою дочь. Потому что дочь давно выросла, детство давно кончилось – настолько давно, чтоб даже мать позабыла, каково это, воспитывать, вмешиваться и поучать.

Навстречу медленно едет пустая коляска, как будто сама по себе. А нет, не сама: сзади ее толкает сосредоточенный малыш. Вдруг он останавливается, морщит нос и начинает громко плакать. Подбегает мать, чтобы вытереть сопли и выяснить, что за беда стряслась. Несмотря на ее старания, плач переходит в безутешный рев.

Эмма отворачивается и начинает хихикать.

– Ничего не могу с собой поделаться, – прикрывая лицо рукой, оправдывается она. – Детские слезы всегда меня смешат. Они такие искренние и при этом такие глупые! Только ребенок может самозабвенно рыдать из-за сущего пустяка. Он полностью отдается своему горю, выводит все эти «а-а-а» и «о-о-о», страдает на полную катушку, а отстрадав, уже в следующую секунду облегченно хохочет и бежит за голубем. Посмотри сама!

И вправду, малыш отрыдал и напрочь забыл свои печали. Он снова неуклюже толкает коляску, бодро мыча себе под нос.

– Вот бы и нам проживать жизнь такой, какая она есть, – вздыхает Эмма. – Грустно? Ори от всего сердца, так, чтобы

ничего не осталось, и плевать, что подумают другие! Весело? Беги навстречу ветру, смейся, танцуй! Но нет, мы все друг друга стесняемся, корчим из себя кого-то другого: более сильного, холодного, отстраненного. Держим эмоции в кулаке, обманываясь обещаниями отпустить себя на волю когда-нибудь потом: у психотерапевта, в отпуске, на пенсии, на том свете... И в итоге становимся вон как тот мужик.

Она кивает на сгорбленную фигуру у витрины булочной. Мужчина в темном костюме замер перед кренделями и пирожными, развешанными в сказочных декорациях: волшебный замок, миниатюрная карета с изящными лошадьми, куколка-принцесса и радуга, льющаяся из картонных облаков. На что он смотрит, что видит? Вспоминает себя мальчишкой, представляет, в какой восторг пришел бы, увидев это великолепие пятьдесят лет назад? Или вглядывается в свое отражение – зажатый, грустный, почти добитый жизнью дядька на фоне безмятежной слобной роскоши?

– Мама, можно мне пряник, вон тот, в виде зайца?

– Если будешь себя хорошо вести, то куплю.

– Я буду, честно-честно! – и прижимает клятвенно руки к груди.

Разве можно отказать? Придется зайти.

– Ну какой пряник, Лесь? Уже пора на работу возвращаться. – Эмма раздраженно смотрит на часы. – Ладно, минут пять у нас есть, успеешь?

Глава 30

– Эти шокирующие откровения появились в сети сегодня утром. Подопечная благотворительного фонда «Эпилог» раскрывает изнанку деятельности всем известной и до сегодняшнего дня уважаемой организации.

Ведущая делает тревожное лицо, и запускается ролик.

Декорации скудны: кафельные стены и облезлый стол, на который навалилась небрежно одетая женщина. Волосы спадают на лицо, голос сипловатый, речь нестройная.

– Расскажите, как вы попали в фонд «Эпилог», – подсказывает закулисный голос.

– Да Пашка, сосед мой, меня подбил, – сбивчиво объясняет героиня. – Я, говорит, эти хари видел своими глазами. Все одеты-обуты, жильё свое есть, а в фонде отсиживаются, несчастных из себя корчат. Они, говорит, там на всем готовеньком живут, а потом еще и хату получают. Вот мы и подумали: я что, хуже, что ли? Это благотворительная организация, пусть и мне поможет.

В слове «организация» она проглатывает половину букв.

– То есть вы решили стать подопечной фонда, чтобы иметь место в общежитии, полное содержание и возможность получить льготное жильё. Верно?

– Ага. У меня сложная ситуация, мне помощь нужна.

«Ситуация» звучит как «сит-ащья».

– Вы знали, что фонд оказывает поддержку женщинам, которые потеряли ребенка до или сразу после родов?

– Недомамашам, ага. Знаю.

– Но вы на тот момент не были беременны? – уточняет репортер.

– Не-а, беременной не была, в том-то и загвоздка. Они только по справке из больницы брали. Либо сразу после аборта, либо с направлением. Это мне Пашка объяснил, он в консультации работает.

«Консультация» лишается нескольких согласных.

– И что вы сделали?

Женщина матерится и отворачивается от камеры. На подмогу приходит ведущая:

– А сделано было вот что: женщина забеременела, встала на учет в районной поликлинике, а спустя четырнадцать недель в домашних условиях был произведен незаконный аборт. Далее за две тысячи рублей были подделаны медицинские документы, из которых следовало, что прерывание беременности произошло в городской больнице по медицинским показаниям. Таким образом был сфабрикован пакет документов, по которым женщину взяли под опеку фонда «Эпилог». Ей выделили место в комфортабельном общежитии с питанием и уходом, выдали так называемый «стартовый пакет для нуждающихся», в который входит одежда, белье, туалетные принадлежности, мобильный телефон, косметика. Также были оказаны дорогостоящие реабилитаци-

онные услуги: врачебная помощь, физиологические и релаксационные процедуры. Сотрудники фонда уточнили материальное положение новой подопечной, а оно, как вы понимаете, оставляет желать лучшего, после чего поставили женщину в очередь на получение дачного участка.

– Одежда на вас – та, что вам подарили в фонде? – снова пытается невидимый репортер.

– Не, те шмотки я сразу продала. И телефон с косметикой тоже. Больше семи тысяч вышло!

«Тысяч», разумеется, звучит как «тыщ».

– Итого, вы заплатили две тысячи рублей за поддельные документы, еще какую-то сумму за незаконный аборт...

– Да какую там сумму! – машет рукой героиня. – Бесплатно сделали. Там делов-то пять минут!

– Две тысячи рублей за документы, – продолжает голос после секундной запинки, – а выручили семь тысяч с продажи полученных в фонде вещей. Так?

– Получается, что так.

– Но целью всей аферы был дачный участок, верно? Вы ведь планировали воспользоваться бесплатным жильем и услугами фонда, а затем перебраться в дачный поселок?

– Я, между прочим, не бомж! – вдруг гордо приосанивается женщина. – У меня квартира есть!

– Конечно, есть, – подтверждает голос. – Женщин без определенного места жительства фонд под опеку не берет, передает в другую организацию. Как раз для того, чтобы не

привлекать нахлебников и бездомных. Но тогда каков же был ваш план?

– Так дачку продать. Ну и пожить нормально, чтоб ухаживали за мной, заботились. Квартира у меня, конечно, есть, но там народу живет тьма! И жрать нечего.

– Зато выпить, наверное, всегда найдется, да? – подначивает голос.

– Выпить найдется, да, – задумчиво кивает женщина, но тут же спохватывается: – Но я с тех пор как залетела – ни-ни! Ни грамма не употребляла.

– И что же вас останавливало?

– Как это что? Беременным же нельзя!

– Разумеется, – вступает ведущая, – ограничение на употребление алкоголя обусловлено не беременностью, а простым расчетом. Медики «Эпилога» тщательно обследуют женщин на наличие алкоголя и наркотиков в крови. Обнаружение в анализах запрещенных веществ является причиной для отказа в опеке. Однако возникает вопрос: почему врачебный осмотр не выявил следов преступного аборта? По понятным причинам мы не можем рассказать в эфире о способе, который использовала героиня нашего репортажа для прерывания беременности, но, поверьте, любой доктор понял бы, что в данном случае речь идет о незаконной операции в домашних условиях. Так почему же этого не произошло?

В кадре снова героиня интервью:

– При поступлении в фонд вас осматривал доктор?

– Анализы брали, и осмотр был.

– Неужели во время осмотра у врача не возникло сомнений в том, что вам проводили операцию в стационаре?

– Меня ни о чем не спрашивали. Пашка сказал, что все уладит. Мне надо было только молчать и грустно в окно смотреть. И плакать иногда.

– И как, плакали?

– Плакала, что ж не плакать. Как про всех этих детишек подумаю, так слезы ручьем и льются! – слезливо тянет женщина.

– Вы сказали, что Пашка все уладит, – прерывает ее репортер. – Наверное, вы не первая, кого он привел в фонд?

– Почему я знаю, – пожимает она плечами. – Мне Пашка не докладывается. Сказал, что дело верное и он все берет на себя. Что буду жить как у Христа за пазухой, а когда дачку дадут, Пашка ее продать поможет и половину себе возьмет. Вот и весь уговор.

На экране появляются парни в форме и грустный мужчина средних лет. Ведущая за кадром поясняет:

– Знакомьтесь: Павел Морошенко, тот самый Пашка, который вовлек в преступный сговор уже пять женщин, помог им подделать справки и пройти медосмотр, чтобы стать подопечными фонда «Эпилог». Морошенко действительно служит в городской женской консультации, а также безвозмездно, на добровольных началах оказывает медицинскую

помощь в фонде. Из-за действий этого врача-волонтера пять женщин произвели незаконные, опасные для жизни, аморальные аборт, которые в данном контексте иначе, как убийством, не назовешь.

В этот вечер интернет похож на бурлящее болото с жирными змеями. Если бы слова имели запах, от монитора разило бы невыносимым зловонием. Если бы злые реплики источали яд, можно было бы скончаться от простого перехода по ссылке. В этот вечер у каждого нашлось свое драгоценное мнение, которым невозможно не поделиться в соцсетях.

«Падлы, продажные твари! Я так и знал! Вся эта благотворительность только прикрытие для наживы и обмана!»

«Костомарова святошей прикидывается, а сама на откатах сидит! Так мы и поверили, что они квартиры и дачи бесплатно раздают. Вся недвижимость поделена между своими, а эти несчастные пациентки просто для прикрытия!»

«Теперь понятно, почему мне «Эпилог» отказал в поддержке. Сказали, вы аборт по собственному решению сделали, а не по медицинским показаниям, поэтому не подходите. Я и поверила. А на самом-то деле они никого с улицы не берут, все по блату!»

«Я тоже негодую на беспредел в «Эпилоге», но с аборт по собственному решению они и вправду взять вас не могли».

«Ну и что, что по решению? На меня родственники надавили! Свекровь сказала, в доме места для младенца нет, или аборт, или домой не приходи. Муж поддержал! Что было делать? Ребеночка своего сама убила, это же пострашнее, чем болезнь и необходимость. Как я терзалась из-за этого, врагу не пожелаешь!»

«С ума сойти! Проект, задуманный как попытка пережить детскую смерть, эти смерти наоборот приумножил! Морошенко, конечно, гаденьши, но его «пациентки» похлеще будут! Это ж надо: специально залететь, проходить беременной несколько недель, потом вывести ребенка... Просто средневековье!»

«Они, говорят, какими-то адовыми способами это делали. Тупые бабы даже не думали, что могут себя покалечить или вообще помереть!»

«И на адовый способ пойдешь ради бабла. Вы посмотрите на теток, которых Морошенко выбирал, они же пропитые все и тупые, как пробки».

«Не понимаю, почему нельзя было в больнице аборт сделать?.. Зачем так себе вредить?»

«Ты что, в больнице на тебя сразу карту заведут, справки-анализы, куча документов. Это же все всплывет, когда фонд будет решать, брать или не брать бабу под свое крыло. Да и сроки у них ого-го какие были! А на больших сроках официально аборт уже не делают, если медицинских показаний нет».

«А зачем они до таких сроков дотянули?»

«Да потому что в фонд не берут, если беременность прервалась на маленьком сроке! Это типа не трагедия. Трагедия – когда срок большой, или ребенок умер при родах».

«Мне вот больше интересно, как всплыли эти махинации? В новостях не говорили. Неужели на ТВ просто пришла эта тетка и решила все рассказать?»

«Небось передрались между собой, вот и настучали. Это ж как пауки в банке. Чуть что не так, сожрут друг друга».

«Пауки друг друга не едят, а просто убивают».

«Арахновед нашелся, смотрите-ка. Тебя в Гугле забанили? Вбей «пауки в банке» и увидишь всю грацию природы своими глазами».

«Кажется, скоро по запросу «пауки в банке» Гугл будет выдавать этот чатик!»

Паучья ссора прерывается ссылкой на видеообращение замдиректора фонда «Эпилог». Оправдания выглядят настолько жалко, что лучше бы их и вовсе не было:

– Внутренняя служба безопасности фонда проверила всех сотрудников, и мы можем со всей уверенностью заявить: случай с Павлом Морошенко – единичный. Никакой коррупции в фонде нет. Подлогов, преступных сговоров, недобросовестных действий – ничего этого в «Эпилоге» не выявлено. Как всем известно, мы сотрудничаем с крупными солидными организациями, которые также провели собственное расследование и убедились в нашей чистоте и добропоряд-

дочности. Мы очень сожалеем о том, что Морошенко удалось скомпрометировать нас в глазах общественности, но по большому счету ничего страшного не произошло. На подопечных, приведенных Морошенко, потрачено минимальное количество средств. Убытки фонда и спонсоров незначительны.

– Но как же сами женщины? – раздается робкий вопрос откуда-то из-за кадра.

– Ах да, еще эти женщины, – брезгливо повторяет замдир. – Их, несомненно, можно считать жертвами обмана. Морошенко пообещал им денег от продажи дачи и воспользовался их... хм-м-м... низким уровнем осведомленности о... как бы поточнее...

Она сбивается и досадливо морщится.

– Я считаю, – продолжает она, – что из-за необразованности и несознательности такие женщины обречены на обман и манипуляции со стороны мошенников. Не Павел, так кто-то другой воспользовался бы ими в своих махинациях. Наверняка запланированные сделки по продаже дач были бы проведены таким образом, что женщинам не досталось бы ни копейки. Конечно, мне очень жаль, что из-за деятельности нашего сотрудника – уточню, бывшего сотрудника, были совершены лишние аборт. Но есть и другая сторона. Помните фразу «как залетела – ни-ни»? Девушки бросали алкоголь и наркотики, пусть на время, пусть из меркантильных соображений, но все же бросали! Косвенно, но это тоже можно

считать заслугой нашего фонда.

«Ничего страшного не произошло».

«Ах да, еще эти женщины...»

«Как залетела – ни-ни».

«Убытки спонсоров незначительны».

Как хищники раздирают добычу, пользователи мгновенно распотрошили речь замдира на цитаты и растащили их, гогоча и отрывая, по форумам и блогам. Попытка вернуть честь фонду с грохотом провалилась.

Глава 31

– Давай сегодня не в парк, а по бульвару пройдем, – предлагает Эмма. – На людей поглядим, сами покрасуемся.

Бульвар пестрит клумбами, по дорожкам колесят мало-летние велосипедисты. Две девчухи с хвостиками звонко пререкаются:

– Я первая приехала!

– Нет, я!

– Я!

Проигравшая быстро находит оправдание:

– А я с тобой и не соревновалась! – заявляет она и с вызовом проезжает по луже. Шины шелестят по воде и тянут за собой мокрый узорчатый след.

«Мамочка, можно мне с девочками поиграть?» – наверняка спросила бы дочка, если бы была сейчас рядом. Но сегодня она где-то прячется.

Бульвар переходит в площадь с огромным уродливым строением. Крытый рынок, кофейни, пиццерии ютятся под темными сводами этого здания, по непонятной причине вдруг ставшего одним из самых модных мест Москвы. Ко входу не протолкнуться из-за молодежи и туристов. И почему здесь всегда так много людей?

– Потому что тут можно стильно восседать на ступеньках, курить и щуриться на солнце, – поясняет подруга. – Ну и де-

лать селфи, куда ж без этого. А внутри им всем делать нечего: дорого, не по карману.

Снобистские высказывания Эммы тонут в шуме голосов и автомобильных гудков. Она хватается за руку и тянет на другую сторону улицы.

– Уф, прорвались, – выдыхает она, торопясь перейти на зеленый.

Светофор тревожно пищит – осталось пять секунд, четыре, три, предупреждает он, а потом заливается истеричным звоном: «Спешите! Спасайтесь! Бегите! Сейчас зажжется красный, я не могу это остановить!»

Эмма сворачивает в переулок, и гвалт утихает. Вдоль обочин припаркованы дорогие иномарки, под ветвистой акацией приютились два сверкающих мотоцикла. Они наклонились друг к другу, будто задремали в тенишке после долгого путешествия по залитому солнцем шоссе. Напялить бы сейчас шлем и обтягивающий мотокомбинезон, оседлать байк и рвануть в закат! Ехать так быстро, чтобы встречным ветром выдуло из головы все грустные мысли, а тоска и боль не поспели бы и остались далеко-далеко позади...

– Ты же не водишь мотоцикл, – вклинивается в мечту прозаичная Эмма. – Да если бы и водила, тебе нельзя за руль из-за лекарств, помнишь? Ты же их принимаешь, правда?

Приходится уверенно кивать, хотя, если честно, таблетки давно закончились, а за новыми идти все как-то не с руки. То аптека закрыта, то рецепт не с собой. Да и нельзя держать

такие сильные препараты в доме, где живет ребенок. А то еще исчезнет ненароком.

В переулке ни души, только впереди у ворот белоснежного особняка толпится пара десятков человек. Белеют на солнце транспаранты, слышны вялые выкрики. Пикет.

– Ба, да это никак против «Эпилога»! – оживляется Эмма, вытягивая шею и прибавляя шаг. – В том доме расположения администрация фонда, ты разве не знала? А ребятки, видимо, имеют что-то против нашей Анечки. Пошли скорей, выясним подробности!

Она вдохновенно мчится к демонстрантам. При появлении зрителей группа приободряется, лозунги становятся громче:

– Отказ от шаров!

– Защитим птиц!

– Сохраним природу!

У Эммы озадаченное лицо.

– Ничего не понимаю, – бормочет она и вглядывается в один из плакатов. На нем изображена толстая чайка и перечеркнутый воздушный шар.

– Экологи против акций с запуском шаров! – чеканит парень с табличкой, и к нему присоединяются остальные. – Воздушные шары – смерть для природы! Животные проглатывают фрагменты шаров и погибают в муках! Птицы запутываются в лентах от шаров и погибают в муках. Латекс засоряет мировой океан, и морские обитатели...

– Погибают в муках, мы поняли, – перебивает Эмма. – И как же реагирует «Эпилог» на ваше выступление?

– Пока никак не реагирует, – уже не так бойко отвечает парень. – Но скоро прибудет телевидение, и фонду придется пересмотреть свои губительные методы! Мы это на самотек не пустим!

– Ясно, – кивает Эмма.

– Приехали! – раздается ликующий голос. – Телевизионщики здесь! Готовность номер один!

В переулок сворачивает фургон с эмблемой телеканала. Протестанты принимаются с удвоенным усердием трясти табличками и дружно скандировать:

– Живые важнее мертвых! Живые важнее мертвых!

– Бр, ну и глупость, – ежится Эмма. – Пойдем отсюда, не хочу попасть в кадр вместе с этими чудаками.

Глава 32

Под разлапистой елкой сыро и темно. Земля покрыта сухой травой, ветви спускаются уютным шатром. Приятно пахнет хвоей.

– Мамочка, а здесь кто живет?

В кулаке зажата шишка, на мордашке предвкушение: вот-вот начнется новая сказка.

– Не знаю. Надо поискать следы.

– Какие следы? – удивленно взлетают брови.

– Следы того, кто здесь живет. Хозяина.

– И как мы их будем искать?

– Ну, для начала надо осмотреться и найти подсказки.

Деловито проходит к стволу, приближает нос к самой коре.

– Тут муравьи!

Бегут себе в две шеренги, одна вверх, другая вниз, и плевать им на наблюдателей, будь то усталая от жизни тетка или несуществующая девочка.

– Значит, здесь живут муравьи.

– Не-е-ет, – мотает головой. – Муравьи живут на дереве.

А кто же живет под деревом?

– Тогда продолжаем поиски.

Эмма опаздывает. Телефонные переговоры с Тель-Авивом или что-то подобное.

– Может, здесь живет медведь? – предполагает она.

– Медведь сюда не влезет.

– Тогда мышка?

– Для мышки слишком много места.

– Нутрия?

«Нутрия»?!. Разве она знает это слово? Кажется, нутрий еще не проходили.

А, понятно: сегодня на работе коллеги обсуждали шубы. Отсюда и нутрия всплыла.

– Лесь, очнись, – трясет за плечо Эмма. – Что ты уставилась под елку, как замороженная? Увидела что-то интересное?

Интересное? Да там целый подъялочный мир! Но Эмме его не увидеть.

– Знакомься, это Татьяна, моя знакомая. Сегодня вместе погуляем, ты же не против?

Итак, она звалась Татьяной. Белоснежная рубашка, узкие джинсы и сумка с меховой подвеской. Нутрия?

– Мне показалось, вы что-то шептали, глядя под эту елку, – вкрадчиво говорит Татьяна, и все становится на свои места.

Подобными голосами говорят психотерапевты, когда чувствуют дичь. Вот это предательство! Эмма притащила с собой врача, да еще инкогнито! Совсем за дуру держат?!

Так, спокойно. Если близкая подруга пошла на такие меры, значит, у нее были на то причины. Неразобранная дет-

ская комната? Или что-то другое? Но что? Неужели проблемы настолько глобальны, что заметны со стороны? Может, рано посылать эту психотерапевшу на три веселых буквы?

Пока тревожные мысли проносятся в голове, Эмма подливает масла в огонь:

– С Лесей это бывает, да, Лесь? Бормочет что-то себе под нос и смотрит в никуда. Признавайся, подруга, ты там призраков видишь или с параллельными мирами общаешься?

Ха, да параллельные миры ближе, чем тебе кажется. Но об этом лучше не говорить. Может, продемонстрировать негодование и уйти? Самый безопасный вариант. И доктор ничего не успеет понять. А то так отправишься пообедать, а обнаружишь себя в психушке.

– Лесь, ну постой! Не уходи! – кидается вслед Эмма, догоняет и хватается за рукав.

Похоже, без боя не отпустят.

– Дай мне объясниться! – умоляет иуда. – Лесь, я обеспокоена твоим состоянием. Невооруженным глазом видно, что с тобой что-то не так! Ты иногда заговариваешься, отвечаешь невпопад. Как будто у тебя в голове помимо нашего разговора идет еще один, с кем-то другим... Как будто с ребенком.

Вот же незадача. Оказывается, внутренний диалог прорывается наружу. Интересно, на работе это тоже сказывается?

Так вот что имела в виду мама, когда приехала поддержать после развода, но не прошло и недели, как собрала вещи,

обозвала «странной» и отчалила! Дочка уже тогда была рядом. И так уютно, так легко жилось в этом мирке для двоих, что мамины претензии остались практически незамеченными. Говорите все, что угодно, только не мешайте предаваться спасительным грезам.

Она, кстати, тоже постоянно зудела о ремонте в детской. Предлагала там домашний офис устроить. Не на ту напала! Между колыбелькой и принтером любая нормальная женщина без размышлений выберет первое.

Вот бы и Эмма тоже просто ушла!

Но она, похоже, сдаваться не намерена. Еще и тяжелую артиллерию притащила. В лице врача.

– Я понимаю ваши чувства сейчас, – вступает Татьяна, и меховой брелок согласно покачивается у нее под рукой. – Вы растеряны и обижены, вам кажется, что близкий человек предал вас, загнал в угол и пытается навязать вам модель поведения или, если хотите, способ жизни, который считается более правильным, чем ваш.

Эк закрутила. Брелок более убедителен, чем ее мешанина слов.

– Но мы не собираемся вас ломать, менять или лечить, – продолжает психотерапевт. – Мы просто даем вам возможность выпустить то, что у вас внутри. Открыться. Можно обсудить все, что вы посчитаете нужным, и мы не будем лезть туда, куда вы не готовы заглянуть.

Ага, заливай. Вечная песнь душеведов. А на деле, только

волю дай, вскроют череп и начнут сладострастно ковыряться в самом больном.

– Может, поступок Эммы вам видится нечестным, но позвольте мне объяснить нашу логику. Эмма встревожена вашим состоянием, – Эмма согласно трясет головой, все еще не отпуская рукав. – Но она не специалист, и определить патологию не способна. Поэтому ваша подруга попросила меня присутствовать на вашей встрече в неформальной обстановке и просто понаблюдать за вами, чтобы сделать вывод, нужна ли вам профессиональная помощь. Поверьте, мы бы ничего не стали предпринимать исподтишка. В случае выявления проблем мы бы просто посоветовали вам обратиться ко мне или любому другому психотерапевту.

Что-то не верится сладким речам: вместо того, чтобы «просто понаблюдать», Татьяна с ходу ринулась задавать вопросы и пытаться подловить. «Вы что-то говорили, глядя на елку?.. Позвольте диагностировать вам шизофрению и отправить на принудительное лечение!» Подумаешь, Шерлок Холмс. Мало ли ситуаций, в которых человек может бубнить себе под нос? Репетиция речи, сочинение стихов, молитва, в конце-то концов!

Словом, психо-Татьяна не убедила. Ее визитка отправляется в карман, чтобы кануть в недрах ближайшей урны.

А вот с Эммой надо быть осторожней. Что еще она выкинет? Вдруг на следующую прогулку приведет с собой бригаду санитаров?

Татьяна с позором уходит, Эмма нервно закуривает.

– Фу, подруга, как-то сложно все получилось, – выдыхает она. – Не ожидала я, что ты ее так быстро раскусишь! С первой же реплики, вот это прозорливость!

Эмма замолкает. О чем она думает? Не о том ли, что все психи отличаются повышенной смекалкой, подозрительностью и изворотливостью?

– Ты ведь ей не позвонишь, – полувопросительно произносит она. – Ладно, я хоть попыталась. Но сама задумайся, Лесь: если твои странности заметила я, заметят и другие! Хотя бы не отрицай свои проблемы, не прячь голову в песок! Не хочешь психолога, обратись в «Эпилог». Слышала же, что там недавно вскрылось? Помогают кому попало, недотепы. А те, кто действительно в беде, остаются без поддержки. Я про тебя говорю, Лесь. Это ты в беде. Сходи к ним. Поговори хоть с кем-нибудь, а то совсем ведь свихнешься!

Она в сердцах бросает окурок на землю и смотрит на вьющийся дымок. Затем брезгливо морщится, вытаскивает из сумки салфетку, подбирает бычок и выкидывает в урну.

– Не люблю сорить, – поясняет она. – Мне пора возвращаться, скоро совещание. Извини, что мы так опоздали, это все из-за Татьяны. Пошли?

Пахучая елка остается позади – вместе с равнодушными муравьями и неустановленным хозяином. Могучие липы тянут ветки над дорогой, и на одной из них сидит парочка голубей.

Надо же, голуби на дереве! А в интернете писали, что они на ветках не сидят...

– Пойдем быстрее, – просит Эмма, – не хочу перед совещанием отмываться от помета. Эти тупые птицы гадят, как дышат!

Впереди идущий дядька издает мощное «харк» и высмаркивается на тротуар.

Глава 33

На первое письмо Костомарова так и не ответила. Наверное, завалили ее, бедняжку, допросами и разбирательствами по делу Морошенко. На фоне этой новости предыдущие неприятности кажутся сущей ерундой. Ну, не разрешают в парке собираться, ну, мальчишки обстреляли шарики, – мелочи жизни! Зато коррупция и махинации с недвижимостью – это серьезно. За такое спонсоры по голове не погладят. Эх, Морошенко, поганая овца в стае, очернил великий проект, да так, что теперь и не отмоешься.

Пальцы сами стучат по клавишам:

«Аня, помни: тех, кто на твоей стороне, больше, чем недругов! Мы не дадим закрыть фонд, не позволим загубить твоё детище! Пусть идут суды, пусть уходят спонсоры – не бойся. Поддержка найдется всегда. Ведь правильное дело всегда найдет себе дорогу!»

Патетика так и прет, с ума сойти. Эмма со своей спонтанной поэзией была бы в восторге.

Порыв иссякает, сообщение отправлено. Глаза пробегают по только что написанным строкам. Ощущение, будто сочинил их кто-то другой. И что это за обещания «мы не дадим закрыть фонд»? Кто вообще эти «мы»?

Кажется, последние три бокала вина были лишними. А завтра на работу. Надо принять лекарство и на боковую.

Интересно, эти таблетки с алкоголем действуют?

Данную задачу решить просто. Если подружка приводит с собой психиатра, то вероятно, таблетки с алкоголем не действуют.

Глава 34

День не задался. Эмма на ланч не зовет, начальство до-
нимает нелепыми придирками. Но главная печаль – куда-то
исчезла дочка.

Каждое утро, стоит открыть глаза – она тут как тут: «Доб-
рое утро, мамочка!» И утро действительно ненадолго стано-
вится добрым.

Но не сегодня. Хмурое небо, злые люди в метро, слишком
горький кофе. Голова гудит после вчерашнего. И всепогло-
щающая пустота в душе.

Может, это все проделки психо-Татьяны? Коротким мо-
нологом отпугнула дочку, и та исчезла навсегда? Что это, ис-
целение от галлюцинаций или, наоборот, закупоривание по-
следней лазейки в счастье? Вот позвонить бы этой Татьяне и
предъявить... Что? Верните воображаемую дочь? Смешно.

Кстати, визитка до сих пор в кармане. Вот она. Отлич-
но складывается в кораблик. Золоченые буквы идут как раз
вдоль борта, а декоративная рамка по ватерлинии. С та-
ким корабликом грех не поиграть! Надо просто оставить его
ненадолго на столе, и малышка обязательно появится...

Но проходит десять, пятнадцать, двадцать минут. Кораб-
лик одиноко кренит бок, тоскует на безбрежных просторах
офисного стола. Ждет своего капитана, который возьмет
курс на загадочный остров под названием Стационарный Те-

лефон, а оттуда отправится к ослепительно-снежным берегам страны Стопка Листов А-четыре.

Но нет капитана. Ни юнги, ни пирата. Никого нет. Только одинокий бумажный кораблик на столе одинокой опустевшей женщины.

Мигает оповещение о письме. Сердце стучит чаще: неужели Костомарова ответила? Включается разум: а почему это так важно? Неужели сработали Эммины заседания, и подсознание возлагает на общение с Аней надежду об исцелении?

Но вопросы затмеваются радостным предвкушением. Скорей открыть, скорей прочесть!

Письмо и вправду от Костомаровой. Только какое-то странное:

«Спасибо за поддержку и готовность помочь в непростые для фонда времена! Добро пожаловать в сообщество активистов «Эпилога»! Общение с единомышленниками, информация о мероприятиях фонда, варианты помощи и многое другое – по ссылке в конце этого письма. Присоединяйтесь!»

Понятно, автоматическая рассылка. Надо же, у фонда уже появилось «сообщество активистов». Быстро состряпали! Интересно, что там?

Доступ к сообществу можно получить лишь став его участником. Придется вступить в клуб. Заявка принимается молниеносно, и открывается список тем.

«Помочь фонду материально», «Стать волонтером» – это можно пропустить.

В разделе «Последние новости» – ссылки на телерепортажи, какие-то официальные письма, разбирательства и доказательства. К чему все это? Сообщество активистов – странное место для оправданий. Здесь же и так собираются «неравнодушные». Или нет? Или в фонде делают ставку на друзей, считают, что главное – поддерживать лояльность преданных участников, а оправдываться перед врагами все равно, что метать бисер перед свиньями?

В новости углубляться не хочется. И так настроение паршивое, а у «Эпилога» что ни день, то катастрофа.

Так, что у них еще в меню?

«Истории чудес». Ну и названьице. Под чудесами подразумеваются рассказы подопечных о том, как им помог фонд, как плохо было раньше и как здорово стало теперь.

«Полгода провела в черной депрессии. Мужа, родственников, всех оттолкнула, на работу не ходила (родители присылали денег). На церемонии прощания почувствовала, как что-то прорвало! Вся эта хмарь изнутри словно вылилась! Ревела в объятиях психолога, стала посещать консультации и групповую терапию. Исцелилась за три недели! Фантастика! Полгода мучений – и такое быстрое выздоровление. Муж вернулся, работать снова начала. Подумываем о ребенке! Жалею лишь о том, что так поздно появился в моей жизни «Эпилог», ведь столько месяцев упущено!»

«Меня приютили в фонде сразу после операции. Вернуться домой просто физически не могла. Огромное спасибо девочкам, которые были рядом, ну и персоналу общежития, конечно, тоже! Столько сил и времени было в меня вложено, столько терпения и чуткости. Открыла для себя йогу – с фондом сотрудничает прекрасный инструктор! Когда приехала домой, не было боли и уныния, лишь легкая грусть по ребеночку! А я знаю, с чем сравнивать: первые две беременности закончились выкидышами, это третья и тоже неудачная...»

«Сестра притащила меня на акцию прощания, всучила шар, маркер, заставила участвовать. Помню, как стою с шариком в руках и думаю: что за бред? Я ребенка потеряла, а тут шарики? Вы серьезно? Но потом просто стала делать то же, что и все. Организатор очень чуткая, помогала, направляла. Велели ходить на терапию, я не верила, но помогло! В фонде разработана целая система специально для таких, как мы. Ничего лишнего, все проверено на практике. Работает!»

На девятой странице отзывов приходит ощущение, что в фонде работают чудесники. Всем-то они помогают, к каждому находят персональный подход. Правда, все истории простые и словно стандартные. Ни одной матери, общающейся со своим нерожденным ребенком, подумать только!..

Но чудеса вдохновляют, да так, что хочется сделать что-то в помощь фонду. Подходящий раздел тут как тут: «Вы-

ступления». Сначала показалось, что это ролики выступлений Костомаровой и других представителей «Эпилога».

Но оказалось совсем другое.

В разделе «Выступления» планируются митинги и пикеты. Судя по старым сообщениям, раньше тема называлась «Акции прощания», где можно было записаться на мероприятие. Но не так давно «Акции» переименовались в «Выступления» и заговорили на более агрессивном языке. Видимо, в столь беспокойное время у фонда есть дела поважнее, чем запускать шары к облакам. Да это и правильно: если не отстоять «Эпилог» сейчас, в будущем и акции проводить будет некому.

Раздел пестрит лозунгами и гневными высказываниями в адрес «несогласных». Вспомнилась экранизация Филипа Дика: «Убить всех других!» Как там было непонятно, кто эти другие и почему их надо убивать, так и здесь не объяснялось, кто против кого воюет.

Но война идет, в этом нет сомнений. На ближайшую субботу запланирована демонстрация в центре города, куда записалось уже почти сто человек. Представители фонда не уточняют, что именно нужно продемонстрировать, но с объяснениями народ, похоже, справляется и сам:

«Покажем, сколько друзей у «Эпилога»! Враги поймут, что мы просто так не сдадимся!»

«Не дадим фонд в обиду!»

«Не отсиживайтесь в стороне, приходите на демонстрацию! Пусть недоброжелатели увидят, как нас много!»

«Чем больше нас придет, тем выше ценность фонда в глазах властей! Приводите друзей и родственников!»

Яростные реплики перемежаются с миролюбивым обсуждением формы одежды. Большинство собирается прийти в футболках с узнаваемым принтом. Таких же, как у официантки в розовом питомнике. Шмели, ясное утро, ароматные бутоны. Как давно это было? Кажется, что в прошлой жизни.

Телефонный звонок резко прерывает сон. Пульс зашкаливает. За окном восходит солнце.

– Доброе утро, – здоровается бесполоый голос. – Я хочу записаться на прием к Волхвовой Анне Леопольдовне. Будьте любезны, проконсультируйте меня по ее сегодняшнему расписанию.

Уф, обычная ошибка. А сердце все никак не уймется, сейчас выскочит из груди. Прости за грубость, неизвестный абонент. Впредь будешь внимательней набирать номер, звоня волхвам в субботу в шесть утра.

В последнее время любая мелочь вызывает стресс. Вот и сейчас из-за нелепой случайности сон сбит, и день насмарку. Придется вставать, идти на кухню, ставить чайник и придумывать, чем занять этот пустой никчемный выходной.

Из детской все так же тянет сквозняком. Была б сейчас зима, под окном намело бы солидный сугроб. Можно было

бы кататься на санках прямо в комнате!

Но на дворе лето, и форточку все же придется прикрыть.

Там так тихо. На окне колышется штора, с улицы доносятся чирикание воробьев и шарканье метлы. Годы идут, город меняется, технологии захватывают мир, но звуки раннего летнего утра остаются теми же, что тридцать, а может и сто лет назад. Как будто бессмертный дворник все метет и метет родной двор своей вечной метлой.

Уличный шум лишь усиливает тишину квартиры. Только чайник кипит за стеной. В этой глубокой тишине сложно думать, она будто заполняет голову, замораживает мысли, и они замирают ледяными фигурами: дотронься, и разлетятся на тысячу сверкающих осколков.

Крепкий чай бодрит. Во рту невкусно, пора завязывать с вином. Ложиться пораньше, перейти на здоровое питание. Гулять по утрам, когда воздух свеж, и город чист... А почему бы не начать прямо сейчас?

В восемь утра городской парк выглядит уставшим. Вчера была пятница, и всю ночь на газонах и скамейках гудели веселые компании. С рассветом последние пьянчуги разбрелись по домам, и сейчас парк тяжело вздыхает, ворочается в утренней дреме. Над прудом сонно кружат чайки, мамочки тихо дежурят над колясками, и собачники со своими питомцами сидят на траве, медитативно созерцая водную гладь. Молчаливо застыли фигуры рыбаков. Убаюкивающе шелестит листвою ветер. И даже редкие дети крутят велосипедные

педали очень тихо, словно стараясь не разрушить хрупкую солнечную тишину.

На обратном пути захотелось мороженого. На хруст обертки слетаются голуби. Переминаются, трутся неподалеку, воркуют и доверчиво косят красными глазами. На асфальт падает вафельная крошка, и стая затевает потасовку.

Прогулка окончена, а на часах только девять. Чем заняться? На ум приходит единственный вариант: посмотреть на демонстрацию «Эпилога».

Начало назначено на одиннадцать, но к десяти часам собралось уже несколько десятков человек. Люди сидят на скамейках, прохаживаются по тротуару, благожелательно переговариваются. Кто-то завтракает хот-догом и кофе. Кто-то фотографирует клумбу. Со стороны похоже на группу туристов, ожидающих экскурсовода. Отличают собрание от приезжих лишь футболки и красные воздушные шары.

Три девчонки замедляют шаг, вглядываются в лица, шепчутся.

– Флешмоб? – спрашивает одна из них у ближайшей дамы с шариком.

Та сбрасывает солнечные очки на кончик носа и обводит девчушек изучающим взглядом.

– Нет, не флешмоб, – наконец отвечает она. – Шествие.

– Народное? – хмыкает девчонка.

– Как видишь, – кивает дама и возвращает очки на место.

К одиннадцати подъезжает фургон телевизионщиков, а за ним такси. Пока съемочная группа возится с оборудованием, из такси выскакивает парень с огромной сумкой и принимается раздавать транспаранты. На безопасном расстоянии толпятся зеваки. Полиции пока не видно.

Журналистка уже что-то лепечет в микрофон, широким жестом указывая на собравшихся. Если это прямой эфир, то можно смотреть его по интернету.

Из своей бездонной сумки парень достает громкоговоритель. Издали слов не разобрать, слышно лишь неразборчивое кваканье его голоса и одобрителный гул толпы. Участники собираются в плотные ряды, над головами взвиваются шары и транспаранты. «Эпилог нужен!», «Даешь свободу Эпилогу!», «Помогать, а не притеснять!»

Медленно шагая, люди движутся вдоль улицы по заранее оговоренному маршруту.

Демонстрация началась.

– Ну прошли они по городу, и что? – возмущается кто-то лысый в вечерних новостях. – Только пробки собрали. Против чего была эта демонстрация? Что они хотели получить? Непонятно. Сегодня «Эпилог» никто не притесняет. Ведется расследование по делу Морошенко, но это, извините, уголовный кодекс, его никто не отменял. Да и сам «Эпилог» от Морошенко отрешивается. На транспарантах в защиту Морошенко ничего не было. А в остальном у фонда зеленый

свет! Да, мы не разрешаем проводить акции в общественных местах. Но тут никакого притеснения нет. Пусть проводят акции там, где они не мешают гражданам, вот и все. Для нашей страны «Эпилог» – это такая же благотворительная организация, как и многие другие. Требования к ним стандартные. Так что зачем митинговать, непонятно.

– Недавно проведенная демонстрация активистов фонда «Эпилог» поставила общественность в тупик, – добавляет ведущий. – Как верно заметил Николай Владимирович, фонд никто не притесняет, и цель демонстрации до сих пор не ясна. Организаторы этого шествия комментарии дать отказались. Пресс-центр «Эпилога» заявляет, что фонд к демонстрации отношения не имеет. Получается, люди собрались по своей воле, чтобы выразить преданность фонду. Опрос демонстрантов ясности не прибавил.

На экране появляется растерянная женщина с микрофоном под носом.

– Какова тема собрания? – каверзно спрашивает журналист.

– Демонстрация в поддержку фонда «Эпилог», – взволнованно отвечает женщина.

– Это понятно. Но что и до кого вы хотите донести?

– Хотим показать, что у фонда много друзей, – бормочет она и пытается затеряться в толпе.

– Это один из самых внятных ответов, полученных нашим репортером от участников демонстрации, – поясняет веду-

щий. – В настоящее время мы пытаемся найти первоисточник, то есть узнать, кто же стал инициатором столь многолюдной, но бессмысленной демонстрации.

– Забавно, – комментирует Эмма, отхлебывая пиво. Безалкогольный образ жизни откладывается. – Народ просто прошел по городу, не имея понятия, куда и зачем идет. Сколько их там, говоришь, было? Больше сотни?

Эмма позвонила впервые после той встречи. Робко поинтересовавшись, как дела, и поняв, что буря улеглась, тут же взяла в оборот: подрулила в центр, отвезла в кино, потом обедать, а затем зазвала в гости с ночевкой.

– У меня настоящее баварское пиво и джакузи! Я бы у тебя предложила посидеть, но знаю себя: снова заведу свою шарманку про ремонт, ты обидишься, и вечер полетит к чертям. Так что давай ко мне!

Дома у Эммы красиво. Не «уютно», не «роскошно», а именно «красиво». Это слово затесалось еще со школы. Когда кто-то возвращался из гостей, так и спрашивали: «Ну как у них, красиво?»

Эммин дизайнер от такой характеристики наверняка бы расстроился. Он всю душу вложил в ее квартиру. Мраморные столешницы, кадки в форме морских раковин, картины с бизонами и негротянками в неглиже. Получился стильный дом, не знакомый с ароматом свежее испеченных пирожков, поношенными халатами, кошками и собаками.

– Красиво, как в церкви! – точно подметила Катя, впервые

переступившая этот порог.

Здесь хочется сидеть с прямой спиной и цитировать Кафку. Только Эмма способна в такой обстановке пить пиво, разбрасывать носки и горланить песни, моясь в шикарной ванной.

– Я вот никогда не принимала участия в демонстрациях, – вдруг заявляет она и открывает новую бутылку. – Скажи, Лесь, я много потеряла? Вдруг еще не поздно попробовать? Покажи мне это ваше сообщество активистов, может, я к ним присоединюсь.

Следующие полчаса Эмма хохочет над историями подопечных фонда и пишет остроумные комментарии. До нее не сразу доходит, что пишет она не под своим именем.

– Ой, Лесечка, прости! – спохватывается она. – Я же под твоей учеткой сижу. Хочешь, зайду под собой и покажусь? Вот прямо перед каждым извинюсь, над кем я тут подшучивала.

От пива она пьянеет еще быстрее, чем от вина. Агрессивная фаза наступает внезапно: просить прощения ей больше не хочется, хочется крушить, ломать и обвинять.

– А я вот Аньке Костомаровой лично напишу! Совсем не следит за тем, что с ее фондом творится. Разве это дело? Заварила кашу – и в кусты! Вот представь, если я сейчас поставлю молоко на плиту и уйду к соседке, а тебе за ним придется следить, а потом еще и плиту отмывать после того, как оно сбежит!.. Не, ну как это не сбежит. Конечно, сбежит, это

же молоко на плите, оно всегда сбегает... Да причем тут вообще молоко? Я говорю про то, что Анька фонд пустила на полный самотек.

Эмма пытается пройтись по комнате, но постоянно натывается на мебель.

– Морошенко разве разгулялся бы так, если бы за ним присмотр был? А демонстрация эта бесхозная: кто ее созвал? Если не «Эпилог», то кто? Люди верят «Эпилогу», а ими кто-то управляет. Слепо ведутся, как глупенькие котята. Безобразие!

Она несколько раз тычет в экран планшета и сонно моргает.

– Что-то пиво оказалось крепче, чем я думала. Вот же баварцы, ну хитрецы! Завтра Аньке напишу. Давай спать.

Она шаркает в ванную. Слышен плеск воды и невнятное мычание: то ли поет, то ли продолжает дебаты с Костомаровой. Наконец, шум прекращается, хлопает дверь, раздаются шаги по коридору. Еще один хлопок двери: зашла в спальню.

Больше ничего не слышно, но воображение дорисовывает картину: вот Эмма падает на гигантскую кровать с высоким матрасом, неподвижно лежит несколько секунд, затем принимается ерзать, пытаясь лежа освободиться от штанов. Заползает под покрывало, с закрытыми глазами шарит по тумбочке. Из-под слепой руки разлетаются заколки, сигареты и книги, на самый край опасно сдвигается тяжелая пепельница. Наконец пальцы выхватывают пульт от люстры, Эмма

нетерпеливо щелкает кнопкой, свет плавно гаснет, и комната погружается во тьму.

Глава 35

– Анька ответила, Анька ответила! – оглушительно кричит Эмма прямо в ухо.

Что за манера будить людей то утренними звонками, то воплями.

– Смотри, она прислала тебе письмо! Сработали мои вчерашние выступления от твоего имени. Да ты только почитай, это же песня!

Как всегда после пьянки, Эмма выглядит плохо.

– Анальгина, водички, полежать не надо, – заученно говорит она, поймав взгляд. – Лучше письмо давай читать!

«Леся, родная! Спасибо тебе за поддержку. Это очень важно для меня, особенно в такую непростую минуту. Рядом со мной никого не осталось, одни жадные рыла, которые только и думают, как бы нажиться на чужом горе.

Ночами я тоскую по тем временам, когда была «простой домохозяйкой из Серпухова», как окрестили меня журналисты. Правильно, наверно, говорят: кесарю кесарево. Управлять такой машиной, какой стал «Эпилог», мне явно не под силу. Бог видит, я и не стремилась к этому. Просто у меня была идея, была боль многих женщин, и однажды я решила не сидеть и размышлять, а встать, пойти и сделать. Что в этом плохого? И если ничего плохого нет, то почему же все так скверно обернулось?»

Горечью тянет от последних строк. Бедная Анька.

– Ну? – подпрыгивает Эмма в кресле, – что мы ей ответим?

Совместными усилиями, под обилие минералки и чая, создается нежное письмо. С нотками грусти, понимания и бергамота. Кажется, хмель еще не совсем выветрился.

Аня онлайн. Уведомление «Анна печатает» висит минут десять.

– Трактат она там пишет, что ли? – недовольно бубнит Эмма, не отводя глаз от экрана. – Мне в душ надо.

Наконец приходит ответ. Эмма вполголоса прочитывает его:

– Так... спасибо за теплые слова... ага, ага... очень важно, особенно в такой непростой момент... то, се... в своем письме ты обещаешь поддержку... Лесь, ты что, обещаешь ей поддержку? Ладно, что там дальше? Ну ничего себе! Читай!

Она сует экран.

«В своем письме ты обещаешь поддержку. Лесья, я надеюсь, что это не пустые слова для тебя. Ведь сейчас именно тот момент, когда грех отказываться от помощи. Нас прессуют, вынуждают закрыться. Результаты последних проверок были подделаны, и нам выставили штрафов на 1,2 миллиона рублей. Нужно покрыть хотя бы треть от этой суммы, чтобы фонд продолжал существовать. Сегодня я обращаюсь ко всем, кто согласен помочь «Эпилогу», и к тебе

лично, Леся! Нужно собрать деньги как можно скорее, важен каждый рубль! Ниже реквизиты для помощи...»

– Дочитала? – кричит Эмма из ванной. – Вот это развод! Грубо и напрямую! Неужели кто-то ведется на такое?

Вот так былая дружба превращается в банальное вымогательство под слезливым соусом благотворительности. Эх, Анька, Анька, как же так?

– Лесь, ты что, думаешь, это Костомарова написала? Навивная! – насмехается Эмма. – Погляди внимательней, там же типовое письмо, только имя изменено. Кто-то с Анькиной страницы клянчит деньги у доверчивых граждан. Очевидно в, что все собранные средства пойдут этим воришкам прямиком в карман. Погашение штрафов, придумали же! Все, забудь и одевайся. В соседнем доме открыли кофейню, там такой бариста, м-м-м! Ну и кофе тоже неплохой.

Глава 36

«Привет, мои самые преданные зрители! С вами Павел Богатырь на канале «Зашибайка». Простите, что немного запустил канал. С моего последнего эфира много воды утекло. Напомню: он был посвящен результатам очередного голосования по поводу фонда «Эпилог».

Если честно, этот «Эпилог» лично мне немало крови испортил. Кто смотрел прошлое видео, тот знает, что я открыто высказался в поддержку этой благотворительной организации.

О том, как меня клеймили мои же подписчики, я промолчу. Просто утру скупую мужскую слезу и тихо вспомню всех тех, кто полил меня навозом и с матюгами покинул наше уютное сообщество. А ведь таких, увы, оказалось немало. Шутка ли: из-за несовпадения взглядов на «Эпилог» от моего канала отписалась почти половина аудитории! Да что я вам рассказываю. Вы и сами можете ознакомиться с хлесткими высказываниями моих оппонентов под последним роликом. Я намеренно ничего не удалял. Ведь из истории, как говорится, комментов не выкинешь!

Но хватит о прошлом. Давайте о том, что происходит прямо сейчас.

Два дня назад я получил весьма неожиданное и, скажем честно, наглое письмо от «Эпилога». А точнее, от его созда-

теля, Анны Костомаровой.

Уточню: с Анной я не знаком и в коммуникацию с ней никогда не вступал. Также я не числюсь волонтером «Эпилога» и вообще с этим фондом напрямую ни разу не контактировал. У меня лишь было собственное мнение об их деятельности, которым я поделился с моими фолловерами.

Так представьте себе мое удивление, когда я получил от «Эпилога» послание, да не абы какое, а с просьбой перечислить деньги на расчетный счет, чтобы бедная-несчастливая компания могла покрыть свой мегадолг аж в 1,2 миллиона рублей. Представили? Да я чуть компотом не поперхнулся!

Пошарив в интернете, я понял, что стал далеко не единственным получателем подобного письма. Кто-то проделал воистину титаническую работу, прошерстив сайты и форумы в поисках людей, положительно настроенных по отношению к фонду. Оказалось, что нашей доблестной полицией уже и дело заведено. По которому я теперь прохожу свидетелем. Так что извините меня за казенный тон и канцеляризм. Нахватался, пока общался с инстанциями и участвовал в разбирательстве о вымогании денег.

Не буду утомлять вас подробностями – уверен, скоро все и без меня разжуют СМИ – и расскажу самую суть, чтобы вы первыми узнали об очередном скандале, связанном с «Эпилогом».

Выяснилось, что письма о сборе денег якобы для фонда рассылала группка совсем «левых» людей, никакого отноше-

ния к благотворительности не имевших. Под шумок они основали контору под названием «Эпилог-1», выдумали историю с задолженностью и стали собирать деньги с доверчивых граждан. Базу мошенники собрали на просторах рунета: высматривали тех, кто хорошо отзывался о фонде. Воришки даже не поленились создать в соцсетях фейковые страницы Анны Костомаровой, чтобы общаться с «вкладчиками» от имени основательницы фонда. А затем совсем осмелели и взломали ее аккаунт, чтобы получить доступ к переписке и ближайшему окружению. Сам же «Эпилог» о сборе средств ни сном ни духом.

Тоже мне, афера века, скажете вы. Неужели кто-то на это покупается? Трудно поверить, но да, покупается. На момент создания уголовного дела «Эпилог-1» собрал около ста тысяч рублей. Всего за три дня!

А я-то думал, что от «Эпилога» все отвернулись. Ведь столько ругани было в его адрес! Но как-то так получилось, что и ругают, и деньгами помогают. Да уж, Россия не без добрых людей. Или глупых? Тонкий вопрос.

Прежде чем на него ответить, вспомните, кто является целевой аудиторией настоящего «Эпилога». С кем в основном работал фонд? Правильно: с безутешными женщинами и их родней. Не буду предполагать, что творится в голове у тетенек, которые без сомнений и всяких проверок переводят деньги на незнакомые расчетные счета. Иначе, боюсь, от меня и вторая половина подписчиков отвернется. Зато вы впол-

не можете порассуждать на эту тему.

Как думаете, почему такой, казалось бы, достойный проект, как «Эпилог», стал благодатной почвой для обмана и преступлений? Почему с другими благотворительными организациями не происходит ничего скандального, а вокруг «Эпилога» проблемы плодятся, как грибы после дождя?

Может, Костомарова вскрыла настолько болезную тему, что общество не способно ни проигнорировать ее, ни принять? Или гнильца в самом «Эпилоге», и он действительно насквозь пропитан коррупцией и мошенничеством?»

Глава 37

Заливается будильник. Солнечный луч протискивается между штор, делит комнату пополам. Указывает путь из постели на кухню. Что же там такого интересного?

А на кухне совершенная гармония. Предметы как будто выпались: сияет боками заварочный чайник, радостно блестят ложки, банка меда лучится теплым светом. Даже фиалка, долгие недели боровшаяся за свою вялую цветочную жизнь, как будто ожила и выпустила белесый росток. Похоже, утро будет добрым.

Легкий джаз, мятные пряники – и с каждым глотком крепкого чая появляются силы жить. Странное, давно забытое чувство.

На второй чашке нега окончательно рассеивается, хочется планировать, творить, действовать! Сделать бы что-то полезное и приятное, для тела и души. Может, заглянуть в городскую афишу? Или прицениться к абонеентам в бассейн?

Интернет встречает жалостливым письмом: рассылка от фонда «Эпилог».

«Дорогие! – звучит в голове Анин голос, хотя письмо составляла, конечно, не она. Кто-то из помощников постарался. – Пока власти ставят нам палки в колеса и не позволяют проводить акции в общественных местах, пока наши сотрудники решают организационные вопросы, горе неродивших

матерей все так же требует выхода. Боль потери не готова ждать, ее нужно исцелять прямо сейчас! Поэтому я обращаюсь к вам с просьбой: если у вас есть возможность предоставить фонду площадку для проведения акции прощания, напишите нам! Может, компания, в которой вы работаете, готова поучаствовать в благотворительности и пустить нас на свою территорию? Или, возможно, у вас есть дача с большим двором, на который поместится 15-20 человек. Очень ждем ваших откликов!»

В такое прекрасное утро сердце тонко отзывается на искреннюю просьбу. Тянет помочь прямо сейчас, хоть деньгами, хоть теплым словом! Вот только намерения заметно превышают возможности. Ну некуда пригласить два десятка человек! Только если...

Рука тянется к телефону:

– Я готова решить проблему, если ты дашь мне ключи от своей квартиры, разрешишь переделать детскую и пообещаешь обратиться за помощью в «Эпилог», – шантажирует Эмма.

Многовато требований. А в чем личная выгода? Сделать хорошее дело для фонда, утолить благородное стремление творить добро? Да разве оно того стоит...

В детской та же благодать, что и на кухне. Игрушки блестят пластмассовыми глазками, греют на солнце меховые уши и хвосты. Над кроватью покачивается мобиль с планетами. Что привело его в движение, неужели опять сквозняк?

Сквознякам не место в детской! Или кое-кто проснулся пораньше и запустил руку в космос: крутил красный полупрозрачный Марс, трогал кольца у Сатурна?

Бредовые мысли, прочь, прочь! Ни к одной из этих любовно выбранных игрушек не притронулась детская ладошка. Бабочек на обоях не разглядывали восторженные глазки, никто не засыпал под вальс музыкальной шкатулки...

Настроение сползает в привычное мрачное оцепенение. Какая-то часть души отчаянно цепляется за ускользающую радость. Ведь все так хорошо начиналось. «Быстрее, бегом, на свежий воздух, под живительный солнечный свет!» – умоляет она.

Из дома город выглядел спокойным, но улица огорошивает шумом. Гудит поливальная машина, пыхтят автобусы. Газонокосилка оглушает, будто ездит не по газону, а прямо по ушам. Люди прячутся в салонах своих автомобилей, а безлошадные отгораживаются от мира наушниками да темными очками. И все спешат, спешат из пункта А в пункт Б, чтобы скрыться за мониторами и офисными перегородками, чтобы просидеть там еще один день, а вечером блаженно выдохнуть: ну вот, выходные на день ближе, жизнь на день короче...

К полудню срочные дела улажены, есть время поплавать. В интернете, конечно. Новости не цепляют, котята не веселят. На странице фонда – обсуждение недавней просьбы:

«Всем сердцем поддерживаю инициативу. Акции проводить надо не смотря ни на что! Я бы и сама с удовольствием пришла. Но вот у себя всех разместить нет возможности, увы».

«Может, кто и согласится... У меня частный дом, но поймите, проводить такое у себя, там, где живешь – это перебор. Слишком тяжело. Останется столько горя!»

«Да, энергетика в таких местах зашкаливает, конечно. Плохой шлейф висит. Так что не знаю, кто захочет провести акцию рядом со своим жильем. Это почти как кладбище на участке устроить!»

«Не согласен. Благотворительность не может иметь никакого плохого шлейфа».

«Вау! Мужчина на канале!»

«На эту рассылку подписаны в основном эсенщины, которым нужна помощь. Как нас можно напрягать лишними просьбами? Мы горюем, нам плохо, и мы ждем, что вы нам поможете, а не мы вам. Если бы у меня были силы что-то там организовывать, мне бы и ваша акция была не нужна!»

«Поддерживаю. Я вообще на работу с трудом хожу, все как в пелене после того ужаса, что пришлось пережить. И «Эпилог» меня просит идти к руководству и предлагать благотворительность? Я сейчас просто пишу, и то слезы текут... Что-то «Эпилог» не по адресу обратился».

«В прошлый раз проводили акцию рядом с молокозаводом. Места много, никто не прогонял. Почему там снова нель-

зя?»

«Насчет молокозавода – это была территория «Коровино», на тот момент спонсора фонда. После недавних событий почти все партнеры потеряли лояльность к «Эпилогу», и «Коровино» уже тоже отвалился. Так что они большие к себе не пустят».

«Жалко им, что ли?! Непонятно. Ну не хочет «Коровино» деньгами спонсировать, так и не надо. Но почему бы на свой двор не пустить?»

«Боятся связываться с «Эпилогом». Фонд подмочил свою репутацию. Спонсоры уходят не из-за того, что им денег жалко (им наоборот выгодно через благотворительность средства отмывать). А из-за того, что теперь светиться рядом с «Эпилогом» опасно для бизнеса».

«Не верю, что у «Эпилога» нет своей территории. А парк при общежитии? А дачный поселок, который для подопечных строили? Куда это все подевалось?! Может, этого и не было ничего, а нам всем просто лапшу на уши вешали о том, как в «Эпилоге» все хорошо?»

«Ага, или все это давно роздано своим людям и за взятки! А нам остался кукиш с маслом...»

«Леди (и джентльмен), не бушуйте! Накопала информацию о владениях «Эпилога». На сайте фонда висит объявление, что общежитие временно закрыто. Я думаю, их задавили проверками. Служб у нас много, придраться всегда есть к чему. Сами знаете, у нас это умеют».

«А с поселком что? Кто знает?»

«Я знаю. Поселок рядом с нашим микрорайоном строят. Точнее говоря, строили. Сейчас стройка заморожена. Технику отозвали, работы не ведутся. Так что вместо дач – котлованы. Только лес зазря попортили!»

«Вот и ответ для всех недоверчивых! У фонда и вправду дела плохи, но деятельность свою он останавливать не хочет. Рассчитывает на нашу помощь. А на кого еще рассчитывать в такой ситуации? А вы вместо того, чтобы предлагать варианты, развели тут травлю... Стыдно».

Обсуждение затягивается на многие страницы, но предложений так и нет. Администрация фонда не вмешивается в разговор. Или кое-то из местных защитников «Эпилога» – просто подсадная утка? Прикидывается простым обывателем, а на самом деле за добрые слова о фонде зарплату получает.

Очень хочется перейти наконец от слов к делу и действительно помочь Костомаровой! Но как? Эмма не помощник. Кто же остается? Катя?

– Ну я даже не знаю, – тянет в трубку подруга. – Двадцать человек на нашем дворе, конечно, поместится, но муж точно будет против. И куда я детей дену? Только если в следующую субботу, когда они все к бабушке уедут... Я так не люблю эти посиделки у свекрови, кто бы знал! Наготовит еды, как

на роту солдат. И обижается, если ты оливье пирогами не закусываешь и от третьей тарелки борща нос воротишь. У меня после ее стряпни два дня несварение!.. Да, ваша акция стала бы отличным поводом к ней не ехать. Я подумаю, Лесь. Завтра ответ дам.

Эх, Катя еще думает, а обнадежить фонд руки чешутся уже. Может, хотя бы намекнуть Аньке, что есть у нее друзья, настоящие, способные не только языком молоть и комментарии строчить, а делом помогать? Почему бы и нет.

«Анюта, здравствуй! Рада сообщить тебе, что, скорее всего, смогу помочь с площадкой для акции. Отличный загородный участок, сосновый лес, озеро. Умиротворенная обстановка. Как думаешь, подойдет?»

Нашлось даже фото: роскошный Катькин дом, гравийная дорожка, блестящая водная гладь.

Аня отвечает сразу:

«Лесья, это идеальный вариант! Мы тебе так благодарны! На какой день планируем мероприятие?»

Как она стремительно берет быка за рога! Сразу видно человека, привыкшего воплощать свои планы в жизнь.

«Ориентировочно в следующую субботу. Я уточню детали и напишу тебе, как только все подтвердится».

«Договорились! Вот мой номер для скорости. Звони-пиши, не стесняйся!»

Итак, на руках телефон Костомаровой и необходимость во что бы то ни стало уговорить Катьку. Остается надеяться,

что все получится. Говорят, правильные дела складываются сами собой. Помощь неродившим матерям ведь правильное дело?

– Мама, а кто такие неродившие матеря?

– Не матеря, а матери. То есть мамы.

– Мама? – переспрашивает, жадно заглядывая в монитор.

Там видео одной из последних акций прощания. Той самой, у молокозавода. Унылый ряд складских построек, голая и пыльная земля. Участницам выдают фирменные футболки, и некоторые натягивают обновку поверх одежды.

– Вот эти матеря? – тычет пальцем прямо в экран. – А почему неродившие?

– Это мамы, которые ждали деток, а те так и не появились на свет.

– И теперь эти детки сидят в темноте?

Представляется жутковатая картина: огромный зал с черными стенами, вдоль которых сидят, обняв колени, заплаканные дети. Вдруг загробный мир выглядит именно так?

– Нет, конечно, нет. Детки просто не родились у этих мам. Наверняка они родятся попозже у каких-нибудь других, тоже хороших и добрых родителей.

– Тогда почему эти тети плачут? – На экране одна из участниц и вправду рыдает. – Они разве не знают, что их дети в других счастливых семьях?

– Может, и знают. Но им все равно грустно и тоскливо без своих любимых малышей.

– Как твой котенок? Он убежал, ты сильно плакала, а бабушка сказала, чтобы ты успокоилась, потому что он найдет себе новый дом?

Как все смешалось. Страдания сопровождают жизнь с раннего детства, и боль от потерянной куклы в три года равносильна боли от предательства в тридцать три. Пропавший котенок тогда и нерожденная дочь сейчас – трагедии разного масштаба, а боль все та же. Гнетущая, бескрайняя, беспросветная.

– Котенок убежал, когда я была маленькой. Ты не можешь этого знать.

– Но я знаю! – глаза наполняются слезами, голос звенит от обиды.

– Это не ты знаешь, а я. Тебя не существует.

Почему, почему все еще ведется этот воображаемый диалог? Тогда, в самом начале, психологи утверждали, что стоит осознать, что ее не существует, как она сразу исчезнет. Но она не исчезает: сидит на подлокотнике офисного кресла, качает пухлой ногой, негодуяюще сопит и смотрит исподлобья.

– Существою, – упрямо возражает она.

– Нет, тебя не может существовать.

– Почему?

– Потому что ты даже не рождалась. Ты умерла еще в моей утробе, пока тебя из меня вытаскивали.

– Значит, я так и не появилась на свет?

– Не появилась.

– Тогда ты – как они! Неродившие матеря! – пинает монитор, прыгивает на пол и убегает с увесистым топотом. Монитор с грохотом падает, и кто-то любопытно заглядывает в раскрытую дверь.

– Все хорошо, Олеся Игоревна?

Хорошо. Лучше не бывает. Несуществующая дочь – и та разобиделась. Кажется, пора всерьез заняться своими коммуникативными навыками.

Катя подвела.

– Не могу я отвертеться от поездки к свекрови! – жалуется она. – Муж насел в ультимативном порядке. И что на него нашло, не понимаю. Я ему даже про вашу акцию рассказать не успела. Как услышал, что я не хочу ехать, так сразу занял глухую оборону. Говорит, у свекра юбилей, надо уважить. Вот скажи мне, Леся: шестьдесят шесть лет – это разве юбилей?

Юбилей или не юбилей, но путь в дом на острове для «Эпилога» закрыт. О том, чтобы похозяйничать там без Кати, и речи не идет.

– Нет уж, прости, подруга, но без меня туда никому нельзя. Сама подумай: мало ли что может случиться, а отвечать придется тебе. Не могу я на тебя такую ответственность взваливать. Считай это моей дружеской заботой.

И почему бы не сказать честно: чужаков не пущу, боюсь за собственность, вдруг они мой дом разворуют, с гвоздик

семена посрывают и веранду мою бычками прожгут. Но простые и понятные человеческие страхи зачем-то принято прикрывать красивыми словами об ответственности и заботе.

Теперь придется отказать Костомаровой. Может, это не так уж и страшно? Вдруг кто-то еще предложил свою помощь фонду? Надо почитать комментарии и успокоиться.

Но покоя чтение не приносит.

Страница фонда радостно приглашает всех желающих на акцию прощания, которая будет проведена в чудесном доме на острове. Фото прилагается. Миллион восторженных откликов тоже.

Паника захлестывает горячей волной. Костомарова потопилась, это ее вина, но почему так невыносимы угрызения совести?

Потому что не нужно было обнадеживать Аньку раньше времени, холодно отвечает голос разума. Да сколько же их там, этих голосов в голове? Может, пора не в фонд обращаться, а напрямую к психиатру?

На душе скребут кошки, хочется заблокировать телефон и исчезнуть. Но приходится звонить Костомаровой.

– Алло, – спокойно отвечает она, и становится не так тревожно.

Анна молча выслушивает объяснения.

– Что ж, подыщем другую площадку, – безразлично говорит она. Видимо, привыкла за последнее время к обломам.

Она тактично отказывается от предложения встретиться-

ся, чем усугубляет отвратительное настроение. К осознанию собственной никчемности прибавляется гнетущее чувство отверженности.

Благотворителем стать не получилось. Некоторым людям, видимо, на роду написано сидеть и смотреть на то, как вокруг рушится мир. Закрываются фонды. Не рождаются дети. Воображаемые дочери смертельно обижаются на своих непутевых матерей.

Место для акции все же нашли. Не такое шикарное, как Катькин дом. Но и не настолько унылое, как молокозавод. Отец одной из подопечных фонда пригласил всех на свою фазенду: неопрятный заросший травой участок в тридцати километрах от Москвы. Периметр обнесен сеткой-рабицей. По центру – полуистлевший остов теплицы, похожий на скелет выброшенного на берег кита.

Информацию о переносе принимают холодно. Если к Кате записалось двадцать восемь человек, то после рокировки остается лишь пятнадцать участников. Что ж, зато придут только те, кому это действительно нужно. Акция прощания – это вам не развеселая вечеринка у озера. К сожалению.

С каждым днем комментаторов становится все меньше. Люди устают обсуждать умирающий «Эпилог» и переключаются на более живые темы. В группе фонда все еще числится несколько тысяч человек, но уже чувствуется дух запустения, присущий брошенным проектам.

У Эммы внезапно просыпается совесть. Звонок раздается в восемь утра, а это значит, что бурные планы роятся в ее голове еще с ночи.

– Мне попалось три площадки под твой «Эпилог», – с места в карьер начинает она. – Отличные места! Я уже выслала их описания тебе на почту. Перешли Костомаровой!

Эммины звонки лучше всяких будильников. За минуту в мозг загружается столько команд, что спать дальше невозможно.

– Ну и что, что уже нашли какую-то дачку! – отрезает она возражения. – Это же не последняя акция. Не сопротивляйся, просто делай то, что я говорю, и всем будет счастье!

Если честно, после провала с домом на острове общаться с Аней больше не хочется. Страшно снова подвести ее. И не хочется опять получать отказ. Кому нравится, когда его отталкивают?

– Кроме фотографий площадок я тебе еще скинула дизайн-проект твоего нового спортзала. Посмотри и отпишись! – распоряжается Эмма и отключается.

Она будет звонить снова и снова, пока не добьется, чего хочет. Лучше разделаться с этим прямо сейчас.

Картинки спортзала выглядят привлекательно. Дизайнер добавил синее небо за окном, яркий гимнастический шар и цветные кресла-мешки. Даже не поленился и сделал ночной вариант: в темное время суток при помощи зонального освеще-

щения тренажерка превращается в зал релаксации. Есть даже выдвижной бильярд. Разве так бывает?

Эмма будто чувствует, когда звонить.

– Посмотрела? – спрашивает она как раз в тот момент, когда закрыта последняя иллюстрация. – Впечатляет, правда? Конечно, нужно уточнить некоторые детали, потому что планировку твоей квартиры я восстановила по памяти. Но общий концепт не плох, правда? Тебе нравится?

Эмма заставляет пойти в детскую и сделать замеры. Игрушки укоризненно молчат.

– Предлагаю начать ремонт прямо завтра, – торопит Эмма. – Поживешь у меня, давай?

Кошмар. Жить с Эммой все равно что обосноваться у кратера вулкана. Не будет покоя ни днем, ни ночью.

– Тогда где? – волнуется она. – Подобрать тебе отель?

Телефон вибрирует прямо у уха: кто-то звонит по второй линии.

– Лесь, я получила от тебя письмо по трем площадкам, они великолепны! – воодушевленно кричит голос, и не сразу удается узнать Костомарову. – Ты просто неоценимый человек для нашего фонда! Так оперативно собрать базу отличных мест, так четко сработать. Я в восторге, Лесья! Сразу видно, что ты стала большим человеком, такой серьезный подход ко всему!

Большой серьезный человек просто переслал письмо от одной не в меру активной женщины к другой.

– Прости, что в прошлый раз не смогла встретиться, – продолжает Анна. – Полный завал был! Давай сегодня поужинаем, ты свободна? Я тебя тысячу лет не видела, соскучилась ужасно! Заодно обсудим детали по тем предложениям, которые ты выслала. Договорились? Я пришлю тебе пару ресторанчиков на выбор. Посмотри, какой тебе удобней!

Что же там такого в письме от Эммы, что Костомарова сразу ужасно соскучилась? Надо бы ознакомиться с материалами перед встречей, чтобы снова не попасть впросак. Еще придется поискать пристанище на время ремонта: Эмма не отстанет. Раз решила взяться за дело на неделе, значит, так и будет.

Но первое, чем стоит заняться прямо сейчас – это, конечно, выбором ресторана для ужина с Анной Костомаровой.

Глава 38

Встреча проходит в удивительном для Москвы месте: под раскидистой грушей. Ресторан обнесен каменной изгородью, которая больше смахивает на крепостную стену. Совсем не слышно звуков города. Столы расставлены прямо на земле среди садовых деревьев. Густая зелень искрится разноцветными фонариками. Свеча на белой скатерти накрыта стеклянным колпаком, а из прозрачного фужера подмигивают анютины глазки.

Ужин съели быстро и заказали вторую бутылку вина. Уходить из этого оазиса совсем не хочется. Аня сидит совсем рядом, но остается на своей недостижимой волне. Тем не менее, разговор идет гладко. Волны, может, и разные, зато звучат в унисон.

Удивительно: давно забытая подруга становится единственным человеком, с кем получается говорить откровенно. А говорить хочется только об одном. О дочке.

– Постоянно ощущаю ее присутствие. Все время кажется, что она в соседней комнате. Зайдешь в детскую – пусто, ведь она только что выбежала в кухню. Заглянешь на кухню – горит свет, у мойки три грязные чашки: наливать чай уже научилась, а мыть посуду еще нет. На кухне никого, но в гостиной включен телевизор, наверняка засела за мультики. Словно играем с ней в прятки. Дети бывают такими неуло-

вимыми.

– Неуловимо, да, это самое точное слово! – кивает Костомарова. – Как же неуловимо мои добрые намерения обратились против меня самой! Благая идея помогать тем, кто нуждается в поддержке, вдруг превратилась в ядовитое, зловонное месиво из жажды наживы, злости, зависти, корысти... Когда, в какой момент все так исказилось?

– А потом вспоминаю, что все три чашки – мои: утренняя, вчерашняя, позавчерашняя. И телевизор, как и свет, сама забыла выключить. И никого в квартире нет. Только призраки.

– Призраки, – словно эхо, повторяет Анна. – От дела всей моей жизни остались только призраки. Которые тоскливо наблюдают за тем, как люди доламывают остатки светлой мечты...

– Но что же остается, если отказаться от мечты?

– Я попробовала ее воплотить. Все говорили: иди за своей мечтой, делай, что должен, а результат оставь богу. Слышала такое выражение? Я вот послушалась. Мечтала помочь «неродившим». Сделать их жизнь легче. Освободить от этой тяжелой ноши, от бремени, которое они носят годами, не умеют с ним расстаться по-хорошему. Корят себя, ненавидят, жалеют – все по-разному говорят с этим горем, но слов прощания никто ему сказать не может.

– Как прощаться, когда она здесь, всегда рядом? Смотрит ясными глазками, задает свои бесконечные «почему», смеется, капризничает, выдумывает – словом, живет. Она не про-

сто фантом, плод искалеченного воображения. Нет, ее присутствие ощутимо. Ее видно и слышно. Разве слова прощания могут что-то изменить?

Анна задумчиво кивает.

– Жизнь ясно показала мне, что одного только желания, пусть самого искреннего и горячего, недостаточно для решения проблемы. Я хотела помочь страдающим женщинам. Мечтала подарить им это прощание, окончательное, красивое. Чтобы они смело пошли жить дальше! Но, как видишь, не все в моей власти. Наверное, я просто полезла не в свое дело.

– Разве благое дело может быть «не своим»?

– Ты давно была на море? – внезапно спрашивает она. – Знаешь, иногда море «цветет», в нем появляются водоросли, которые приливом приносит к берегу. И вот они колыхнутся в воде такие разные, бурые, салатные, с веточками и листочками. Красивые! А попробуй вытащить из воды – какая-то скользкая бесформенная дрянь. Или галька: бывает, найдешь камушек черный-черный, просто эталон черного цвета! А как обсохнет, становится тусклым и серым.

– В ее возрасте все удивляет, все кажется необыкновенным. Для нее сейчас даже город – ожившая сказка. А сколько восторга было бы на морском берегу! Представить трудно. Рыбки, пальмы, белый песочек... для такой малышки это же целый новый мир! Эх, махнуть бы сейчас в отпуск, в какую-нибудь экзотическую страну.

– Какой там отпуск! – отмахивается Костомарова и продолжает. – Я вот к чему: водоросли и камушки на суше становятся обычным мусором. Так и человек. Каждый на своем месте хорош. Посади самого доброго и умного на чужое место, столько бед наворотит!

– Беда не приходит одна, так говорят. На самом деле, достаточно и одной. Беда – как пожар: вроде горит в одном месте, но дыма столько, что заволокло весь мир, и ничего кроме него не видать. Тебе все равно, горят шторы, стол и кровать или не горят. Ты все равно видишь только дым. Так и настоящая беда, она затмевает собой всю жизнь, и все в этой жизни приобретает ее горестный вкус, ее горький запах.

– В точку. Осуществилась ли моя мечта? Нет, не осуществилась: она разрушилась, исковеркалась, изуродовалась. И теперь без мечты весь мир кажется таким беспросветным, холодным.

– Холод, да, какой же там холод царил, в этой общей палате! – захлестывают вдруг воспоминания. – Семь женщин: кому рожать, кто после операции, кого только что скорая привезла. Из окон так дуло, а одеяла тонкие-тонкие, ведь лето же на дворе, теплых одеял не положено! Ноги мерзнут, тело трясет в ознобе, а медсестры отмахиваются: вам, говорят, кажется, что холодно. Температура воздуха в палате соответствует нормам. Так что лежите и ждите своей очереди, аборт у нас по расписанию, ваш лечащий врач будет утром, ему все претензии и высказывайте. А затем мерзко так, вполго-

лоса, но чтобы было слышно: «Залетят, – говорят, – потом передумают, а нам их недовольство выслушивать». Не будешь же каждой санитарке объяснять, что я не передумала, у меня медицинские показания, и для меня это горе, драма, трагедия всей жизни, а они «передумала»...

– Конечно, никому теперь и не объяснишь, что ко всем преступлениям я не имею никакого отношения! – горячо подхватывает Аня. – Я же ни сном ни духом ни о взятках, ни о подлогах. Но кто мне теперь поверит? Никто. Я ведь генеральный директор фонда! Считают, что я на чужом горе наживаюсь. Выставляют меня монстром. Клеветают, что еще самая первая акция была спланирована так, чтобы через несколько месяцев создать эту машину для обогащения. И все это будто бы хитрая игра для моей наживы. Репортеры мне уже приписывают сговор с основными спонсорами: мол, мы с самого начала договорились отмывать их деньги через благотворительность. Им дополнительная реклама, а нам возможность привлечь больше инвесторов и заграбастать их инвесторские деньги. Тфу, пакость какая!

При упоминании инвесторов беседа становится чуть более нормальной. Аня восторгается площадками, которые удалось так быстро разыскать.

Приходится признаться:

– Это Эмма их нашла. Помнишь Эмму?

Конечно, Аня помнит Эмму и откровенничает:

– Одно время я ей жутко завидовала! Во-первых, телосло-

жению. Нет, ну что ты смеешься? Фигура у нее что надо. Ест, как не в себя, и хоть бы хны! Я даже некоторое время следила за ней в соцсетях, фотографии смотрела. Все ждала, когда же эта оса поправится. Так и не дождалась!

Аня хохочет и блестит глазами. Но в следующую секунду вновь становится серьезной:

– Второй причиной зависти к Эмме стал ее энтузиазм. Сразу было видно: эта девушка добьется всего, чего хочет. Так, наверное, и получилось, да? Мне всегда недоставало этой нерушимой энергии. У меня ведь столько идей было, столько планов. Да только все они разбивались о неуверенность. Я много лет пасовала. Думала, не для меня все эти великие проекты. Пусть другие меняют мир. Такие, как Эмма.

– И что же случилось потом?

– Потом... – она задумчиво смотрит на пламя свечи, – много чего случилось. Я стала и сильнее, и безогляднее, что ли. То есть перестала глядеть на других. Плюнула на сомнения и сделала тот первый шаг к «Эпилогу». А оно вон как закрутилось. Теперь все исправить могут только такие люди, как Эмма.

И лукаво добавляет:

– Она, кстати, не хочет включиться в наш проект? Поставить «Эпилог» на ноги? Нет? Жаль...

– У Эммы сейчас голова другим занята. Разрушением детской. Даешь современный гимнастический зал вместо буржуазных мишек и пошлых кукол!

– Так она за ремонт в твоей квартире взялась? – ахает Костомарова. – А ты где жить будешь?

– Пока не знаю...

– Слушай, – Аня наклоняется ближе и делает круглые глаза. Совсем как в юности перед тем, как подбить на прогул занятий. Но вместо этого она предлагает: – Поживи у нас в общежитии! Оттуда всех временно выселили из-за проверок. Но жить там можно и даже с большим комфортом. Спальни, кухни, ванны – выбирай любую!

– А гимнастический зал есть? – язык уже немного заплетается. Пора домой. Пока его еще не разбомбили Эммины дизайнеры.

– Есть! Да там столько места – хоть гимнастикой занимайся, хоть балетом. И даже петь можно! В пустых коридорах знаешь какая акустика? Помнишь, ты раньше на гитаре играла, и мы с тобой в два голоса пели? Про ночь сизокрылую...

«Ночь сизокрылая за окном».

Дом встречает, как всегда, тишиной. По углам уютно перекатывается пыль. В детской темно.

«Спи, моя милая, сладким сном».

Пусть тебе снятся райские кущи, принцессы и единороги. Или что снится маленьким девочкам, которые еще не пробовали горя и обид? Никто никогда не узнает, что снилось бы тебе в этой кровати, среди любовно подобранных вещей.

«Тихий сад тьмой объят. Травы, цветы и деревья спят».

Скоро загремят грузчики, зажужжат дрели, застучат молотки. И вместо никчемной комнаты с никому не нужными игрушками миру явится высокофункциональный и полезный домашний спортзал.

Глава 39

Когда смотришь на потолок, не верится, что его площадь равна площади пола. Кажется, перенеси на него всю мебель, и места не останется. Может, врет геометрия, и не равны они вовсе? Потому и пустует потолок. Сияет белизной, свободный от забот, и красуется одной только люстрой. Хотя люстрой эту лампу назвать сложно: бледная полусфера, как будто прилипшая к побелке. Из всех украшений только пимпочка по середине.

– Похоже на сиську, – комментирует дочка, и воспитательское негодование поднимается из глубины души.

– Откуда ты знаешь это слово?!

– В садике слышала.

– Но ты же не ходишь в садик.

Ответа нет. Да и что сказать, когда воображение не подчиняется логике?

Хорошо вот так лежать на спине, раскинув руки и лениво изучая комнату осиротевшего общежития. В недрах здания что-то хлопает: похоже на стук мяча о гулкий пол. Вот егоза, никак уже до тренажерки добралась. Только что была ведь тут! Сходить посмотреть?

Кровать скрипит на прощание. Сколько женщин рыдало в эту подушку? Лучше не думать.

Коридор угрюмо молчит. Стены украшены фотография-

ми в рамках, в основном это снимки с мероприятий фонда. Кто-то заботливо отобрал самые яркие и оптимистичные кадры, но в неживом свете люминесцентных ламп улыбающиеся лица выглядят натужными гримасами.

Огромные площади общежития совершенно безлюдны. Даже охраны нет, только длиннорылые камеры глядят из углов. Куда они передают увиденное? Есть ли кто по ту сторону? Надо на всякий случай помахать рукой. Пусть таинственный наблюдатель знает, что одной тут совсем не страшно.

Удивительно, как быстро дичает пустующий дом. Вроде все вещи на своих местах, и дневной свет все так же полосато падает на ковер сквозь жалюзи, и даже еще не отцвел забытый цикламен в резном горшке... Но каждая комната словно щетинится на нежданного посетителя, исподлобья смотрит пыльными зеркалами и сопровождает каждый шаг гнетущей тишиной.

Здесь не страшно – здесь никак. Можно бесконечно кружить по спальням, перебирать впопыхах оставленные мелочи на тумбочках: лиловый лак для ногтей, носовой платочек, полупустую пачку анальгина, смятый чек из пиццерии. Все эти вещи, казалось бы, должны еще помнить о своих хозяйках и, сучая, спешить поведать их историю... Но они лишь безучастно молчат, спокойно даются чужачке в руке, терпеливо выжидают, пока любопытные пальцы обшарят их со всех сторон, и ложатся на прежние, меньшим слоем пыли помеченные места.

Запустение уже прокралось в эти стены и потихоньку начинает хозяйничать. Тут развесит паутину, там покроет плесенью недомытый стакан. В библиотеке откуда-то из-под подоконника натекла вода после ночного дождя. Если «Эпилог» рассчитывает вернуться в эти стены, то стоит поторопиться.

– Мама, смотри, мышка! – раздается оглушительный вопль, и пальчик тычет в угол, за штору.

– Я же говорила, пальцем показывать...

– ...невоспитанно, я помню, – перебивает она. – Но мышка же!

В плинтусе и вправду дыра, куда с трудом протискивается увесистая мышь. Грызуны в общежитии? М-да. Кажется, Аня лукавила, когда говорила, что проверки ничего не нашли, и это место закрыли без повода.

Несколько секунд спустя из норы выскакивает мышонок – совсем кроха, с мизинец, не больше! – и принимается суматошно бегать вдоль стены.

– Сфотографируй его скорей, мама!

Увидев телефон, мышонок в ужасе замирает. Кадры получаются отменные, хоть сейчас на обложку «Юнната». Но знакомых главредов нет, поэтому фото отправляются Эмме.

В ответ та присылает снимки из разрушенной детской. Позирует на фоне ободранных стен, делает вид, что бежит по велодорожке и приседает со штангой. Ничего от прежней обстановки уже не осталось. Только за Эмминым плечом си-

яет кусочек бабочки со старых обоев.

Все случилось очень просто. Костомарова прислала короткое сообщение: «В субботу акция. Придешь?» Ничего не стоило написать в ответ «Ок».

– Вот так легко взяла и согласилась? – бушует Эмма в телефон. – То есть я тебя неделями уговаривала обратиться в «Эпилог», и ты ни в какую, уперлась, как баран! А Аньке, значит, достаточно одно смс прислать?

Эмме, кажется, обидно. Она ж со всей душой. Столько трудов вложено, подготовительной работы проведено. Она кропотливо выстраивала композицию из домино, медленно, осторожно, с разных сторон заходя, чтобы не дай бог случайным вздохом не нарушить хрупкий баланс... А Костомарова пришла на все готовенькое и легким движением руки толкнула ближайшую костяшку, и вот уже несется сокрушительная волна, разворачивается затейливый узор, все в восхищении смотрят на Аньку, бывшую домохозяйку из Серпухова, а Эмме – ни капли благодарности!

Ощущать себя трофеем, за который ведется борьба, неприятно. Приходится успокоить Эмму: заверить, что, конечно, она и только она, благодетельница, поспособствовала принятию исцеляющего решения. Лишь ее любовь, забота и внимание стали базисом для выздоровления, а Анька так, вынырнула из туманного прошлого в белых перчатках и дала последний пинок, выкрикнула финальную реплику и по-

кинула сцену, даже не взглянув, как мягко падает безвольное тело в манящую пропасть забвения... Мысли немного путаются – в одной из комнат обнаружилась баночка психотропных таблеток, она лежала под шкафом, как новогодний презент под елкой, оставленный в секретном месте одной несчастной мамой для другой:

– Мамочка, смотри, там что-то есть!

– Не лезь под шкаф. Еще мышь покусает.

– Нет, мамочка, это не мышь, это флакончик... Достала!

Можно я крышку отвинчу? Ой, тут конфетки розовенькие!

– Не трогай!!! Брось сейчас же!

Испуганно бросает находку, и пластиковая банка громко шмякается об пол, пилюли разлетаются по комнате. От незаслуженного материнского крика у дочки глаза на мокром месте. Шмыгает. Сейчас разрешится.

Надо объяснить.

– Это не конфеты, солнышко. Это яд, его нельзя есть!

– А что будет?

– Животик заболит.

– Даже от одной штучки?

– Да.

– А что будет от трех? А от пяти? А от семи? – демонстрирует она ранние познания в математике. Интерес к таблеткам уже угас. Любопытный ум скачет с предмета на предмет, как белка по веткам: не уследить.

Несколько таблеток еще осталось в банке. Ба, знакомое

название! Дома в недрах письменного стола еще лежит скомканный рецепт. Доктор обещал, что если принимать дважды в день, то вернется сон и аппетит, а дочка, наоборот, исчезнет. Что будет от семи таблеток, врач не говорил. Да и что там может быть. Тишина? Покой? Забвение? Так разве проблема в том, что сложно забыть? Наоборот, забывать не хочется. Страшно забывать. Разве можно отказаться от ее пусть иллюзорного, но вполне ощутимого присутствия? Как представить мир без нее?

Страшно идти на акцию прощания: вдруг сработает? Вдруг сотрется и так еле слышный дочкин след, как жить тогда? От этих мыслей муторно, горько. В пустоте огромного здания внутренние голоса звучат гораздо громче. Если принимать препарат по инструкции, то можно попытаться не сойти с ума.

А теперь язык немного заплетается, реальность будто подрагивает, голова набита ватой. И Эмма, только что обозванная благодетельницей, волнуется:

– Леся, у тебя все в порядке? Хочешь, я приеду? Голос у тебя какой-то странный.

Наверно, странный голос – это один из тех, внутренних. Так громко говорит, что даже в трубке слышно. Ничего. Главное, чтобы остальные не подключились. А то получится хор – не перекричать! А если этот хор затянет колыбельную, то так сладко, наверно, будет спать под нее...

– Леся, я приеду через двадцать минут! – зачем-то кричит

Эмма. – Не отключай телефон, слышишь?!

Здорово... Слышишь, малышка?.. Скоро тетя Эмма в гости придет. Только бы вино не принесла... А то нехорошо при детях распивать... Да и без вина спать хочется... Без вины... То есть вина... Какой удобный пол...

Сумрачно. В окне видно еще голубое небо, но кроны деревьев уже черным-черны. По комнате гуляют таинственные синие огни. Саднит горло. Плохо пахнет.

– Леся? – выскакивает из темного угла Эмма. – Ну ты меня и напугала!

Она шепчет длинную матерную фразу, но беззлобно, с облегчением.

– Я приезжаю, а ты на полу лежишь. Не просыпаешься. И таблетки вокруг! Кошмарное зрелище!

Эмма закатывает глаза и опускается на край кровати.

– Скорая приехала, – она кивает за окно. Так вот что мигает. – Желудок промыли, думали, ты отравиться хотела. Сейчас врач в соседней комнате бумаги заполняет. Потому что тут свет не работает.

Она приближает свое идеальное лицо и вглядывается огромными от темноты зрачками.

– Это же ошибка была, да? – с надеждой спрашивает она. – Ты же не пыталась ничего плохого с собой сделать?

В комнату бодро входит доктор. Высокий мужчина в белом халате. В густых сумерках больше ничего о нем сказать

нельзя.

– Как себя чувствуем? – энергично машет документами. – Олеся Игоревна, сколько таблеток вы приняли? Две? Точно две? Так я и думал.

Он удовлетворенно кивает и пытается что-то записать в плавающем синем свете.

– Ни черта не видно, – бормочет он. И добавляет громче: – Я так понимаю, вы спутали дозировку. Данный препарат имеет две формы выпуска, с разной концентрацией действующего вещества.

Он трясет баночку у себя под ухом. Прислушивается к перекатыванию таблеток и продолжает:

– Эту форму по две таблетки не принимают, максимальная доза – одна штука в день. А вам, с учетом комплекции, и половинки, я думаю, многовато. Еще небось и на голодный желудок пили, да? В общем, если б не ваша прекрасная подруга, все могло закончиться не так радужно, как в итоге окончилось. В больничку поедем?

Эмма вспархивает с кровати, подхватывает доктора под локоть и увлекает в коридор. Пару минут спустя дело улажено, и в больничку можно не ехать.

Машина уезжает, унося свои тревожные огни к следующему бедолаге.

Проводив врача, Эмма возвращается и замирает на пороге. Уже совсем стемнело, и ее силуэт еле угадывается. Слышно, как под плинтусом вздыхает мышь.

– Ночуешь у меня. Точка.

Глава 40

Суббота, девять утра, а Эмма уже на ногах.

– Доброе утро! – будит она и раздвигает шторы. – Сегодня великий день.

От открытого окна в комнате светлее не становится. Пасмурно, с кленовых листьев капает вода. С улицы тянет сыростью и табаком.

Но Эмме на погоду плевать. Видимо, у нее внутри есть личное солнце.

– Вставай скорей, а то опоздаешь на акцию. Тебе уже Анька пишет, – Эмма кивает на телефон. – Волнуется, что ты передумаешь.

Взгляд привычно шарит в поисках светлой макушки. Но ее нигде нет. После случайности с таблетками дочка снова исчезла.

Хороший препарат. Работает.

– Итак, план на день, – фонтанирует Эмма. – Завтрак и водные процедуры, затем запуск шариков, потом ты возвращаешься новым человеком сюда и пакуешь вещи.

Она делает эффектную паузу, но эффекта нет.

– Зачем, спросишь ты? Неужели злая Эмма выгоняет подругу на улицу? И где же теперь жить?

Она лукаво щурится и выжидающе молчит. Надо как-то отреагировать, старается же человек. Хотя бы изобразить на

лице заинтересованность, что ли... Поднять брови, задумчиво наморщить нос.

– Вижу, ты удивлена! – ликует Эмма, и это значит, что пантомима удалась. – Я хочу сказать, что твоя квартира готова! Полностью! Ты можешь вернуться уже сегодня! Кроме спортзала, тебя ждет еще парочка сюрпризов. Мы кое-что обновили на кухне и втиснули в ванную джакузи! Ты не представляешь, как там теперь все здорово. Не могу дождаться, когда все тебе покажу!

Мрачные тени бродят по улице. В запотевшей витрине кривляются манекены. Зловеще мигает светофор. Трамвай медленно высовывает из-за угла хищную морду. Осталось полтора часа, всего полтора часа до начала акции «Эпилога», где под безобидными действиями с шариками скрывается акт темного колдовства, способного за несколько секунд превратить любящую мать в навсегда одинокую сумасшедшую тетку.

Дорога проходит мимо шумного забора: «Вика – шмара!», «Люблю аниме!», «Спартак чемпион!» – кричит он прохожим в лицо, а чуть позже деловито сообщает: «Клопы, крысы, тараканы недорого».

В электричке, полной безысходности, вспоминается самая первая акция «Эпилога».

Да и «Эпилога»-то никакого еще не было: была лишь активистка Анна Костомарова, которая пыталась избавиться без-

утешных женщин от боли и страданий. Сбиваясь и косо глядя в камеру, она объясняла, почему на акциях запускаются шары. Воздушный шар, говорила она, полупрозрачный – как призрак нерожденного малыша. И круглый, как материнская утроба.

Но она тогда не договорила. Есть еще одна причина, почему именно шарик стал символом «Эпилога».

Он пустой.

Пустота – вот что воцаряется в душе женщины после смерти ее долгожданного ребенка. Вот почему не помогают слова утешения, попытки забыться, чужое сострадание. Все это падает в бездонную пропасть, ведь ничто не может наполнить пустоту. Она по капле сжирает жизнь до тех пор, пока ничего не остается, а затем выходит из краев и затапливает собою весь мир несчастной матери.

Пустота не поддается лечению. Разве можно лечить то, чего нет?

Пустота не подчиняется законам. Развеяться, забыться, утешиться – правила, помогающие в любом другом горе, с пустотой не работают. Как можно развеять то, чего нет? Как можно забыть о том, что внутри – пусто?

Пустота глуха к мольбам. Она неподвижна, ее нельзя расшевелить, вывести, прогнать. Попытки бороться с пустотой напоминают плаванье в густом киселе: движения все медленней, сил все меньше, а прогресса никакого и нет.

Воздушный шарик наполнен пустотой. Прямо как мать,

потерявшая своего малыша.

Фонд «Эпилог» не пытался побороть эту пустоту. Он пытался договориться с ней, найти к ней подход. Но пустоту так просто не проведешь. Попробуй, войди с ней в контакт – она засосет и тебя, и все, что тебе дорого, раздуется, как напившийся крови слепень, и вскоре в твоём мире не останется ничего, кроме пустоты.

Вот и «Эпилог» попался. Казалось бы, только что жил, шумел и ширился – а через миг зияет котлованами, тоскливо смотрит на город темными окнами, а в гулких коридорах гуляет она, пустота.

В памяти оживают последние месяцы с Никитой. После выписки из больницы сил не было ни на что, и даже лежать лицом к стене казалось трудно. Никита согревал своей заботой, ободрял оптимизмом, не отходил от кровати и убеждал, что время лечит.

Так и случилось. Время подняло с постели, поставило на ноги, вывело под ручку сначала на балкон послушать птиц, потом в магазин за молоком и йогуртом, затем в кофейню за горячим шоколадом. Вылазки увеличивались, солнце грело лоб, березы одобрительно кивали, и с каждым днем жизнь становилась чуть легче. Сердце наполнялось благодарностью к Никите, ведь потеря дочери – это и его трагедия тоже, а он, отложив скорбь, все внимание посвятил своей жене. Хотелось отблагодарить и заботиться о нем так, как никто еще не заботился. Это было необходимо: вставать на час рань-

ше, чтобы приготовить завтрак, делать внезапные подарки, устраивать романтические вечера.

Первое время он пытался отвечать сюрпризами и комплиментами. Но вскоре остыл.

– Хватит, не могу больше, – устало сказал он, отталкивая блюдо с домашним печеньем. – Ты же ненавидишь все это: готовить, убирать, ухаживать за кем-то. А теперь ведешь себя со мной по-матерински. Но я не ребенок, я твой муж! Я ведь знаю, что на самом деле ты совсем другая!

Он кивнул на холодильник: вся дверца облеплена пестрыми магнитами и фотографиями из предыдущей жизни. Там были парашюты, рюкзаки, палатки, убитые кеды, полуночные посиделки с гитарой и вечно ворчавшая свекровь: «Вы с Никитой уже не дети, своих пора заводить, а все скачете, как студентики».

– Куда исчезли твои увлечения, подруги? Почему твой мир замкнулся на этом? – он красноречиво повел рукой. – Зачем ты превратилась в наседку? Я постоянно чувствую себя обязанным. Я устал от навязчивой опеки. Я не могу и не хочу поддерживать эту фальшь.

В ту ночь рухнула семейная жизнь. После ссоры Никита ушел – на время, как он пояснил, пока все не встанет на свои места. И стало больше не о ком заботиться. Некуда было излить накопленную за девять месяцев нежность и любовь. Мир снова опустел, и силы вновь покинули тело.

А под утро, когда уже было невозможно ни спать, ни пла-

кать, тихонько подошла к постели она. Погладила ручонкой по волосам и сказала:

– Не грусти, мамочка! Нам и вдвоем хорошо.

На скамье напротив сидит женщина лет пятидесяти. Аккуратная стрижка с завивкой, брючный костюм, сдержанно-пестрый шейный платок, сколотый сверкающим зажимом. Наманикюренными пальцами перебирает бумаги в кожаном портфеле. Видно, как она удовлетворена собой: выглядит и ведет себя, как бизнесвумен образца двухтысячных. Перед глазами всплывают глянцевые развороты, где стильные дамочки со страниц прогрессивных журналов призывали покинуть ненавистную контору или, того хуже, надоевшую кухню, и начать-таки работать на себя. Не проси деньги у мужа, зарабатывай. Будь сама себе хозяйка. Выбирай, сколько работать, а сколько отдыхать. Независимость и успех – составляющие твоей новой жизни. Машина, шопинг, путешествия – больше нет ничего невозможного.

И все такое розовое, вдохновляющее, доступное. Кажется, просто позвони по «горячей линии» на восемь-восемьсот, раздай бесплатные образцы соседкам – и вот она, европейская сказка или американская мечта, кому что ближе. Да что может быть ближе женщине постсоветского пространства, когда в телеке плачут богатые, а в рекламных паузах томные барышни получают райское наслаждение?

Чего должна была хотеть русская женщина, недавно

узнавшая из хлынувшего из-за бугра инфопотока, что блестящие колготки – безвкусица, а не роскошь, и что наряжаться в Макдональдс нелепо, хоть он зовется рестораном?

Эта милая «селф-мейд-вумен» напоминает мать. Не теперешнюю, а двадцатилетней давности: с планами, порядком дня, кипучей энергией и крепким здоровьем. Та же непоколебимая уверенность в собственной правоте и безоговорочная вера печатному слову. Те же отточенные движения миловидной женщины, привыкшей быть в центре внимания несмотря на природную погрешность внешних данных.

С годами ее походка замедлилась, торопливые шажки превратились в приземленные шаги, появилась привычка склонять при ходьбе голову набок, как будто кто-то сидит на левом плече и нашептывает: лучшая часть жизни прожита, старость на пороге, кавалеров давно след простыл, а взрослая дочь не способна справиться даже с сущим пустяком – рождением внучки... Но все это потом, позже, много лет спустя, а в те времена мама была точь-в-точь как сегодняшняя попутчица.

Набегаёт волна трогательной теплоты. Приятно видеть человека, у которого все хорошо, все по полочкам.

Женщина чувствует на себе чужие мысли, нервно поднимает взгляд. Не разглядела умиления – приняла его за высокомерие, насмешку. Оскорбленно, но гордо приосанившись, с вызовом хлопает портфелем, стремительно поднимается и выходит в тамбур.

Электричка, тяжело вздыхая, замедляет ход и раздвигает двери в каком-то городке. Вон она, попутчица, на платформе: раскрыла цветистый зонт и идет, аккуратно переступая через лужи.

Пусть она покоряет вершины своих амбиций, пусть глянцева мечта как можно дольше освещает изнутри ее взгляд, дает силы просыпаться, крутить бигуди, подбирать шейные платки под цвет помады, а помаду в тон полосок на супружьем галстуке.

Иди с миром, незнакомка! Неси порядок и покой в сердца бездетных мам.

Нужная станция встречает со слезами. Дождь моросит, и дальний лес затянут пеленой. У палатки с шаурмой ошиваются два тощих пса. Около платформы приютились бабушки в дождевиках, продают дары леса и огорода. Пахнет грибами и соленьями.

«Эпилог» позаботился о трансфере: неподалеку скачет парнишка с табличкой. Он кивает на минивэн. Почти все места заняты. Исключительно дамское общество.

Барышня, украшенная английской косой, с нарочитым усердием тычет в телефон. Кто-то в черном платке все шуршит и шуршит пакетами. Женщина с синяками под глазами запрокинула голову и вроде как спит. Остальные хмуро глядят в окна.

Вдруг стайка веселых девушек заглядывает в салон, шу-

шукается и отправляет самую смелую на разведку. Та подсакивает к парню с радостью человека, который чуть не потерялся, но уже нашелся. Но видит название фонда, и с лица сползает улыбка. Наверно, чувствует себя обманутой: собрались с подружками на праздник, нарядились, создали настроение – и тут на тебе, группа скорбящих прямо в общественном месте. Тычут своим горем в лицо, мешают наслаждаться жизнью. Заставляют думать о плохом. Разве справедливо?

– Недомамаши всем уже надоели со своими соплями! – гневается одна из них. – Почему бы им не усыновлять младенцев из детдомов, если так сложно пережить потерю?

– Ванька! – кричит вторая в неведомые дали и машет зонтом. – Мы тут!

Стайка девушек снова веселеет и упархивает в дождь.

– Еще одну дождемся и едем! – объявляет парень и хлопает дверью, чтобы не впускать сырость.

Все молчат.

Наконец врывается опоздавшая. С нее летят капли.

– Уф, ну и дождь зарядил! Я надеялась, только в Москве непогода, а здесь прояснится. Мероприятие у нас ведь под открытым небом. Но ничего не поделаешь. Придется мокнуть! Здравствуйте всем.

Барышня неловко улыбается и делает намек на кивок.

Женщина с синяками под глазами устало достает наушники.

Черный платок на мгновение затихает, а затем снова принимается шуршать.

Остальные хмуро глядят в окна.

– Все? – спрашивает шофер и не дождавшись ответа заводит двигатель. – Раз все, то поехали.

Минивэн неловко разворачивается и берет курс на блеклые дачки.

Это не похоже на похороны. «Церемония прощания» – лишь грациозная фраза. На похоронах есть могила, крест и, самое главное, мертвец. И никаких воздушных шаров.

Хотя вряд ли кто-то из присутствующих видел в своей жизни много похорон. Сколько потерь приходится на одну современную женщину детородного возраста? Три? Пять?

Хоронят бабушек и дедушек – чаще всего в детстве, когда васильки в кладбищенской траве запоминаются лучше, чем безжизненное лицо почти неузнаваемого старика.

У некоторых уже ушли родители – глубокая трагедия вперемишку с поверхностными хлопотами. Горечь утраты против похоронной суеты: ну и кто кого?

Несчастный случай с ровесником – нелепость, совсем не пожил, смерть забирает лучших... Всплакнуть, помянуть да и забыть. У всех свои жизни, и они продолжают.

Коты и канарейки не в счет.

Но ни на одних, даже канареечных, похоронах никогда не бывает воздушных шаров.

Костомарова уже здесь. Говорят, она давно не посещает акции, доверяет организаторам. Что заставило ее передумать? Неужели присутствие старой подруги? Или чувствует, что каждая акция может быть последней, и хочет наблюдать за гибелью своего корабля с капитанского мостика?

Участниц больше: не все прибыли в минивэне. Долетает знакомый парфюм. Ба, недавняя пассажирка! Та самая, глянцева, умильная. Неужто и ее мир уже разбит на части и держится лишь на блестящей булавке для платка? Или просто журналистка?

Аня хлопает в ладоши и подзывает всех к накрытым столам. Вместо угощений фломастеры и шары. Церемония начинается.

– Ты как? – спрашивает Костомарова, неслышно подойдя со спины.

С Анькой хочется говорить начистоту.

– Сначала было страшно. Вдруг поможет. Вдруг она и вправду исчезнет, и я ее больше никогда не увижу. Не уткнусь носом в кудряшки. Не спою песенку перед сном. Не отвечу на миллионное «почему».

– Разве мы здесь не для этого? – удивляется Аня.

– Может, и для этого. – Синий маркер вычерчивает детский профиль на розовом шаре. – Может, нам действительно пора прощаться.

Ком пережимает горло, но плакать не стыдно: всхлипывают почти все, каждая о своем.

– Посмотри на них, – тихо комментирует Костомарова. – Сколько боли они в себе носят. Я искренне хочу, чтобы им стало полегче. Чтобы акция сработала.

С этим трудно не согласиться. Всеобщая скорбь почти ощущается кожей. Появляется искреннее желание, чтобы шарики помогли.

Удивительная встреча: дама из электрички тоже стоит у стола. На ее шаре нарисован спеленатый младенец, окруженный сердечками и поцелуями. Видимо, даже в тоске она сохраняет стремление к свету. Хороший, оптимистичный, наверное, человек. Хоть бы горе ее не подкосило.

– Каждая найдет умиротворение, – кивает Аня. – Каждая, и ты тоже. Вот увидишь.

Она отходит и объявляет:

– Если все готовы, то пора отпускать. Давайте на счет «три».

Между участницами суетится фотограф. Подсовывает объектив к шарикам, снимает крупные планы. В деревенских домах было принято вешать на стену фотографии с похорон: черно-белое семейство рядом с нарядным гробом. И маленький искусственный цветочек воткнут в рамку.

На счет «три» все слаженно отпускают шары. И это действительно происходит: будто разжимается ледяная хватка, и становится легче дышать. Душа утопает в теплом спокойствии. Внезапно становятся заметны все мелочи, из которых складывается подмосковное лето. Где-то за горизонтом про-

рокотал гром. Робко стрекочет намокший кузнечик. Стайка розовых шаров поднимается все выше и выше.

– Мамочка, а куда они полетели?

– На небо, милая. К ангелам и звездам.

– А мы теперь куда?

Акция завершилась. Костомарова закончила прощально-утешительную речь. Молчаливые дядьки грузят столы, две девчушки торопливо раскидывают по пакетам фломастеры, скатерти и пластиковые стаканы. Участницы расходятся. Садятся по машинам, занимают места в минивэне. Фотограф, привалившись к мокрой березе, курит и листает снимки на своей камере.

Среди зарослей иван-чая и пижмы заманчиво петляет тропинка. Она уводит в самую чащу леса, где под пение птиц сочувственно кивают елки, а белкам и лисицам нет дела до воображаемых детей. Ноги утопают в мокрой траве, а рука сжимает доверчивую дочкину ладошку. И пусть так будет всегда.

В оформлении обложки использована иллюстрация с <https://pixabay.com/> по лицензии Simplified Pixabay License.